

ISS № 0130-3600

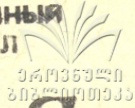
საქართველოს
ლიტერატურის
ინსტიტუტი

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

1

1985

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

Орган Союза писателей Грузии

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1957 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

МУХРАН МАЧАВАРИАНИ. Стихи. Перевели Светлана Кокорева и Алла Беридзе	3
ОТИА ИОСЕЛИАНИ. Новеллы. Перевел Олег Казаков	10
ЗУРАБ КУХИАНИДЗЕ. Стихи. Перевел Сергей Алиханов	58
АКАКИЙ ИРЕМАДЗЕ. Окно в прошлое. Документальная повесть. Перевел Дэви Стурва	62

ОЧЕРК

ИГОРЬ ЛЕЙБЕРОВ. Ночной рейс броненосца «Потемкин». К 80-летию революции 1905—1907 годов в России	126
---	-----

40 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

ДАНИИЛ ДЖАНАШВИЛИ. Память	143
--	-----

1

1985

СОСО СИГУА. Поиски героя	160
ЛИНА ХИХАДЗЕ. Пушкинские «Медный всадник» и «Цветок» в грузинской поэзии. Моменты восприятия	160

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Дневник Марики. Публикация Н. Чиковани. Перевела Кетеван Хундадзе	171
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

АКАКИИ ГАЦЕРЕЛИА, БАЧАНА БРЕГВАДЗЕ, ЭМЗАР КВИТАИШВИЛИ, МИХАИЛ КУРДИАНИ. Книга, изданная в Венеции	204
ЛАДА ОДИНЦОВА. Феномен Вознесенского	215

ИСКУССТВО

ЭРАСТ КУЗНЕЦОВ. Формула родного края	218
--	-----

ХРОНИКА	170, 203
Коротко об авторах	224

НОЧЬ НА МЕЛЬНИЦЕ

Борется коптилка с тьмою, сна не знала,
Преодолевают дрему петушок.
В очаге коптится ветчина свиная,
И курится над трубой чуть видимый дымок»

Колесо воркует слаженно с водою,
Ива с ручейком ведет свой разговор.
Кисеей провисли низко над землею
Облака — всплывают дымкою во двор.

Стережет луна арбу за садом старым,
Жернова грызут зерно, как сухари.
Брюхо доволна набито у Цикары,
Что же размычался он, черт его дерит!

Сквозь дубы церквушка призраком белеет.
С жерновом как будто вовсе ничего
Общего могильный камень не имеет,
Но и он тебя размолет, как жернов — зерно...

Борется коптилка с тьмою, сна не зная.
Преодолевают дрему петушок.
В очаге коптится ветчина свиная,
И курится над трубой чуть видимый дымок...

●
Рассыпанными
бусами
роса в лучах купается,
их теплое дыхание
в клубы, как дым, сбивается,
и нежностью душа моя
на нежность откликается, —
росы,

росы,
медоносы,
солнце поднимается!

Как хотел бы стать росинкой, капелькою я!
Протяни мне руку, солнце, подхвати меня!

«Я уже об этом, друже, солнце попросил!» —
шмель летучий
или ветер
в ухо пробасил.

Кто б он ни был,
шмель иль ветер,
он мой лучший друг!
Я счастливый!
И люблю я
все, что есть вокруг!
Я тебя, земля родная,
к сердцу бы прижал,
если б ветром иль росую,
или солнцем стал!

Нет в природе силы выше,
сказочней любви!
Я парю —
и вижу крыши,
скверы и мосты!
Я кричу —
и город добрый
машет мне рукой,
будто я —
Кавказиони —
и никто другой.

МОРЕ

Вздыбится зверем волна

и
рыча

устремляется к берегу.

Падает с маху на камни,
шипит,
утихает...

И...
Отступает назад.

Снова, зеленая,
выгнется,
к берегу кинется,

С грохотом пену взобьет —

И...
Отступит назад.

Как мне знакомы исступленной страсти накаты...
Духа мятежного гул каждой клеткой я знаю.
Но успокоится море — и зеркалом станет заката.
С грустью смиренный я берег его покидаю.

●
Вот отчего нет границ моей радости:

Ты разделил ее,
Он разделил ее.

Горе — но чудо, и в нем искра радости:

Ты разделил его,
Он разделил его.

Слезы и смех, в мое сердце входящие,

Чьи вы — не знаю,
Чьи вы — не знаю.

Радость и боль, коль они настоящие,

Я разделяю,
Я разделяю.

Вот отчего нет границ моей радости:

Ты разделил ее,
Он разделил ее.

Горе — но светится в нем искра радости:
Ты разделил его,
Он разделил его...

ТАМ

Там, наверно, каждый день ждут меня поляны...
Берега ручья, наверно, тоже ждут меня.
Ждут орехи,
Подпирая
Небо,
И платаны.
Ива грустная, конечно, тоже ждет меня.

Я приду...
И лишь прольется
Утро
На поля,
С жаворонком мы взлетнемся
В небо —
Он да я.

И, поднявшись в поднебесье,
Позабудем враз
Обо всем на свете,
Только
Радость будет в нас.

И когда вечерний сумрак
Дали обоймет,
И когда во тьме кромешной
Тишина взойдет,
Стану тихим и спокойным,
Таинств полон
Я, —
Как окрестности,
Как дали,
Как сама Земля...

●

Тучи
с ночи
сговорились
солнце не пускать на небо.
Зарядил с полночи тихий теплый дождь — и на весь
день.

Ива нежная купает свои ветви с наслаждением,
И лоза роняет слезы беспечально на плетень.

На соседском доме вижу с черепицей битой кровлю,
Вижу, как по листьям сочным дождевые капли бьют.
Женщина бежит босая по дороге в платье мокром,
И конца дождю под сливой терпеливо куры ждут.

Мокрядь...
Мокрядь...
Беспросветно...
Туче

как

не надоело?

Полегла пшеница в поле,
И дороги развезло.

Но пока с тобой мы вместе, нет нам никакого дела —
Тучи смотрят или солнце в наше мокрое окно...

ЕСЛИ НЕ ДЖВАРИ ТЫ

Сколько людей имена
Смерть привычно, как свечи,
Гасила!
Как же их мало, имен,
Что остались светить за пределом!
Все повторяется в мире подлунном,
Так есть и так было,
Было и будет бессмертье
Немногих
Уделом.

Если не Джвари ты,
Если ты не Гелати,
Ввысь уносящийся к небу с земли,
Как мольба,
Метаморфозы печальные,
Бренности верные рати,
Приговорят к разрушенью,
Подвигнут ко праху тебя, —
Если не Джвари ты,
Если ты
Не Гелати,
Ввысь уносящийся к небу с земли,
Как мольба...

Перевела Светлана КОКОРЕВА

●

Рассвело, —
Обескровил рассвет укрощенную исподволь ночь;
Обособилось все,
И цвета всеохватного круга:
Белый,
Зеленый,
Красный,
Синий —
Предельно,
так, что глазам невмочь,
Оттеняют друг друга.

Не в силах скрыть своего ликования —
Блики... Жизнь, или как там еще
называется это!

Глаза твои
ласкают землю,
как солнце, горячо.

●

Твой мир, твой облик полюбить равно
Меня заставило твое окно.
Я радуюсь, что ты — душа и тело,
А чья ты в целом — мне какое дело!

Тобой сквозит рассвет и наступает ночь.
Я твой. Нет дерзновеннее мечты.
Ты то, что не могу я превозмочь —
Надежда! Безнадежность тоже ты.

●

Днем сегодняшним вот уж
никто не живет. Ну а то, что
Кто-то живет им — так попросту он и не мыслит!
День сегодняшний — размышленья всего лишь
о будущем и о прошлом.

Солнце о земле потому лишь и помнит,
Дым затем осеняет очаг, дав прибежище памяти,
Чтоб хоть изредка мог человек
потянуться за собственным прошлым,
Как за книгой, вовек не подвластной ни тлену,
ни замети.

Перевела Алла БЕРИДЗЕ

◆

НОВЕЛЛЫ

ПОЕЗД И ЧЕРНАЯ РЕКА

В первый раз сию я в поезде и вместе с бабушкой еду далеко-далеко — в Шорапани.

Прямо-таки чудо этот поезд. Привязанные друг к другу дома без быков, без лошадей—без ничего несутся вперед. Даже бабушка не знает, как это получается. Тащит дома паровоз, но кто паровоз тащит? Из горшка, из кастрюли, чайника тоже валит пар, однако не уволочут же они за собой наш амбар, кухню, дом, даже если поставить их на железные колеса и связать цепями. А если добавить к ним дом и амбар дедушки Григола, дом и амбар дедушки Самсона...

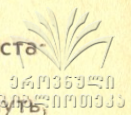
Хочешь верь, хочешь нет, а этот мой поезд едет и заодно с другими пассажирами везет и нас: меня, бабушку Кристинэ и цыпленка Нацару¹.

Нацару цыпленком назвать трудно — его уже и резать можно. Бабушка везет его как гостинец в семью зятя для дочери, сватьи, внука. Наверное, курицы, чтобы подарить, у нее не нашлось, а из нынешних цыплят этот оказался самым лучшим.

Мчится поезд, и наша река, которая, сколько я помнил, всегда текла вниз по склону, теперь бежит вверх вместе с ивами, узеньким дощатым мостом, разваленной водяной мельницей, женской купальней, деревьями, нашим ребячьим местом на берегу. Убегают от нас зеленые, радующие глаз кукурузные поля; в начале каждого поля одно-два дерева: дуб или ясень, вяз или дзелква. За полями виден и наш луг — Бекнара.

Я смотрю в окно и все время боюсь, чтобы не

¹ Нацара — серый (от груз. слова «нацари» — зола).

041935940
0000000000

убежал этот луг, не то вдруг, вернувшись, я не заста-
ну его на месте...

Слава богу! — не убегает, всего лишь чуть-чуть,
едва заметно поворачивается ко мне другой стороной.
Только бы не потерялся, а то что поворачивается —
пускай! Черточками виднеется на лугу пасущаяся скоти-
на; ребят-пастухов и вовсе не разглядеть. Зато видна
дикая груша, заброшенный кирпичный заводик.. Я уве-
рен, что нахожусь на лугу, смотрю оттуда на черный
паровоз, зеленые вагоны; но с луга не различить мне
самого себя, прижавшегося носом к вагонному окну.
Сердце не на месте: что если бы эти двое увидели
все-таки друг друга?

Паровоз кричит и за мостом врывается в ущелье,
разделяющее две горы. Грохот и лязг колес усилива-
ются, и мне становится страшно, как бы поезд не сор-
вался с рельсов на повороте, не проломил гору и не
влетел бы на чайные плантации.

Уцелели-таки, хотя это не мы уцелели — паро-
воз уцелел, разве что-нибудь могло грозить пассажи-
рам в таких крепких вагонах!

Повернули к Маглаки (в Маглаки живет сестра ба-
бушки — Бациа), пересекли по мосту речушку Ого и
устремилась дальше. Сначала проезжаем Новый Ку-
таиси, потом станцию Риони, Аджаметский лес, Свири,
Зестафони и — Шорапани. Есть ли дальше что-нибудь
еще, не знаю. Краем уха слышал, что есть еще Тбили-
си. Ну хорошо, там, за Шорапани, есть еще Тбилиси,
но уж дальше — конец. Ау-у! Какая, оказывается,
большая земля!

По двадцати одному яйцу высиживали две насед-
ки, и вот из стольких белых яиц умудрился вылупить-
ся серый цыпленок — Нацара. Цвет, по-видимому, был
признаком его избранности.

Бабушка заставляла высиживать яйца обеих насе-
док разом. Цыплят же отдавала на воспитание одной,
а другую сажала под корзину на холодную землю,
чтоб та отошла и опять стала нестись, и дело, таким
образом, не останавливалось. Когда цыплят объеди-
нили, мачеха тут же заметила Нацару, потому что сре-
ди ее приплода такой масти не было. Других она при-
крывала, обхаживала, а этого — клювом по голове.

Закричали мы с братом, побежали к бабушке, но бабушка доила нашу черную корову и пока освободилась, чтобы проучить наседку, Нацару мы нашли уже совсем истрепанным и окровавленным. Если б было у него четыре ноги — еще куда ни шло, а на двух ему приходилось невмоготу: все заваливался на бок и держал лапками. Заплакали мы, бросились к нему, подняли. А он, бедняга, шагнул раз-другой с уроненной на бок головкой и опять упал. А тут еще наседка — кудахчет, набрасывается. Сама не хочет о нем заботиться и нам не дает. Наконец бабушка процедила и заквасила молоко, ополоснула руки и вынесла горсть кукурузных зерен. Она подошла к наседке, сделала вид, что хочет покормить ее, а сама схватила курицу, вырвала перышки из хвоста и с силой затолкала их в клюв, в ноздри. Наседка раскудаhtалась, заметалась, совсем запуталась. А для Нацары бабушка велела нам принести сито, накрыла его, и тот со временем очухался. Но ходил он все еще бочком и не всегда мог попасть клювом в зернышко. Мы с братом часто кормили его с рук молотой кукурузой или просом. Обычно он хватал слишком много, и зоб у него становился величиной с голубиное яйцо. Посадим его к черепку с водой, он напьется и, кажется, не бога благодарит, а нас.

Поезд остановился.

Представьте себе: на свете были не только один пассажирский поезд и один грузовой! И станция большая, а за станцией двух- и трехэтажные дома громоздились друг на друга. (Это по сравнению с деревней казалось, что они громоздятся).

Некоторые пассажиры вышли. Оказывается, не все ехали до Шорапани. Вошли новые. Зазвонил колокол, закричал наш паровоз. Видимо, после отдыха трудно ему было без быков, без лошадей опять тащить эти сцепленные дома, но все-таки он потихоньку двинулся и пошел, и пошел...

Слава тому, кто тебя придумал, поезд! После тебя уже ни автомобиль, ни трактор меня не удивляли, ни самолет, ни ракета. Ты был для меня первым чудом, первым путешествием, первой тревогой, да и остался.

Когда Нацара начал оперяться и ходил словно оштаннный, как и его сверстники, наседка уже не отличала его и не обижала. Но он все еще предпочитал кормиться с ладони, а не выискивать зерна. Мы ему не отказывали, тем более, что вскоре он покрылся прелестным серым пухом, а хвост и концы крыльев украсились блестящими длинными перьями; на солнце высвеченные, пронизанные прямыми лучами, они вспыхивали время от времени рыжевато-ржавым отблеском.

Мой поезд вылетел на огромный мост со стенами-решетками. Под мостом неслась, рокотала огромная река. И снова сердце чуть не разорвется от страха: или река вместе с мостом унесет, или в решетку врежемся!..

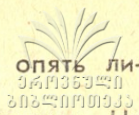
Снова станция, снова поезда!
Как все удивительно!

Благодаря своей красоте и ухоженности Нацара и был взят в эту длинную, полную опасностей дорогу. Хотя, как оказалось, в поезде такому безобидному существу путешествовать запрещено. И стоит только ревизорам или контролерам заметить, так мало того, что цыпленка отнимут, а еще и нас оштрафуют.

Когда меня баловала судьба, чтобы в этот раз обрадовать?

Все было отравлено ожиданием ревизора. И сколько бы раз ни открылись двери вагона, я холодел. Хорошо еще, что бабушка мне не с самого начала об этом сказала. Один мой глаз все время наблюдал за дверью, а другой не отрывался от голубой бязевой торбы, где то ворохнется, то кудахтнет цыпленок. Как были бы хороши эти поезда, станции, мосты и убегающая назад земля, если б бог не создал ревизоров и железнодорожников! Как мы спаслись, уж и не знаю. Я, и без того желтый от малярии, наверное, стал и вовсе на покойника походить, раз уж бабушка, как только прошли ревизоры, взяла меня на ко-

лени и стала щупать лоб, думая, что меня опять лихорадит.

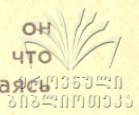

Как бы там ни было, достигли мы Шорапани. Не помню точно — встретил нас кто-нибудь, или бабушка приезжала сюда уже не впервые и хорошо знала дорогу через пути, станцию, по незнакомым улицам. Так как Нацара спасся, уцелел и нас не оштрафовали (не знаю почему, я связывал штраф с наказанием), остальное уже не имело большого значения.

Муж моей тети, сестры отца, служил начальником железнодорожного пожарного отряда, или что-то вроде этого. И квартира у них была в железнодорожном общежитии, не помню, то ли две, то ли три комнаты. Был у них единственный сын, младше меня на полтора года, а в детстве это значительная разница, такой балованный, что если бы он дом поджег, то родители еще и керосину бы плеснули. Я же, если б вдруг хоть холодного мчади пожелал, разве что бабушка отломала бы кусочек, а так и этого бы не досталось. И вообще все, что было для меня мечтой, двоюродный братец вовсе ни во что не ставил. Он ведь родился и рос в доме у самой железной дороги. Свист, гудки паровозов, грохот вагонов, дудки стрелочников он как мамину колыбельную слушал. И черная река — Квирила — его не удивляла. А можете вы представить бегущую зимой и летом по склонам и долине реку, в которой вода все время черная как смоль?!

Тетя и ее свекровь, Анэта, как увидели меня, вспомнили моего отца — горячими слезами заплакали. Тогда минуло около пяти лет с тех пор, как отец умер, а вот уже не то что пять, а и пятьдесят лет прошло, но родня моя и сейчас его не забыла и без слез не вспоминает. Так что при встрече всем было не до меня и не до серого цыпленка.

Распутал я тряпицу, что связывала его лапки, но и это, видимо, было ему неприятно, и я, решив больше его не тормошить, посадил цыпленка на газету у кирпичной печки, налушил ему зерен из припасенного кукурузного початка, покормил с ладони, принес воды в блюдце: он попил, поблагодарил меня и задремал тихонько.

Под вечер пришел со службы муж тети. Был он добряком и настолько не любил всякие хлопоты, что и в семейные дела не вмешивался, во всем соглашаясь с моей тетушкой.

Тетя, бывало, только присядет поговорить, озорной двоюродный мой братец немедленно бросался к ней на колени, оттуда взбирался на стол, а там уж и на потолок влезть норовил. Моя бабушка соскучилась по зятю, дочке, сватье, внуку, к тому ж одолевали ее болезни и горести — не прыгать же мне было к ней. Так что стоял я на балконе, у сетчатой, из толстой проволоки ограды, не доставая до ее верха головой, и глядел на черную реку: не покажутся ли там рыба, рак или хотя бы лягушка. Вдалеке внизу был виден висячий мост, и никак я не мог представить, что по мосту, подвешенному на веревках, можно было ходить — у нас таких мостов не было, и сейчас, когда кто-нибудь показывался на настиле, я зажмурился — сорвется, и утащит его черная река!

Уже смеркалось, и рабочие, торговцы возвращались домой. Почему-то запомнилось, что все шли туда—к мосту, а я долго всматривался в противоположный берег: что там, где не видать ни рельсов, ни паровозов, ни вагонов, почему все шли туда, где виднелись красные черепичные крыши, каких и в нашей деревне было много.

Мне взгрустнулось, и я решил взглянуть на цыпленка, оставленного в кухне. Ведь раз он оставлен в одиночестве, ему наверняка еще грустнее — не видит он ни черной реки, ни висячего моста... Оглянулся — где же Нацара?

— Нацара, — позвал тихонечко, чтоб никого не потревожить, и вспомнил, что лапки-то я ему развязал, да так и оставил. Никуда он уходить не собирался, да и жаль было его связывать, вздумай он пойти куда-нибудь — я же здесь. Осмотрелся внимательней — ни газеты, ни блюда с водой, ни Нацары — нет как нет. Стал я на четвереньки. Для того чтоб заглянуть под стол и под стулья, этого можно было и не делать. Полез я под буфет — там темно, ничего толком не

разглядишь... Обшарил все углы, обошел все еще раз...
Вот он!

Вот же — забрался в ржавый казан! И сияющий хвост торчит, и желтые лапки... Подскочил я к нему, дернул — холодом обдало: безвольно упала лапка, головы нет, из перерезанной шеи капает кровь, и кровью пропитан красивый шелковистый пух на грудке. Я взвизгнул, бросил его...

Выскочили молодые и старые (бабушку Анэту я не заметил).

— Зачем убили, зачем, зачем, зачем!.. — я зашелся плачем, перехватило сердце, сжался весь, ничего на свете не хочу: ни тетушки, ни дяди Симона, ни брата двоюродного и ни бабушки.

— Зачем убили! Зачем убили! Зачем, зачем, зачем!..

Да кто мне ответит, почему цыпленка зарезали. Никогда я не мог громко выражать свои страдания, боль, но в тот раз так мне туго пришлось, что выхлестнулись из меня эти два слова. А после того всегда молчу, зажимаю сердце в кулак, и когда вижу необъяснимую, ничем не оправданную жестокость, замыкается душа... уйду. Бегу, чтобы найти где-нибудь место, хижину, селение, сторону, где живут благословенные люди, где если делают что-то, то знают, что делают, где тому, что дорого, не перережут горла, не прольют крови, не убьют и убитого в кипятке не сунут...

И тогда я убежал. Что и говорить, если б могли они подумать, что способен я убежать, что весь свет опрокинуть способен, — удержали бы. Но ведь они думали, что, как водится, поплачу, поволнуюсь, но раз уж головы Нацаре все равно обратно не пришьешь, то успокоюсь и выпотрошенного, разделанного, жаренного, стану его уплетать. Но когда я, все еще прижимаясь к стене, оглянулся на печку и увидел, как ошпаривают Нацару, бросают его окровавленные перышки в мусор, когда выворотил мне душу запах горячего пара, обваренных перьев, выскочил я и бросился вниз по лестнице.

Не хочу ни этого дома, ни тех, кто там живет, ни железной дороги, ни поезда, ни бабушки — единственного, самого дорогого человека на свете.

Плачу, всхлипываю, сердце к самому горлу подступает, распух от слез, весь мир мне тесен. Бегу, бегу, но разве один только бог знает, куда я бегу.

Ни дороги у меня, ни приметы, ни лучшую землю найти не надеюсь, а все же бегу куда-то. Нет мне спасения, нет выхода, нет надежды и веры, и я бегу!

Ненавижу все это: невыносимое и жестокое, неспособное на любовь и двуличное, ненавижу этих, проливающих кровь, кровопийц... Бегу, бегу, бегу.

Куда бежать? С одной стороны железная дорога, вагоны, паровозы, железнодорожники и их дома, с другой — черная река. Передо мной — вода, позади — обвал. Но нельзя останавливаться. Если остановлюсь сейчас, если присяду сейчас, если сейчас упаду и растянусь — разорвется и без того надорванное сердце и залется кровью. Задушит, задавит горе...

И я бегу, всхлипываю и бегу (тогда я еще не знал, что спасения быть не может). И вот достиг я подвешенного на тросах, узенького моста, перекинутого через черную реку, и остановился. Смотрю... Рокочет, движется, несет волны, словно черные камни, черные глыбы. Перейти по этому мосту — все равно что границу жизни и смерти перейти. Какие-то две узенькие доски — весь мост. На нашем мосту, по которому и на быках ездят, я и то за бабушкину или мамину юбку цеплялся, а сейчас мне предстоит идти по этому ненадежному настилу над черной водой. Надо идти. Потому что по эту сторону я не останусь, и может... может быть на том берегу, там, далеко, в неведомой стороне вздохнет свободно душа, вернется на место сердце, и я найду край, где не отрежут голову Нацаре, не бросят его в кипяток, не погубят, не ощипают, не съедят, где... где...

Ступил я на мост. Но до каната-поручня мне не достать, между опорным тросом и поручнем есть еще проволоки, но они не так часты, чтобы я мог дотянуться от одной до другой. Пошел я-таки по растрескавшимся доскам, но откуда мне было знать, что на воду, а уж тем более на черную воду, смотреть нельзя. То ли мост, зыбкий, ненадежный, как мое существование, оказался слишком чувствительным, то ли я

отяжелел от обиды и горечи, постепенно стал он меня раскачивать, бросать... У меня тогда и земля из-под ног уходила, а уж качающийся, дергающийся мост и подавно не мог меня удержать. Подбрасывает меня, тащит из стороны в сторону, вот-вот унесет меня бурлящая черная вода. Закружился перед глазами мир, и, вцепившись в доски, раскачиваюсь я между небом и черной водой. До неба мне не достать — до каната и то не дотянуться, а внизу весь мир закрыт непроглядно-черной рекой. Ни берега не видать, ни надежды, ни помощи, ни спасения. Вскрикивает паровоз, словно покойника оплакивает, или это бабушка, мама, или тетушка моя; и жадный, клопочущий, темный ад притягивает меня...

Было уже почти темно, когда кто-то оторвал меня от почерневших досок настила и повел, крепко схватив за запястье.

— Милый детка! Ты что здесь хотел, маленький? На мою бы голову твое горе... Ох, что ж ты наделал... Как такое с тобой стряслось... детка... — Это была Анэта — свекровь моей тети.

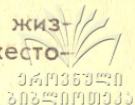
Страшно она обеспокоилась, переволновалась из-за меня, из-за Нацары, из-за висячего моста и из-за всей этой невыносимой, вероломной жизни.

— Не было меня дома! Разве я разрешила бы... Не огорчила бы я сердце твое, не согрешила бы против тебя, милый, маленький... поди ко мне...

И вот так, уговаривая ласково, прощения испрашивая, сердцем со мной соглашаясь, клятвами, убеждением, милосердием, обнадеживая, сея во мне веру в будущее, поворотила она меня назад... назад. Не по ту сторону моста, нет, а обратно: к железнодорожным путям, вагонам, паровозам, к железнодорожникам и их домам, кухням...

Не знаю, почему не искала меня моя бабушка. Она приближалась тогда к восьмидесятому году жизни, перевидала много горя и уже так отдалилась от детства, что «мелочей» из той дали уже не видела или... если уж я собирался жить на этом свете, узнать красоту и прелесть его, то и кровь я должен был видеть другими глазами, чтобы вовремя «очеловечить»

ся». Мне и сейчас трудно понять, то была земная жизненная мудрость, или... знала она, что от этой жестокой жизни никуда мне не убежать.

Как было, так и было. После того я куриного мяса и видеть не могу.

МАЛЯРИЯ

Разрешите представиться, я — последняя жертва свирепой колхидской малярии, трепавшей колхов несчетные века. Колхи все-таки избавились от этой вечной напасти, но когда она, обреченная, отчаянно вцепилась в меня, мне было не вырваться.

Весной, стоило разочек искупаться в реке, тут же набрасывались на меня холод и жар. А как я мог не окунуться, когда моря мы и в глаза не видели, как, впрочем, и ванны с душем. За всю зиму разве что раз-другой в месяц мыли нас, посадив на корточки прямо на земляной пол. Как воскресения, ждали мы конца зимы, когда потеплеет наконец по-настоящему и можно будет прыгнуть в речку.

А прыгну, и накинется малярия: на следующее утро трясет меня, выворачивает, скрючивает, ломает. Весь покрываюсь гусиной кожей, дрожу, нижней челюсти не остановить, зубы стучат...

Съезжившегося, уткнувшегося в воротник, дрожащего, пожелтевшего как воск, отпускает меня учительница с уроков, и я где-нибудь у стены пытаюсь прогреться на весеннем солнышке. Солнце уже припекает, жжет, даже сквозь зажмуренные веки режет глаза, а меня потряхивает от холода и зуб на зуб не попадает. После уроков брат притаскивает мои учебники, возвращается и тетушка. А это полуденное солнце, которое наливает медовым соком алычу и черешню, пронизывает меня холодом.

Пока холодная дрожь не перейдет в жар, все одеяла — и мое, и брата, и тетушки — на мне. Что и говорить, они нимало не помогают. Съезжившись в

комочек от холода, я тщательно кутаюсь, пытаюсь согреться своим дыханием, и задыхаюсь, весь в холодной испарине. Когда перевалит за полдень, меня бросает в жар, а в сумерки, как разольется весенний холодок (а бабушка говаривала, что в майский холод кобыла жеребенка выкинет), я ногами сбрасываю одеяла. Сбрасываю и в бреду начинаю проделывать сумасшедшие вещи: вскакиваю, опускаю ноги в таз для «нужды», кладу себе на лоб остывшее гоми... К утру, истерзанный агонией, я уже совсем сгораю. Сгораю, превращаюсь в пепел.

Когда наступает день, я, словно безбожно побитый желтый пес, еле шевелюсь. Но озноб и жар теперь не беспокоят. Они начнутся на следующее утро: примерно после второго урока. Третий урок я продержусь, а с четвертого снова выйду под горячее солнце. Тетушка понесет мои учебники и опять, когда мы придем домой, завалит меня одеялами. Вновь меня долго пытается озноб, а потом еще дольше бредовый жар. Раз уж бабушкины заговоры, молитвы и народные снадобья,—а по этой части она была исключительным знатоком—не спасали меня, то какие врачи и лекарства смогли бы помочь, да и где они были?

Желтой хиной я вдосталь «налакомился». Она мне не помогала, разве что становился я желтым, как сурепка. А когда началась война, то и хины не стало. Горьких травяных настоев я выпил столько, что они могли бы исцелить меня не только от тогдашних, но и от всех ожидаемых недугов, малярию же ничто не брало.

Бабушка и от испуга заговаривала: «Мой сердечный матушкой напуган, мой сердечный батюшкой напуган, криком ты напуган, зовом ты напуган!.. А тебе не боязно, а землице боязно. А тебе не боязно, а землице боязно».

И от сглаза: «Замолю тебя от сглаза — от родного, от чужого. От вражьего глаза, от глаза любовного, от глаза жены и мужа чернявых, от глаза русских жены и мужа, от глаза рыжих жены и мужа...».

Конечно, заговоры эти предназначались не для малярии. Но, поскольку я каждый второй день ждал нового ее приступа и боялся, то хотя бы от страха меня освобождали, чтобы я мог встретить близкую

напасть храбро и твердо и перенести ее легко. Куда уж, казалось бы, можно было меня сглазить, и без того малярийного и болезного, но ведь и вороне свой вороненок мил. Видимо, бабушка, следуя этому мудрому закону, заботилась обо мне и беспокоилась: не был ли к моему ознобу примешан еще и сглаз... и не из-за этого ли ни ее опыт, ни ее познания не помогали? Сглаз, очень возможно, что и был, раз именно меня выбрал этот болотный кошмар. И если заговор был бессилен против худосочия, гриппа и малярии, то уж от кашля, насморка и всяких «жаров» вылечил на все будущие времена. Я до сих пор не знаю ни одного из этих недомоганий. И от сглаза я заговорен, и от страха...

Так что если пальцем мне грозить, ногой топать и стращать, мол, «вот придет бабай и заберет тебя, или услышит волк, прибежит и съест», — ничего из этого не выйдет — я заговорен.

В конце концов женское, материнское молоко исцелило меня. «Если у кого есть первенец-мальчонка—младенец, то молоко его матери первейшее от малярии лекарство», — так кто-то научил мою тетушку, и пошла она, бедная, по дворам со стаканчиком в руке.

И действительно помогало! И помогло бы непременно, не полезь я опять купаться. Но если такому искушению можно было не поддаваться весной, то уж летом все равно зной сделал бы свое дело, а за ним трясучка и жар — свое.

Во всех семьях, где, пока я был маленьким, рождался сын, и у всех кормящих матерей, которые гостили в наших деревнях (Губисцкали и Гвиштиби), появились мои молочные братья. И хотя родной, единоробный брат у меня один-единственный, я убежден, что по всей Грузии у меня великое множество сестер и братьев, а среди них, наверное, и ты, читающий сейчас эти строчки.

МОЯ ЗЕМЛЯ

Мама, повязанная черным вдовьим платом, ведет откуда-то пару быков под ярмом и планет, проклиная всю деревню, весь свет, соседей, и всех, кто в штанах ходит (в штанах тогда ходили только мужчины), посылает вслед за моим отцом — в черную землю.

Нет мужчины! Нет работника!

Чтобы пахать, править плугом, сеять, пропалывать — нет работника. Мой дядя Шио то ли в Чиатура работал тогда, то ли в больнице лежал, не помню. Чичико находился в Маглаки (соседняя деревня): у Эвгнасии, его сестры, кто-то умер, свекор или свекровь. Дедушка Григол роет в Лаше каналы, ушел до света. Место там низкое, болотистое, если воде стока не дать, загниют семена. У деда Самсона грыжа, да и на что годен скрюченный старик. Ближайший сосед, Васо Швангирадзе — парикмахер: он не то что нашего, и своего участка не распашет. Его брат поехал в город: дочь собралась выходить за какого-то «капельмейстера», и поехал он главным образом для того, чтобы узнать, что за фрукт такой «капельмейстер». У Иосэба больные ноги, еле ходит. Биктор Левтадзе одорукий...

Нет хозяина...

Нет спасения...

Мы слишком опоздали в тот год с посевом. В марте шли дожди, и черствая глинистая земля нашего участка, не пропускавшая воду, сплошь покрылась лужами. И в апреле погода была негодная, а к тому же всем было не до нас: и люди, и быки были заняты на колхозных угодьях. В мае ударила сушь, и наша земля без первой пропашки, политая ливнями, а потом задубевшая от засухи, так затвердела и закаменела, что ее долотом нельзя было взрыхлить.

И разрослась трава камня, и пырей разросся, распышился, стал по колено. За ним расцвела полевая ромашка, покрыла все вокруг цветами, даже под амбаром закрасовалась.

Как человеку не радоваться цветам, но такие цветы и цветение голодом задушат.

Недели две как нас распустили на каникулы. В

третьем классе экзаменов не было. Теперь я все лето должен провести у бабушки. И мама моя здесь.

Ближе к Иванову дню задождило. Но даже у многих из тех, кто имел и быков, и плуг, не было времени в свою пашню зернышко бросить. Деревня вдовам и сиротам в помощи не отказывала, но помнила — «своя голова сперва дорога»... Человек и в нашей деревне человек.

Мечется мама от плетня к плетню. Мечется от соседа к соседу. Перевелся род мужской — нет работника!

В эту беспощадную пору пахоты и сева кто быков от арбы отнимет?.. И вот — солнце взошло уже на высоту мотыги, а конец сошника все еще опущен к самой земле. Опустили быки морды, вытянули губы и щиплют высокоую, по пояс, траву, всю щиплют, кроме камени.

Ворвалась мама в кухню, сорвала черный платок с головы, зарыдала, прокляла род мужской, захлебнулась криком.

Бабушка сидит, поджав ноги, на низенькой скамейке у очага и беспомощно смотрит то на мать, то поверх ее головы на стреху травяной крыши. Я оставил их обеих и вышел вон из кухни.

Что мне делать?! В июне стукнет мне девять лет, но ни крепостью тела не оделил меня господь, ни здоровьем, ни силой. Болезный-болезный я, слабосильный, малярийный.

Был бы кто-нибудь, пусть и не самый хороший пахарь, я бы мог впереди упряжки пойти, направлять быков, но так все оборачивается, что мужчиной, работником вынужден быть я. А ведь мне столько же лет надо прибавить, до скольких я дорос, чтобы стать пригодным для такого тяжелого мужского дела.

Надо браться за плуг.

Но это похоже на то, как птица-кrapивница, слышав удары грома, падает навзничь и задирает лапки кверху — мол, если небо обвалится, удержу.

Пахать-сеять сейчас уже поздновато, для кукурузы скоро настанет время второй прополки. То, что посеяно сегодня, может пропасть: если осень выпадет ненастная, початки не успеют налиться крепостью,

останутся молочными, как молодой сыр. Вот тебе, сударь, одолжил колхоз быков, на завтра-послезавтра их не оставят, и отец ни завтра, ни послезавтра не воскреснет. Стою в волнующихся зарослях камня и смотрю, как голодные быки припадают к траве...

Когда они еще глубже опустили морды в траву, ярмо опустилось до самой земли, лемех дернулся, зацепившись за стерню, и сошник соскочил.

Наверняка это и подтолкнуло меня — ведь я не то что ярмо крепить, а и до плужной рукояти бы не дотянулся.

И я шагнул...

Слишком тяжелым был этот шаг...

Вот валяется сошник. Быки немного подались вперед, ярмо поднялось. Как мне сейчас дотянуться, чтобы приладить сошник в перевязь из дубового прута и из трех зазубрин посадить хотя бы на первую? Если я потом выправлю стояк и прижму поближе к земле пяту плуга, то, когда быки тронутся и я нажму на рукоять (что толку в моем нажиме!), лемех сам войдет в землю, влажную после дождя.

С того дня знаю — силы человека безграничны. Если ты понял, что другой дороги нет и надо превозмочь невозможное, только не оглядывайся назад — и сможешь.

Насколько человек лежебока, лентяй, баловник и лодырь, настолько же он могуч и всесилен.

Если он весь безоглядно погружается в дело, и вера его велика и непоколебима, должен помнить: настоящей верой вдохновленный, даже комар над львом победу одержит. Баран растерзает волка, если проникнется верой в себя. Да и правду сказать, не так уж баран беззащитен, оружие у него есть — рога. У волка же нет ни рогов, ни хозяина. Зубы? Да. Но ведь и про барана не скажешь, что он совсем без зубов.

(Слишком уж я увлекся этими баранами, волками и львами!).

Нагнулся я, поднял из вражьей, проклятой травы сошник, повернул петлю перевязи, продел в нее сошник плашмя, поправил ярмо, которое съехало у быков с шеи чуть ли не на рога, и зацепил за первую зазубрину.

Знаю, если сошник на первой зазубрине, лемех
уйдет глубоко, но зато, даже если быки поднимут за-
гривки, все равно врежется в землю.

Главное — тронуть землю плугом, один, хоть
один ком перевернуть, а перепахать и засеять весь
участок так, чтобы потом на всю семью кукурузы
хватило, я и не мечтал.

Ухватился я за стояк — трудно, но плуг поддал-
ся. Быки все еще не оторвались от травы, ярмо у са-
мой земли, поэтому лемех вонзается в землю остри-
ем, и пята торчит кверху. Я еле дотягиваюсь до се-
редины стояка, а рукоять так высоко, что, только встав
на цыпочки, изо всех сил вытянувшись, достаю и двумя
руками цепляюсь за нее, с трудом сохраняя равновесие.

У быков своя забота: они стараются скинуть ярмо
вместе с сошником — знают, что им предстоит, и хо-
тят выщипать как можно больше травы, но не знают
быки, что чем больше они, щипая траву, продвинутся
вперед, тем скорее и глубже войдет лемех в землю.

Пята стала опускаться, и вскоре я смог получше
ухватить рукоять. Чувствую себя уже уверенней и мо-
гу править с большей силой. Но если быки не подни-
мут голов, не оторвутся от травы, то и пята воткнется
в землю, и тогда не то что мне, а и хорошему силачу
трудно будет ее из земли выдирать. Вначале лемех
взял тонкий слой, распорол корни сорняков. Хорошо
помню, как перевернулась под плугом первая пара
комьев. Хорошо помню цвет и величину этих комьев,
впервые отвалившихся под лемехом моего плуга, шо-
рох земли, визг разрываемой камени, ее густо-горь-
кий, резкий запах, от которого хочется чихать, но да-
же если на солнце посмотришь, не чихнешь.

Навязчивый запах распустившейся, расцветшей,
разросшейся камени и ночью не оставит тебя, хоть
и вымоешься; но приснится тебе, что ты собираешь,
срываешь колючие цветы, хотя камения — трава мяг-
кая и без колючек. Ее цветение лишало нашу семью
достатка, но, может, именно из-за тогдашней ненави-
сти она мне сейчас дороже всех на свете цветов.

Ее неприятный резкий приторный запах напоми-

нает мне первую пахоту, первую схватку, первое единоборство с землей и незабываемую, настоящую на горечи, сладость возмужания. И расстилается моя память, как распаханная, возделанная земля.

Отвалились по обе стороны пяты крупные комья, но спутанные корни камней и пырея так просто не разорвать. Лемех уходит все глубже и глубже, и изодранные, измочаленные корни все крепче опутывают пяту. Она уже касается земли, и быкам сейчас придется туго, лемех войдет до отказа в почву, и пята начнет «трамбовать» борозду, и земля не будет отваливаться. Когда лемех зарывается так глубоко, пята может и совсем оторваться от сошника.

Пяту крестьяне устанавливают так, чтобы она, наскочив на крепкие корни, камни или застряв в пересохшей земле, не сломалась бы, а соскочила с сошника.

Быки больше не могут идти — стали, наклонив загривки. И раз уж стали, трава у них под носом, начинают щипать все, до чего могут дотянуться.

Что делать? Ни податься вперед, ни сошника мне не сдвинуть. Маму позвать? Но несчастной и своего горя хватает, а тут еще увидит она, как я одолженный, выпрошенный у кого-то плуг ломаю. Бабушка наверняка знает, как лучше поступить, но мама рядом с ней, и бабушку втайне от нее никак не вызовешь.

Я сам... как-нибудь сам...

На рогах быков — поводья. Брошу-ка я сошник, возьмусь за них, может заставлю быков разогнуть загривки. И если быки выпрямятся, может тогда лемех поднимется — выйдет из земли.

Отпустил я рукоять, обежал быков спереди, ухватил повод, дергаю... Но увлеклись травой богатыри, и для них что я, что муха между рогов летает... Ничем их не проберешь, кричать я не решаюсь — в кухне услышат.

Хлестать!

Знаю, из тутовой ветки хорошего хлыста не получится. Есть вон гранатовые деревья, но где время бегать, резать прут... О! За амбаром под ткемалевым деревом навалены тутовые прутья. Помчался туда, выдернул один гибкий прут, бегом вернулся — и начал хлестать быков по носам... Соизволили припод-

нять головы. Но ярмо потащить не так-то просто, и нагнув шеи, они подались вперед. Сделали пару шагов, но уже и назад двигаться не могли, ярмо ударилось о рога, а колки и яремные веревки сдавили им шеи.

Быка не надо бить, а уж если бить, то по-настоящему.

Обеими руками я взял прут, ободренный о бычьи морды, и так хлестнул одного быка по спине, что прут сломался. Солоно пришлось — стронулись, но слишком глубоко ушел лемех, не сдвинуть плуга. Я замахнулся, пригрозил обломанным прутком — дернули, но никак... Потянули в одну сторону, в другую, как будто потащили, но пока они не разогнут шеи, лемех, стоящий острием вниз, войдет в землю еще глубже. Кроме того, если быки еще не размялись под ярмом, усталые после вчерашней работы, то огрубевшие, стертые загривки у них саднят.

В такую минуту пахарь должен изловчиться: подергать, расшатать стояк — если лемех не удастся сразу вытащить, надо раскачивать его, чтобы он прорвал спутанные корни трав, утрамбованную пятой землей, и помочь скотине. Наклонившийся сошник поднимется, и пахарь тут же должен схватить рукоять, не упустить момент, когда быки расправят шеи и колени. Сошник придуман так, что если с ним обращаться умеючи, он и не поднимется и не опустится больше, чем надо, но для этого нужна крепкая рука знающего человека, а не неумелого, ростом с вершок, немощного птенца.

Я с подгибающимися коленями цепляюсь обеими руками за рукоять, прута из пальцев не выпустил, и чем сильнее сжимаю руки, тем большую он мне причиняет боль. Напружившись, собравшись, сжавшись, стараюсь, чтобы сошник не завалился, не отшвырнул меня и не перерезало бы вырванным из земли лемехом ноги быку.

Если быки не окончательно отощавшие, они пойдут под ярмом, с первого рывка хотя бы немного, но пойдут. В конце концов бык понимает, что он бык и должен тянуть свою лямку. И в этот момент уже не имеет значения, каков пахарь — быки знают, что яр-

ма ни один пахарь сам не потащит. Это потому, когда они начнут пахать, человек должен направить их и повести борозду. Когда приходится напрямь все силы, быки не могут двинуться одновременно. Они не одинаково сильны. Один шагнет первым, другой отстанет, первому почудится, что груз сам подталкивает его, и он сделает еще шаг, второй отстанет еще больше, и ярмо начнет описывать круг. Отставший натыкается боком на сошник, задом на стояк, и тут ломается шкворень, или рвется перевязь, или пята летит... Если пронесло и лемех не застрял в корнях и камнях, и если земля не окостенела от засухи — лемех выйдет. Выйдет лемех, и как только ослабнет нагрузка на стояк и сошник, отставший бык спешит выровнять ярмо. Ему тогда безразлично, я стою за его спиной или настоящий хозяин. Знает он, что сейчас ему достанется.

Спас меня бог: уцелел шкворень, остались целы повод, перевязь, сошник и ярмо, земля расступилась и блеснул острый лемех у самых испачканных навозом (а скотина, которая ноги себе пачкает, слаба) задних щиколоток пятнистого быка. Не знаю, как не упустил я стояк и рукоять, как не распорол лемехом ноги быку, не знаю и того, как лемех снова в землю вошел.

Бык сообразителен: знает, что если снова нагнет загривок, то пята опять ткнется в землю и опять придется туго. Поэтому он задирает голову выше обычного и торопится поскорей дойти до конца полосы. Там он остановится, и пока будет поворачивать, пока развернется плуг, может и травку пощипать. Пока не пройдена полоса, скотина не знает, что собирается делать пахарь-сеятель, с чего он начнет. Потом хорошо обученных быков направлять не надо. После первой борозды, когда их повернешь обратно, они становятся так, чтобы линия следующей борозды пришлась как раз между ними. А если нет, то для этого существует прут. Хлестнешь левого быка, значит обоим надо подавать вправо. Ударишь слабо, повернут чуть-чуть, ударишь сильно, так, чтоб скотине горько стало, значит они сильно искривили борозду и должны немедленно ее выправлять. Или наоборот, если по-

падет быкам справа, то им надо брать левее, пока не охлестнут с противоположной стороны.

Кроме того, эти благословенные существа поимают и слова: «Ши, ши, Пятнистый, ши, ши, Силач», — это чтобы шли к борозде, или «Гарэ, гарэ» — чтоб уходили от этой линии. Сейчас они не знают, куда идут, а я ни прутом не взмахиваю, ни рта не раскрываю. Но идут. Я не смотрю вперед — вцепился в рукоять и всеми силами стараюсь не свалиться и плуг не завалить. Я же не могу держаться одной рукой и идти вдоль борозды. Тащусь за плугом, и мне все время приходится смотреть под ноги: или вот-вот наступлю на вывернутый лемехом ком, или влезу в борозду. Не падения боюсь. Если оступиться, влезет нога в борозду, я стану ниже, а если ногу завалит земля, тогда мне просто так ее не вытащить. Трава каменья, да еще такая высокая, для меня непроходима, но как-то, каким-то образом, с мучениями, адским напряжением сил, надрываясь, я не упал и рукояти не выпустил.

Быки уперлись в плетень и остановились.

Я обливаюсь потом. Это был первый пот и первая усталость ради хлеба насущного.

Криво-косо петляет борозда от того плетня, что идет вдоль улицы, до противоположного, который отделяет нас от участка дедушки Григола.

Но первая борозда есть!

Распорота земля, раскрыта, вывернута лемехом от одного плетня до другого; неровно, изгибаясь у туты, у яблони, хурмы, алычи, идет она, черная, через эти разросшиеся, спутанные, вонючие травы, которые грозили нам голодом и столько, сколько сами цвели и радовались, столько держали нас в страхе и нужде.

— Что ты делаешь, сынок?!.. — внезапно возникла рядом мама, ошеломленная страхом или счастьем, голос ее прерывается; у распахнутой двери кухни стоит бабушка и смотрит на меня, защитив рукой глаза от солнца.

Я вроде бы знаю, что делаю, во всяком случае вижу, но вижу словно в несбыточном сне: ведь я муж-

чина, раз мужчины пахут землю, мотыжат, возделывают, добывают семье достаток и ни в чьи руки не заглядывают.

— Что делаю... Пашу, не видишь!—Ребенком я был только что, когда выскочил из кухни — слабым, болезненным, беспомощным, во всем зависящим от мамы и бабушки, годным лишь на то, чтобы бегать по соседям, когда его посылают одолжить то или это, или присматривать за коровой. — Давай, бери повод и начинай впереди править, не стой у меня над головой! Теперь я хозяин, пахарь, сеятель, кормилец, господин, я знаю, что сейчас надо делать, и как я скажу, так и должно быть!

Если я говорил моей маме что-нибудь хоть сотню раз, она все равно могла не услышать, вечно погруженная в свое горе... а тут без единого слова подвязала концы платка под подбородком и обеими руками вцепилась в повод. Но быков, жадно жующих у плетня траву, расшевелить не могла.

Бросил я на минуту плуг, шагнул к быкам, взялся за свой потрепанный прут, ожег быков как следует, одним прыжком вернулся и, как ястреб, схватил рукоять. Хоть сдохну, не отпущу плуг, даже если он завалится и меня задавит, все равно не отпущу. Да и почему он должен завалиться и меня задавить? Мужчина я или нет? Кто же тогда распахал эту борозду? Это мама думает, что работника по соседским дворам надо искать, но я-то знаю, чего стою!

Мы уткнулись в частокол в дальнем углу двора и стали.

— Куда идти? — спрашивает, оглядываясь на меня, растерянная мама, когда пришлось остановиться и ярмо ударило ее в грудь.

Она не знает, куда ей надо идти, — значит знаю я.

— Куда тебе идти!.. — прикрикиваю я, чтобы выиграть время и все взвесить.

— Откуда я знаю... в какой ад, в какую преисподнюю...

— Тихо! Тихо! Не хватало еще, чтобы ты на пашне слезы-крики развела — их и посеешь.

Суевериями моей бабушки (их почему-то называют ложными) я и сейчас пропитан до мозга костей.

Каждое большое и малое дело надо начинать с молитвы, с благословения, благоговейно...

— Хорошо, сынок, и голоса моего слышно не будет...

— Оно и лучше!

... Но сейчас я должен знать, что именно лучше, куда пойти, как повернуть...

Знаю, конечно знаю. Знаю, что пахать и засеивать надо, следуя первой борозде, не поперек же; надо вести вплотную борозду за бороздой, не на середину же поля мне сейчас переходить.

— Раздавят меня о забор эти проклятые...

— Это ты так молчишь?

— Нет, сынок, нет...

— Подожди минуту — поверну.

Быков должна повернуть мама, я, если поверну плуг, и то хорошо. Но нет — я! Я! Я поверну быков, и сошник, и ярмо. Я вспашу, я засею, я буду бороздить, и все сделаю я.

Здесь теперь я — все, и ты должна понять это, мама, и ты, бабушка, что стоишь сейчас у дверей кухни и крестишься.

Тетушка моя! Когда ты придешь к нам на субботу-воскресенье из Губисцкали, встретит тебя наша земля распаханной и засеянной, и будешь ты благословлять семью того, кто совершил это благодеяние и помог нам, я ничего не скажу тебе, но бабушка скажет, что это я сделал, что это я пашу, я сею, рублю лес, строю ограду, сажаю деревья, пропалываю и мотыжу, и на этом, раньше запущенном поле я добываю достаток.

— Эй, слышишь! Хлыст! Хлыст возьми и дай быку по морде, чтоб он назад сдвинулся, так ему не повернуть!

— Где у меня хлыст?

— На вот, — я бросаю под ярмо свой тутовый прут. И прут должен подать я, а для себя искать новый. Новый надо срезать с граната, очистить, помять. Я должен это сделать, нет здесь другого мужчины, хозяина.

Моего брата мать отвезла в Квилишори, в дом

своих родичей, оставила его своей матери и брату с невесткой, чтобы он этот год в тамошнюю школу походил. В прошлом году он жил у одной из наших теток в Кутаиси, там и закончил первый класс. Да если бы брат и здесь сейчас был, что толку — он на целый год младше.

Не то что год, а час сколько значит! Чем я был только что? Сидел между заплаканными женщинами и в золе ковырялся, они в мою сторону не смотрели, даже если бы я заговорил — не услышали бы. Кому интересно, что болтает приткнувшийся у очага, съевшийся, беспомощный ребенок. И говорить не умел. И не посмел бы повалиться на пол и руками и ногами колотить, золу разбрасывать, чтобы хоть тогда на меня оглянулись... А сейчас что скажу, то и исполнят! Не обо мне разве молятся да крестятся.

— Не могу! Не оторвать его! Чума бы на его хозяина! — Маме, прижатой ярмом к частоколу, даже не хлестнуть быков — ярмо мешает, не дает ей шевельнуться.

Нет, нет! Быков должен я сам повернуть. Сейчас, сейчас я немного сдвину сошник — тяжел милый, облепило его землей, как свинцовый сделался.

— Намордники быкам нужны, не знаешь, что ли?

— Чтоб их хозяину и губы, и зубы связали! Если нужны, почему не дал?!

— А ну, подай назад, ты! — крикнул я быку, огрел его по носу, пнул ногой в бок и обеими руками толкнул рога. Повернул. Женщины только плакать и причитать умеют!

— Сними у того, пятнистого, повод с рогов... отойди, не мешай!

— Куда мне отойти? Меня ярмом к забору придавило.

— Так что, нам останавливаться и вопить?! Скоро за полдень перевалит!

Тащу скотину, толкаю в лоб, там, где «чуб» растет:

— Хэи-и, тебе говорю!.. Вылезай теперь и здесь обожди!..

Мама протискивается между моей спиной и частоколом, останавливается и смотрит на меня как на чудо. Снимаю веревку, намотанную на бычьи рога, и

обвязываю морду и одному и другому. Что делать, если надо, а то, конечно, жалко быков так связывать.

— Эй, давай-ка, берись! — отдаю матери повод и бегу к плугу, чтобы повернуть его сколько возможно. Вроде и не так уж плуг тяжел, но тут у меня рвется хлястик на башмаке, и тот соскакивает с ноги. Ну и черт с ним! И второй скину. Вон, под айву брошу. Подкатаю штаны и пойду босиком — еще лучше: и ногам легче, и идти ловчее, если, конечно, не порежусь о стерню.

— Эй, теперь как-нибудь этого пятнистого вдоль забора проведи, чтобы по самому краю проехать. Пшшел!

Не получается у меня так же громко и ясно, как у взрослых, но скотине с перевязанным ртом теперь не до травы, и она идет, а я, цепляясь за рукоять, следя за всем, поминутно прыгая-перепрыгивая через борозду и расставляя ноги, следую за плугом.

Пашу!!!

Первая полоса самая трудная, к тому же по краю участка всегда остается нераспаханная земля шириной с половину ярма. Потом ее, конечно, можно обработать мотыгой, но корни камени и пырея разве выдерешь? Тяжко проводить по нашей земле борозду, и у быка, и у человека силы вымотаются.

Но если первую борозду я все же вымучил, то вторую поведу рядом, все-таки одна сторона уже будет разрыхлена, и ни человеку (человек — это я), ни быкам слишком трудно не придется.

— Ооо-хо!

— Что случилось?! Чтоб мне пропасть! Борозду искривила?

— Останови быков!

Хлыст мне нужен: хороший, прочный, пружинистый, упругий хлыст нужен. Насколько я мал и слаб, настолько длинный, гибкий, крепкий, жгучий прут должен быть у меня в руках, чтобы быкам не было плевать на меня, чтобы они мной не пренебрегали.

Разве это жизнь у нас! Ни топора, ни тесака, а когда это ты ножом срежешь да обстругаешь годовалую гранатовую ветку?

— Эччи! Эччи! — хлестнул я обоих, но прут слишком длинен, это тоже плохо: он сгибается посередине, и я не могу ударить по-настоящему сильно.

Но рукоять не отпускаю — сейчас быки пошли, не останавливать же их. Потом, когда передышка будет, укорочу. Когда поравнялись с кухней, я все-таки взглянул разок на бабушку, но не разобрал, прикрывается она от солнца или снова крестится. Впрочем, сейчас мне уже не до того, что женщины да старухи делают. У меня дело! Все силы нужны, оба глаза, оба уха. Но как опутывают, как держат землю корни пырея! Камения и трилистник еще так-сяк, но пырей так хватается за землю, что и у быков, и у человека хребты трещат.

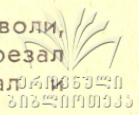
Когда лемех глубоко подрезает этот сорняк, выворачивает его вместе с землей, а пята разрывает его корни и отбрасывает их в стороны вместе с почвой, они рвутся, скрипя и визжа, словно сухожилия. Широкий передок пята разваливает взрезанную землю, и она ложится не комьями, а длинными, похожими на бычьи языки, пластами. Потом эти пласты опять падают в борозду, спутанные корни, оставшиеся в них, называются поверх семян, и всходам тогда тяжело пробиться, взойти.

Я совсем забыл про семена!..

Сея, надо пройти так, чтобы семена не падали мимо борозды и не оставались на поверхности. Ну вот, сейчас доведем борозду до конца, и я начну засеивать. Ничего, если что-нибудь выйдет не так, если семена упадут в землю туда меньше, туда больше — неравномерно.

«Как трудно приходилось, так и порадуешься». Если где кукуруза взойдет слишком густо, лишние побеги вырвем и пересадим туда, где она пробилась реже. Будет нам спасение. Важно, чтобы земля была распахана и засеяна, чтобы поле твое пастбищем не стало, двор твой не разрушился, а твоя земля не стала пустошью.

Зерно для посева отбирается из всего урожая. Початки надо облущить с обоих концов, лучшие зерна перебрать и засыпать их на хранение в надтреснутую старую крынку или кувшин. Даже если душу из тебя голод вытряхнет — трогать эти зерна нельзя.

Не знаю, как у меня хватило сил, энергии, воли, терпения, пота и крови. (Один раз я все же порезал себе пятку о старую стерню, но маме не сказал и даже звука не издал).

После полудня я дал быкам немного отдохнуть, не снимая ярма, пустил их под ткемалевое дерево, а сам пожевал кусок мчади с сыром и даже воды не попил. Я пахал и сеял, сеял и пахал. Быков один раз я попоил у колодца, не освобождая от ярма и по очереди развязав им морды, ведь они у меня как пощипали утром траву, так и тянули лямку без отдыха. Запали у них бока — мяч вложить можно, от зноя потекла слюна и свесилась с бычьих губ, как нить из кокона, но они не останавливались.

— Будь благословенна порода твоя! — как древнейших предков славлю я быков.

Надо успеть. Надо успеть как-нибудь вспахать все — пусть как сумею.

Иногда сошник вырывался у меня из рук, и я не успевал сразу опять схватить его, иногда мама, погруженная в свои раздумья, забывала о быках, они сворачивали с борозды, и на пахоте появлялась отмель. Трудно было пахать под деревьями — там оставались продолговатые, похожие на длинные лодки, зеленые плешины нераспаханной земли. Временами лемех уходил в почву косо, и быкам становилось легче нести ярмо, они шли быстрее, толкали маму и ей трудно было подчинить их себе. Опутывали сошник выдранные сорняки, и если перед разворотом плуга не очистить его, то и не развернешься...

Как-нибудь, как смогу, но должен я прочертить, процарапать, пропороть эту землю. Расшиблены у меня щиколотки и колени, на ладонях появились волдыри и через некоторое время лопнули, разлив розовую сукровицу. Кости у меня, казалось, размягчились и стали превращаться в пот и кровь.

И все же надо как-нибудь засеять зерно, что сохраняла бабушка до этого дня в старой надтреснутой крынке, — отдать его земле.

Потом...

Потом мы перекопаем землю, проподем, выдерем,

выщиплем сорняки, разобьем, расшибем засохшие комья, обмотыжим, вырастим, уберем кукурузу... как-то утвердимся... Только бы как-нибудь, хоть как-нибудь расшевелить землю и засеять ее, чтобы зерно обрело свое место, а мы — достаток.

Потрясающе, удивительно, хоть крестись, но я все-таки распахал весь участок — хотите верьте, хотите не верьте мне.

Стал я на вспаханном, в комьях, поле, среди искромсанных трав, глянул на землю, на небо. Как же это все свершилось? Кто совершил это чудо? Я этого сделать не мог, но ведь между этой землей и этим небом нет никого, кроме меня!

Закат на исходе. Солнце пробивается, сочится смущенно сквозь мелкую листву унаби¹ и граната, солнце, покрасневшее со стыда оттого, что весь день мучило зноем быков, пахаря (пахарь — я!) и одетую в черное вдову, словно нам и без того бед было мало...

Где мне взять борону? Правда, такие комья-глыбы даже бороной разбить трудно, но если не боронить, зерна, не прикрытые землей, выклюют куры.

Где взять борону? Да и арбы нет, чтобы ее тянуть. Хо! Неделю назад пахали на участке Симона. Земля была измождена засухой, но если они все-таки стали сеять... В районе с колхоза шкуру сдерут, если не взойдет, — план есть план.

Иногда крестьяне оставляют борону на краю поля — она или там же понадобится, или они ее заберут, когда будут мимо идти.

Чтобы тащить железную борону, нужны два человека. Если встретится борона деревянная, плетеная, высушенная, много бывшая в работе и не очень облепленная землей и травой, может я и решусь ее поволочь. Даже если надорвусь, все равно надо решаться. Потому что, если выводить за ворота запряженных в ярмо измученных быков, вести их на участок Симона, прицеплять к ним борону, потом плестись с ними обратно, опять проводить, протискивать их в ворота, уже стемнеет.

Я остановил быков под растущими рядом гранатом и унаби, поручил маме напоить их и здесь же, под ста-

¹ Дерево и плоды его, русск. название ююба.

рой акацией, перебрался через лаз. Со стороны двора преодолеть этот лаз ничего не стоит, но с улицы высоко, здесь небольшой обрыв, толстые, узловатые корни акации выступают из осыпавшейся земли и нам приходится карабкаться по ним — разве тут борону затащишь?

Мама что-то хотела сказать, спросить, куда это я направляюсь с такой обветренной, залитой потом физиономией, но поняла, что свое дело я и сам знаю. Мужчины попусту не болтают и перед женщинами не отчитываются.

Ну-ка, можешь или не можешь, бегом! Время не терпит.

Вон на краю колхозного поля лежит плетеная борона с оторванными боками. Вроде она не нужна никому. Может, хозяин о ней и не вспомнит. Но для меня она хороша: небольших размеров, грязи на ней нет — в засуху боронили, а сухая комковатая земля не налипает.

Согнулся я и полез под борону. Навалилась она на мою (кожа да кости) спину так, что потом следы словно от хлыста остались — красные и синие. Я и так ростом не вышел, а сейчас, когда, согнувшись, пружину на себе эту здоровенную штуковину — можно подумать, что у бороны ноги выросли. Но я до самого нашего двора не передохнул, и когда подошел к лазу, мама уже ждала меня вверху обрыва. Смотрели на меня из-под черного платка, из-под черных бровей и ресниц ее покрасневшие, но уже с искоркой надежды, глаза.

Помогла она мне, конечно, чем ощутимо поколебала мое мужское достоинство. Но когда я отцепил плуг, одним концом веревки привязал борону к ярму, другой взял в руку, чтобы поддерживать равновесие, расставив ноги встал на борону, прежняя уверенность вернулась ко мне.

Новая беда! Борона двинулась легко, но на крупных комьях стала подпрыгивать и меня дергать, бросать и подбрасывать из стороны в сторону, как мячик. Боясь не удержаться и упасть перед бороной — тогда она размозжит меня.

— Куда ты идешь и куда тащишь быков?

— Не знаю, а разве мы не так шли, когда пахали?
— Шли, когда пахали! — (Когда это она пахала?
Я пахал!)—Да разве так боронить можно?

— А как?

— Как да как! Поперек! Поперек, чтобы заполнились, выровнялись борозды... Ну что с ней говорить.

Борона переползала через старую стерню, прыгала и тряслась на комьях и глыбах, волочилась по нераспаханным местам, ударялась о деревья, застревала, но я, хоть и была вся ладонь в кровавых волдырях, крепко держал повод, перекинутый через ярмо.

Когда борона одним «крылом» налетала на большой ком и кренилась, я, падая на одно колено, выравнивал ее, оттаскивая или удерживая, потом вставал и с трясущимися коленками продолжал путь.

И каждый раз, когда борона перекашивалась, меня обдавало страхом, что я окажусь под ней, и каждый раз, когда снова она выравнивалась, а значит я был спасен, от счастья хватал ртом густой, зыблущийся воздух, напоенный травой каменией, трилистником, бурьяном, пыреем, потом быков, навозом, налипшим на их щиколотки, запахом влажной земли, облепившей мои голени, и кислым, густым, терпким духом моей пропитанной потом рубахи.

Я для двухаршинной, из сухого граба сплетенной бороны все равно что мошка. Меня мотает на «волнах» пашни, как щепку в море. Тяжесть нужна, вес, такой, чтобы не отягощать землю, но дать ей почувствовать тебя. Не должно быть так, чтобы ты падал из-за каких-то комьев, или уносил бы тебя ветер — не должен уносить. Если ты существуешь на земле и идешь по ней, надо, чтобы оставался след. И если понадобится вспомнить о тебе, твой след не должен быть спутан ни с чьим — он должен быть только твоим. Корни, корни нужны тебе, цепкие и сильные, как у пырея, корни, которые держат тебя на земле и из которых ты произрастаешь.

Измазалась борона землей, налипла на ее плетеные «крылья» сырая, тяжелая, только что разрыхленная земля. Застрял в бороне кусок почвы, жилистый от корней камени — целый сноп этой травы торчит из него.

Все это прибавляет весу моей ничтожной плоти, отяжеляет, дает мощь, устойчивость...

Мне тогда (не только тогда, а и сейчас, и всю жизнь) так нужна, так дорога была земля!.. И я сама... мы все нужны земле так же, как и она нам. Наше разъединение невозможно: у нас с ней одна душа, одна плоть.

Человек и земля!..

Земля и человек!..

И я креп, наливался тяжестью, крестьянской, земной благодатью — нераздельной и плодоносной. Густой молочный туман сумерек и кровь красного солнца наполняли меня и расширяли мне грудь, насыщали сердце, и наливала меня тяжестью земля, отдавала мне свою плоть и кровь, сеяла меня в борозду, привязывала меня к себе, пронизывала любовью.

Как зерну, брошенному в пашню, давала она мне силы раскрыться, пустить корни, давала мне прочные жилы, нервы, чтобы я мог противостоять зною, ливню, засухе, вихрям, укрепляла меня, словно зачинателя своего, создателя, первенца, опору и основу — моя земля.

МАМА ВЫШЛА ЗАМУЖ

Бабушка стоит на коленях, лбом склонилась к самому полу, черный платок с головы сорван, и причитает:

— До сего дня ты несчастья этого не знал, сыночек! До сих пор ты словно жив у меня был, сыночек! До сих пор никто бы не сказал, что умер ты, сыночек!

К тому времени смерть забрала у бабушки четверых детей. Так что плач и причитания в нашей семье никого не удивляли. Самым последним умер мой отец, и с тех пор минуло уже девять лет. Сколько помню, слезы в глазах бабушки не высыхали. Но то, что она стала на колени и оплакивает сына громко, в голос, означало какое-то новое несчастье.

Бабушка причитает так, что сердце разрывается. Так велики ее печаль и горе. Горькая влага закипает

в ее глубоких темных глазницах, прорезанных морщинками; и морщины, во множестве крест-накрест пересекающие ее щеки, как русла, делят слезы так, что они стекают не только к подбородку: струями, обильными, как скорбь, льются по всему изможденному лицу бабушки...

Такая старческая мольба Иуду плакать заставит. У меня же словно в кулак собирает, стискивает сердце, легкие, печень поднимает, подпирает комом к самому горлу, но разом выдрать их невозможно... жмет, душит, давит.

— Ох, горе матери твоей несчастной, судьба ее сожжена, сыно-очек! Горе матери твоей — в черный день, под черной звездой она рождена-а. Сыночек, Шалико, сыночек.

Отца моего оплакивает.

Приходит бабушка Нина (жена деверя моей бабушки, отданная за него из семейства Корнашвили). Она глуха, но, видимо, это дедушка Григол услышал вопли из нашего дома и послал ее узнать, что стряслось.

— Ах, ах!.. — разводит, размахивает руками бабушка Нина, загораживая дорогу всему злему, коварному, больному, нечистому. — Ах, Кристинэ... — у самой тоже наворачиваются слезы, но она сдерживается (не дай бог делам так обернуться, чтобы плакать да голову о стену расшибать). — Ах, ох!.. Несчастья прочь — ветру да вихрю... — снова машет она руками, не подпускает зло и от тебя его прогнать хочет: — Ах, ведь хорошо все...

— Ох.. какое время хорошему, что несет эта воруна! — слышу позади голос другой бабушки (тоже Нины), жены старшего бабушкиного деверя. (Я стою на балконе, прижавшись спиной к столбу).

Ее встревоженное лицо покрыто красными пятнами, она завернула к нам с дороги, не заходя к дедушке Григолу. Эти бабушкины невестки когда-то не поладили и до сих пор не разговаривают. Старшая знает, что глухая Нина ее не услышит, и насмехается над своей тезкой, и над попытками отогнать беду и злосчастье, мол, до того ли сейчас, узнай лучше, что у несчастной за беда приключилась.

Она молча проходит мимо невестки, топчущейся у деревянной из трех ступеней лестницы, не достаив-

вая ее взглядом, поднимается на балкон и на его шестом листе полу старается найти на что бы сесть. Если не найдет ничего, то не та это женщина, чтобы подобно бабушке усесться на полу, скрестив ноги.

— В чем дело, Кристинэ, рухнул свет?

— Рухнул, Нина! Разрушился, Нина! Поги-и-иб!

— Что случилось, Отиа?! — повернулась она ко мне, как раз когда я собирался на цыпочках войти в большую комнату и бесшумно вынести оттуда стул.

Я втягиваю голову в плечи.

— Ах... ох... Все хорошо... все ладно... А ну, зло и беда, подальше, подальше... ветру да вихрю... — кудахчет у лестницы младшая Нина.

— Помешаться от нее можно! — снова задевает глухую невестку старшая и опускается на принесенный мною стул, который я поставил у самой двери.

Бабушка, стоя на коленях, протягивает руки ко мне и словно меня оплакивает: — Его мать... судьба ее сожжена, жизнь загублена...

— Что с Цуцей, женщина, не своди меня с ума! — наклоняется вперед старшая Нина, в одной ее руке — свечной огарок, от которого она собиралась прикурить, в другой — папироса.

— Ах, ох... ведь хорошие вести? — спрашивает младшая, обращаясь ко мне в надежде, что, может, по крайней мере я соизволю ответить ей, что произошло.

— Его мать... несчастная Цуца... Цуца... счастьем оставленная... жизнь ее сожжена... замуж вышла! — выплеснулось наконец у бабушки.

— О-ох! Что это мои уши слышат! — ударила себя по щеке старшая Нина.

Меня словно молния пронзила с головы до пят; на какой-то миг я заметался, но тут же, даже не взглянув в сторону лестницы, прыгнул с балкона; и когда увидела, бросившись ко мне и растопыривая руки, глухая Нина, что я и внимания на нее не обратил, то поняла, что обрушил бог большое наказание на наши головы, и заплакала: — Ох... плохие вести...

Я убежал. Сначала забрался под амбар, но там не за чем укрыться, кроме четырех каменных опор, потом я спрятался, скорчившись, за колодцем. Но здесь

рядом проходит дорога, и бабушкам ничего не стоит меня найти, помешать мне. А этого я уже не вынесу — сердце и так готово разорваться.

Я снова вскочил, дыхание заходится, горе раздирает меня. Побежал, в конце двора, под старой акацией, перепрыгнул лаз и по ту сторону тропки пробрался на поле, что раньше было виноградником и где мы сами срезали лозы, моим отцом возвращенные, потому что некому было за ними ухаживать; а вот и посаженный отцом орешник, который отграничивает наш участок от участка дедушки Григола.

Я забираюсь в эти кусты, бросаюсь на темную, в колючках и шипах землю, истерзанный плачем; ногами, зубами, носом рву землю — зарываюсь в нее.

ФУТБОЛЬНЫЙ МЯЧ

Дети, растущие в нужде, такие же дети, как и растущие в достатке. И те взрослеют, и другие... Впрочем, первые взрослеют быстрее, а вторые помедленнее (некоторые вообще всю жизнь детьми остаются). Так или иначе, плохо это или хорошо, а время не удержишь — оно, не оглядываясь, непрерывно, беспощадно стремится вперед и вперед.

Война душит нас, ей конца нет, но даже когда он настанет, кто вернет детство? Кто скажет: «Несчастливые времена были, не смог ты вволю поиграть, а теперь давай, усатый-бородатый, играй в чижа, в осла и седока играй, прыгай, резвись, или вот тебе — получи настоящий кожаный мяч — гоняй».

По одежке протягивай ножки, говорят, но все-таки надо что-то предпринимать, чтоб не утекло, как вода сквозь песок, единственное, неповторимое, как конфеты-подушечки сладкое детство. Не то уйдет оно, уйдет, и потом, даже если весь мир о тебе заботиться будет, жизнь тебя как на ладошке понесет и весь свет будет занят тем, чтобы сердце твое порадовать, все равно: главного у тебя не было — детства.

Если самая основа, самое начало у тебя не состоялось, никак ты не сможешь толком построить жизнь — пропащее твое дело...

Детство надо увидеть, пока ты еще ребенок, а после всю жизнь жить этим детством. Если шоколада не достать, то и конфетой-подушечкой обойдешься,

нет конфеты — съешь алычу или мушмулу, но вместо мяча ни арбузом, ни дыней ты играть не сможешь, а детство, тем более для мальчишки, без мяча — не детство.

Конечно, если совсем невмоготу, то весной, когда линяет скотина, наберешь шерсти, в серединку положишь камень, намочишь, обваляешь, и получится нечто величиной с гусиное яйцо, напоминающее мяч. Но его можно только на месте немножко покатать, но никак не вынесешь на футбольное поле и не сможешь гонять его от ворот к воротам, да еще бегая босиком по траве. А если на влажной почве на такой мяч ногой наступить, он и вовсе в землю уйдет. Можно в старый шерстяной носок напихать всякую ветошь и связать его с обоих концов тесьмой или обрывками шнурков, и опять вроде мяч получился. Занесешь ногу и ударишь, только куда он полетит? Ведь это тряпье — не больше. Что оно, запрыгает по земле, что ли? А если крепко пробить по воротам, того и гляди — разорвется, и вывалятся тогда тряпичные «потроха».

Прошло это неповторимое, сладчайшее детство так, что мяча мы и видеть не удостоились. Да и как увидишь? С неба мячи не падают, а даже до войны нам разве что маленькие резиновые мячики попадались, а настоящая «камера-оболочка» никогда.

Моя тетя (сестра мамы) живет в Кутаиси, у старого вокзала. На вокзале, у лестницы, ведущей на платформу, сидит чистильщик обуви, такой смуглый, словно сам начищен ваксой. А к ножке его кресла привязана белая... нет, скорее сероватого оттенка, резиновая камера для мяча. Когда я приехал в Кутаиси и спустился по этой лестнице и увидел камеру — застыли мои ноги, с места я сдвинуться не мог.

Правда, это только камера, никакой «оболочки» нет, но она надута, и даже больше надута, чем надувается мяч. Стоит креслу немного покачнуться, как камера начинает подпрыгивать, словно пытается взлететь, и непременно взлетела бы, поэтому ее и привязали.

Денег у меня не наберется и на половину обратного билета, а о том, чтобы купить такую дорогую вещь, и речи быть не может. Конечно, перед отъездом тетя спросит, есть ли у меня деньги на обратный путь, и если я не признаюсь, что есть, подкинет немного, но и это делу не поможет. У тети есть еще сын, мой двоюродный брат, мы с ним ровесники. Он помешан на мяче и играет хорошо (вратарь), но какие у него деньги? По ту сторону вокзала живет мой отчим, но туда я не пойду. Был я у них месяца полтора назад, когда мама купила нам козу, но если бы тогда мама не заплакала, я бы ни за что не взял эту скотину с редкой бородашкой.

Если мне обратно поехать без билета, то деньги сохранятся, немного еще я достану, потом еще раз проеду без билета, глядишь, и наберется. А если я заполучу резиновую камеру — пешком в деревню вернусь. Выйду из города, разуюсь и продолжу путь босиком по старой аробной дороге. И десяти километров не будет. Ведь если я буду возвращаться поездом без билета, вдруг поймают меня и скажут: «Что, собачий сын, на мяч ты деньги раздобыл, а железную дорогу бесплатно используешь?»

Расскажу, как проходит безбилетная поездка.

От Цхалтубо до Кутаиси курсирует пара потрепанных вагонов, пассажиров мало. Разве скроешься от трезвого ревизорского глаза? Я напуган — четыре года назад ехал без билета с мамой, она и на свой билет едва наскребла. Когда показались ревизоры, я спрятался в уборной. Нашли меня по запаху и за уши вытянули. Сколько плакала мама: «Вдова я, сын у меня сирота, будь у нас деньги штраф уплатить, мы бы лучше билет купили». Ничего не помогло, и отправили нас домой, и пришлось платить штраф по какой-то прогрессивной оплате или что-то в этом роде.

Но это было раньше, а сейчас мне известно, что к этому короткому составу цепляют двухосный грузовой вагон, и сзади вагона есть площадка для «хвостового кондуктора». Не знаю, бывает ли вообще кондуктор на площадке, но на маленькой станции Тэрнали, где поезд останавливается на две минуты и которая для нас более удобна, на площадке нет ни души. Вот и можно влезть. Пока поезд не отойдет, спрятаться

за ограждением площадки, а потом любо-дорого: смотри на убегающие назад рельсы, можешь удобно облокотиться на поручень и путешествой дешево в кредит — удовольствие, да и только.

Так ли, этак ли было, а в конце лета стал я обладателем камеры. Чуть в обморок не попадали наши ребята от восторга. Где-нибудь во дворе или на поле станем в круг и бережно, с осторожностью перебрасываем мяч друг другу.

Гладкая тонкая надутая резина летает легко, но мы непривычны, и к тому же от радости наши руки не очень уверены, и каждый боится уронить камеру. Выбিরали такие места, чтоб колючек и шипов близко не было, даже сухих травинок опасались: вдруг...

Теперь камере необходим кожаный чехол—оболочка. Когда у меня или у брата и без того изодранная обувь совсем рвется, я кое-как это скрепить могу, но как мне сшить мяч? Из чего сшить? А время убегает — уходит, как вода сквозь пальцы, детство. К тому же дело уже наполовину сделано — резиновая камера есть.

Что делать, что придумать, что найти?..

Припоминаю, отец Иорама, однорукий Биктор, носил кирзовые сапоги. Порванный сапог с отвалившейся подошвой был бы ему ни к чему, а я видел, что именно такой сапог валялся под их плетнем. Теперь, во время войны, сапог не достать, и бросаться нечем, но, может, заваялся какой-нибудь старый...

А вот и Иорам.

Иорам говорит, что точно, валялся где-то сапог, но то, что тебе не нужно и никогда не понадобится, выпадает из памяти.

— А ну, Ио, может найдешь все-таки!

— Вроде помню: один должен валяться где-то.

— А со вторым что сделали, сварили и съели? — съязвил я.

— А вторым мама запустила в свинью Иона, и сапог на дорогу полетел.

— Э-эх! На дороге теперь грязизи по колено, кто его найдет? Иди, иди ищи!

Бежит Иорам, перепрыгивает с плетня на плетень, чтобы сократить дорогу и не терять времени.

Пока мы ждем Иорама, Резо сообщает, что у моего брата, Миши, до ухода в армию тоже были сапоги. И один из них, с оторванной подошвой, кажется, должен быть под комнаткой, пристроенной к кухне (дом у них сгорел, и они пока жили в кухне и пристройке).

— Вперед, Резо, если сапог не валяется в поле под дождем, то это еще лучше — значит он не сгнил.

Залико, младший брат Резо — он младше на целых четыре года и идти на поиски придется ему. Живут они не по соседству с нами, а наверху — за церковью. Бежать туда не близко, но Резо, вспомнив о сапоге, уже выполнил свою долю дела. Если Залико не принесет сапог, то когда мяч будет сшит, что ж ему, только играть останется? Нет уж, пусть идет, и пусть даже второй ищет, пусть хорошо поищет.

Залико нехотя побежал, волоча ноги.

Не побежишь, так потом детство догонять придется — угонишься?

Притащил Иорам валявшиеся где-то под плетнем останки сапога, разодранные и прогнившие, затхло пахнущие. Как только дернули мы их, с писком разорвались нити, и у нас в руках осталось только голенище. Оно легко распоролось по заднему шву, и мы получили большой кусок подходящего материала, который так просто уже не разорвешь. Но как он выдержит кройку, шитье и то, что его раздуют, а потом будут лупить ногами — вот вопрос.

Ждем, глаз с калитки не сводя, Залико. Одного голенища на мяч никак не хватит, по крайней мере два нужны. Если он принесет оба сапога, тогда мы на высоте, если нет, то один этот, один тот...

Ну никак не появляется Залико!.. Лучше бы Резо пошел, знает же, где сапог лежит, — быстрее бы отыскал. Вечно эти старшие братья младших заставляют бегать.

А ну, нечего лежать в тени на боку, пойдем к воротам, на дорогу посмотрим — может, идет Залико. Или хотя бы моего младшего брата с ним вместе послали. Отец Залико, Исидор, как заметит своего сыночка, что тот ползает под пристройкой весь в пыли и мусоре, за ноги оттуда вытащит. Если бы полез мой

брат, никто бы и слова не сказал: мы сироты, к тому же не озорники и не пострелы, нас не укорят и не прикрикнут на нас, к нам только уважительно обращаются.

Настал-таки вождеденный миг: вон он, Залико, бежит и, кажется, волочит что-то.

— Ну ты хват, Залико, хват!

Не один, а оба приволок! Но второй валялся под дождем в навозе, мхом зарос. Как только потянули, сразу и рассыпался. Зато первый хорош, лучше даже, чем у Иорама. Мы на седьмом небе! Наконец-то есть с чего начать дело.

Мяч круглый без выкройки не получится. Да где ж ее взять, выкройку, хоть в моей деревне, хоть в соседних? Не то что тебе, а и хорошему сапожнику трудно было бы просто так, на глазок вырезать все и сшить.

Камера у меня есть — вот она. Я ее раздую до величины мяча, но камера резиновая и надувается она, как шар. Наш материал — кирза. Если б это была кожа, можно ее намочить, вырезать, как следует поколотить молоточком с изнанки — она растянется, изогнется. С кирзой ничего не выйдет, если не разрезать ее на мелкие куски, а потом уже сшивать. Бока у «оболочки», если ее сшить из больших кусков, так и останутся плоскими, и она не покатится. На сколько кусков ты кирзу раздерешь, столько граней и окажется у «оболочки». (Геометрию, если не для науки, то для моего дела знаю достаточно).

Надо мне найти какую-нибудь старую тряпку, обернуть ею камеру и с этой выкройкой резать кирзу. Но старое появляется только тогда, когда приобретешь новое, а использованное можно выбросить. У нас и так даже самое старое в деле, где же взять для игры оставшийся без применения кусок штанов или рубашки.

У моего дяди когда-то была холщовая сумка, до войны он носил в ней обед в поле. В одно отделение клал кувшин с водой, а в другое — мчади, сыр, лук-порей и... смотря что имелось на обед. Сумка эта прохудилась, да и кому она понадобится — война идет.

Ну, вроде вырезал я две закругленных половинки,

скрепил, заложил в них камеру, надул... Правда, холст довольно податлив, но из моего шитья получилось что-то несусветное, вроде того как если две оркестровые тарелки сложить.

Из четырех кусков тоже ничего не вышло бы — «крышка» и «дно» все равно нужны. Из шести кусков я получил нечто с раздутыми боками, но отдаленно похожее на мяч. Лежало оно на той стороне, на какую положат, и само по себе не катилось. Надо было каждую сторону еще раз пополам разделить и сшить так, чтобы получилась дуга, тогда можно будет в итоге придать круглую форму, которая и нужна мячу.

Так, уже сносно. Эти двенадцать кусков можно было стягивать где надо или распускать, и углы начинали не так бросаться в глаза. Времени на все понадобилось больше, чем предполагалось, и у приятелей моих терпение лопнуло. Нитки для мяча отыскивались — оставалось их немного у бабушки и они вместе с кусочком свечи были надеты на шило.

Кажется, что-то получается, но не только же мячом мне заниматься приходится. Учебный год кончается — хоть в какую-нибудь книгу заглядывать надо. Ведь школу пропускать нельзя, и с невыученными уроками тоже приходиться нельзя.

А вот уже и время прополки, и только что прорезавшиеся початки желтеют сквозь траву камению, если вовремя не помочь — сорняки их загубят.

Моя мама, втайне от мужа или открыто, собрав деньги, а может, продав старую, разболтанную швейную машинку (свое приданое), в один прекрасный день купила нам козу. Дойной козе корм нужен. Мама со слезами уговаривала: «Со мной вы жить не хотите, а вон уже дошли совсем, хоть молока парного попейте».

После школы занимаемся прополкой. Корова у нас привязана на лугу, коза — в кустарнике. Вечером брат читает вслух, а я шью мяч. В две нитки шью, крепко, частыми стежками. Шутка ли? Какой мяч выдержит напор деревенской ребятни? Что-то получается, правда, у бывшего сапога Биктора вид незавидный, зато Мишин и от нового не отличишь. Я их чередую: один кусок этого, другой — того.

Мы с Резо учимся в одном классе в цхалтубской

школе, Иорам отделился от нас — отец отдал его обучение портному.

Утром Резо стоит на дороге, поджидая меня

— Как дела?

— Не знаю...

— Получается что-нибудь?

— Получается...

— Ну, а конца не видно?

— Не знаю, если спешить...

— Нет, — размышляет Резо, — спешить не годится. Но вот Залико ноги мне в постели обломал — во сне в футбол играет. (Братья спали вместе).

У Резо глаза покраснели от бессонницы, на уроке носом клюет.

Когда мы возвращаемся из школы, он, заворачивая к своему двору, бурчит: «Пошевелился бы, несчастный...»

— Тебе-то что?

— Всем есть что, извел ты всех! Вон Залико уже сюда бежит.

— Пусть не пристаёт!

— Возьми его с собой — он твою козу перевяжет в другое место, а ты времени не теряй.

Есть мяч!

Очень тебе хочется, детство, бессовестно вырваться из наших рук, но вот, вот — держим твою душу в руках (та душа, которую мы вдохнули в мяч, и была душой детства), и так просто-запросто ты нас не бросишь, и мы тебя не отпустим.

Наш участок земли мы кое-как расковыряли; выпололи камению, выпололи вроде и пырей, да сколько его ни выдирай, он — враг сильнейший — опять прорастает, но кукуруза теперь успеет пойти в рост.

Надо еще обмотыжить надел, что по ту сторону плетня, нас уже настигла засуха, май на исходе. Как быть? Мотыги на плече, мяч под мышкой. Два этих предмета никакими силами объединить нельзя.

Во всей деревне все ребята нетерпеливо ждали, когда настанет этот день. И вот — камеру я купил, мяч сшил... И теперь им играть, а мне махать мотыгой? Но

что ответить стольким друзьям, лихорадочно ждавшим? Что делать, если вырывается из рук это обреченное детство?

Перенесли мы на надел мотыги и мяч. Огляделись: с прополкой мы и без того опоздали, так что откладывать работу нельзя. Даже если всю неделю после уроков, не пропуская ни дня, трудиться — едва-едва успеем. Потом, перед второй прополкой, можно и поиграть. Но как выдержать эту неделю?

Положили мяч на одном конце надела, мотыги отнесли на другой. Даже до коровы нам сейчас дела нет — некогда, козу мы привязали и взялись каждый по две полосы мотыжить. Жара, земля раскалена, давит работа... А участок наш выходит на луг Бекнара, где мы собираемся устроить футбольное поле.

Вижу: прыгает через плетень Иорам, глаза горят, шапка с головы сорвана, бежит к нам.

— Ребята, мяч где?!

— Вон мяч, — показываю я за его спину на другой конец поля.

— Ну и что ты, парень?!

— Что... что...

— Помешались! Дайте поиграть!..

Оглянулись мы — перелетают на наше поле Резо и Залико.

— Вы что тут, люди, делаете? — мечутся у Резо глаза.

— Вон мяч, парень!.. — дразнится с невеселым лицом Иорам.

Залико в огромных подкатанных отцовских штанах бежит, бежит, чтобы хоть прикоснуться к мячу.

— Заворачивай, Залико! — кричу я. — Не тронь!

— А... а как же мяч, ребята!..

«Мяч», — услышал Кукури. Он живет тут же, за плетнем и лезет уже на нашу сторону, тараща глаза.

Джувьетта — с озорными глазами, бедовая девчонка, но она не станет прыгать по плетням, как мальчишки. Из своего двора следит за нами и, как только пойдём играть, дома не удержится, забежит к золотоволосой Пацунии; усядутся они или на балконе, или у ворот, а оттуда весь луг как с трибуны видно.

— Сказали, не трогай мяч! — чуть не плачет, обращаясь к Кукури, Залико.

— Да как не трогать!.. Что ж делать?..

Алими и Будуни, братья Пацунии, тоже живут дом; но Шота и Индиго во сне, что ли, про мяч узнали? А что привело сюда Окои из башмачной слободки?

Мяч, как мечта, как соблазн, лежит в конце поля, а мы с братом мотыгами стукаем.

— Нет, с ним сейчас не сладишь... — сказал Резо, видя, как я хмуро уставился в землю. — Иди, Залико, принеси наши мотыги.

— Да пусть огнем горят и мотыги, и лопаты! — вспылал Залико.

— Иди, если хочешь в мяч играть. Иди.

— Кто меня сейчас домой погонит?

— Не пойдешь, тогда садись вон под тот орех и мух глотай.

— И ко мне зайди, — окликнул Иорам, — у меня там, у дома, мотыга прислонена, захвати.

— Как я столько мотыг потащу?!

— Зайди к Гиви Кикалишвили, он тебе поможет — помешан ведь на мяче, — наставляет старший брат.

— Вот ты и иди, раз так хорошо придумал, ты и заходи.

— А я тем временем колья для ворот выстураю, — вступает в дело Иорам.

Кроме Резо и Иорама, все ребята мгновенно разошлись.

— И все-таки, сколько полос ты со своим братцем обмотыжить собирался? — ухмыляется Резо.

— Не знаю... полос десять все равно пройти надо.

— Хо, пройдем все — каждый по две. И чтоб я твоего нитья больше не слышал.

— Звука не услышишь!

Когда тебе предстоит обмотыжить десять полос, от одной этой мысли уже ломит спину и чувствуешь изнеможение. Если же перед тобой две полосы, то работаешь без передышки, и времени уходит, наверное, в два раза меньше, чем обычно.

Первым вернулся Кукури — жил ближе всех. Окои одолжил мотыгу у Герадзе и появился сразу же, следом за Алими и Будуни.

— По две полосы, — распределяет Резо рабочую силу.

Залико сам притащил мотыги, не дожидаясь Гиви Кикалишвили. Собралась артель. Началось. От мотыг искры сыплются. Что теперь зной и засуха! Мяч ждет в конце полосы.

Ну что ты сейчас скажешь, детство мое, так похожее на мачеху и так рвущееся из рук, схватили мы тебя за горло? Орудую мотыгой и поднимаюсь в гору. Как магнит, ведет нас, притягивает нашими руками созданный, нашей душой наполненный мяч. «Брод хвали, когда перейдешь», — учила нас бабушка. Не достигло этой мудрости наше нетерпеливое детство. И когда дорвались до конца полос, бросили там свои мотыги и чужие и высыпали на луг. Воткнули колья для ворот на расстоянии семи шагов, перекладины не искали, полос не чертили...

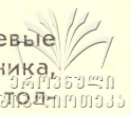
Сели на плетень Джульетта, у которой брови и ресницы как вороново крыло, и Пацуниа, словно в золотой воде омытая.

Стали посреди «поля» я с Иорамом и начали переключку:

- Выбираю я!
- Выбираю я!
- Гиви — мне!
- Шота — мне!
- Резо — мне!
- Кукури — мне!
- Залико — мне!
- Окои — мне!
- Индико — мне!
- Алими — мне!
- Будуни — мне!
- Сукули — мне!
- Чабуки — мне!
- Датунни — мне!
- Ачико — мне!
- Тенгизо — мне!

— Знайте, кто только сейчас пришел, вам по две полосы обмотыжить, — предупреждает Резо.

Положили мы мяч примерно на середину «поля», Иорам заложил в рот по два пальца и свистнул. Один раз успел я по мячу ударить — ведь я и начал игру.

Покатилось наше детство по зеленому лугу под боевые кличи. Сумели прорваться мы к воротам противника бережно, как пасхальное яйцо, перебрасывая мяч, каясь, но пробить по ним не смогли — отняли у нас противники мяч и начали свое наступление...

Джульетта и Пацуниа смотрят...

Тут Иорам пробился за «штрафную линию» и должен бить по нашим воротам. Вратарь у нас Залико. Широленные отцовские парусиновые штаны в ворота не помещаются. Изготовился нападающий, изловчился и твердой, жесткой от постоянной беготни босиком ногой врезал по мячу. Взрыв! И что за взрыв?! Вон Залико валяется в траве, и мяча у него нет... Мы стоим с раскрытыми ртами... Нет мяча! Ни гол не забит, ни мимо ворот не пролетел!..

Исчезла наша мукой и трудом воплощенная мечта. Где же он все-таки, куда он мог улететь с таким шумом и так, чтобы столько глаз его не заметили?

— Ой, мама-аа! — заревел Иорам и повалился на землю.

Бросились мы в ту сторону и видим, что разорвался мяч и так и остался у игрока на ступне.

Вылетела душа из мяча, из нас и из нашего детства.

Улетела так, что и глазом моргнуть не успели.

ГОРОД СОЛНЦА

Я думаю, тот, кто родился и вырос в Тбилиси, или тот, кто с детства часто бывал его гостем, не знает настоящей цены этому городу (впрочем, может быть, как раз наоборот). Он не успевает подумать об этой красоте. Он не мучился бессонницей в мечтах о Тбилиси, не грезил им во сне и наяву и не слушал рассказы о нем, словно сказку, и сам не рассказывал...

Как не каждая вода годится для питья и не каждая вода утоляет жажду, так и не всякую любовь любовью назовешь.

Только ту молитву, которая произносится на коленях, слышит бог.

— Ну как теперь твои дела? — спрашивает меня

каждое лето в начале каникул школьный товарищ и сосед Резо. — Все за козой да коровой гоняешься?

— Эх, отстань ты от меня, Резо... — тяжело вздыхаю я.

— За этими, чтоб их разорвало, мы присмотрим как-нибудь, — говорит младший брат Резо Залико. — А ты давай в дорогу.

— Эх, если б только в них дело...

— А в чем еще? Я тебе не обещаю этих чертей пасти, но Залико у нас человек слова... Прыгай на поезд, если в вагон не пустят, и на подножке одну ночь продержишься, — поучает Иорам.

— Поймают! — возражает Залико. — Может, деньги соберем, — вносит он предложение.

— Какие деньги ты соберешь, беднота чумная, ты и так только задним ходом двигаешься, вон отцовские штаны на тебе залатать нечем, — за ногу стаскивает его с облаков Иорам.

Залико проверил свои штаны на заднице и смолк. Иорам все-таки хочет меня выручить:

— Я тебя научу: полезай на крышу... в вагоне все равно душно...

— Не сходи с ума — там его током убьет! — оберегает меня Резо.

— Током хоть сразу убьет, а ему так хочется Тбилиси увидеть, что ни жив ни мертв.

— Ох! — снова вздыхаю я.

— Умрет! — кивает Резо.

— И ни один доктор не узнает, отчего он помер, и его брату младшему тоже не лучше придется, — глза за Залико наполнились слезами, и большим пальцем исцарапанной большой ноги он начертил на увлажненной дождем земле крест...

В то лето я все-таки пошел на все: продал двух белых, как молодой сыр, козлят, упробил бабушку покрепче, частыми стежками зашить мне штаны из домотканого полотна, положил их под свой матрац, и так ворочался и крутился всю ночь перед отъездом, что утром они были «отутюжены». Взял я брата за руку и двинулся к соседней деревне — на станцию.

Вы первое свидание с бесконечно долго и мучительно любимой женщиной помните? Помните, конеч-

но. Да и как это забыть? Ну вот, значит, я и говорить много не буду...

Провожали нас ребята. Залико ничего сказать мог (был он на целых три года младше меня), а затеял беготню: побежит вперед, мелькая большими темными заплатами на белых холщовых отцовских штанах, потом обратно бежит, покрутится немного около нас, опять убегает и снова возвращается.

На станции, пока ждали поезда, терпение у Залико лопнуло, и он стал швыряться камешками, хорошо еще, поезд вовремя показался, а то бы совсем раскидал насыпь.

Что-то нам поручали, советовали, о чем-то предупреждали, радовались за нас так, что взлететь были готовы, завидовали, голоса стали хриплые, сердитые:

— Тбилиси — это тебе не Гвиштиби, смотри не потеряйся. В Тбилиси и так и этак может случиться. В Мтквари¹ не купайтесь, коварная река, утонете. Как будете по фуникулеру подниматься, глядите, чтоб не оборвалась веревка, которая вагончик тянет. Трамваев, трамваев больше всего опасайтесь! И машин там полно! В сто глаз смотрите, деньги прячьте хорошенько...

Мы киваем, соглашаемся, со всем соглашаемся — они ведь не едут с нами, и нельзя говорить, что все это и нам известно.

— Это вы все запомните. И вот еще что: будете возвращаться, может футбольный мяч там сможете купить, привезите... Там мячей полно, заодно и свисток не забудьте... там еще лимонад есть вку-усный, вы побольше привезите!..

Залико стоял, сунув руки в карманы, и ничего не говорил. И мы у него ни о чем не спрашивали. Да и о чем спрашивать? И так знали, что за желание его душу сжигает, и чувствовали себя беспомощными. Но на деньги, вырученные за козлят весом в две головки сыра, трамвай не купишь, да и рельсов нет. Но что было ему делать, если возможности его никак не соответствовали желаниям. Если было у нас настроение

¹ Грузинское название реки Куры.

фантазировать, то именно в те времена. Всем сердцем хотел Залико покатасть деревенских ребятишек на трамвае. Так велико было это желание, что я до сих пор удивляюсь, почему оно не осуществилось тогда же — в детстве, ведь он мечтал об этом не меньше, чем я о Тбилиси...

Как истинно верующий монах, который прожил жизнь в добродетели, самоотречении, умерщвлении плоти, горячих молитвах и наконец видит рай — так я увидел Тбилиси. Здесь ничто не было незнакомым, увиденным впервые. Моя огромная любовь к нему, неутолимая, непрерывная жажда видеть его сделали этот город моим. Моим! И я так ходил по его улицам — парнишка в домотканых штанах, в кармане деньги за одного козленка (то, что было выручено за другого, уже истратил по дороге), словно это я все пятнадцать веков строил его и каждую глыбу, каждый камешек нес на своих плечах. Я сделал его настолько моим непрерывными раздумьями о нем и жаждой встречи с ним, что сейчас чувствовал себя словно на улочках родной деревни.

И точно так же, как естественно принимаешь материнскую любовь и легко несешь такой непомерно тяжкий груз, так же легко, безболезненно перенес я первую встречу с Тбилиси. Он оказался так близок мне не только сейчас, не только с той минуты, как я появился на свет (но никто не знает, может задолго до моего рождения), что непростительно ошибся бы тот, кто сказал бы, что я в Тбилиси впервые.

Словно мимо моих ворот прошествовал со свитой царь Вахтанг Горгасал, в лесу за моим двором подстрелил фазана, словно это меня послал Вахтанг: «Беги, мальчик, и быстрее принеси мне добычу...», и я нашел фазана сваренным в kloкочущем горячем источнике, принес ему, и удивился царь (а мне и удивляться было нечего: я все знал, что тут есть и чего нет). И словно мне сказал Вахтанг: «Постарайся, возведи здесь город солнца — столицу». Не мог я послушаться царя (и какого царя!) — строил и строил. И наваливались толпы злых завоевателей отовсюду, и наваливались со всех сторон орды разрушителей, громили, грабили, окверняли, ровняли с землей, а я строил — истекал кровавым потом и строил. И не так, как позволяли мне

умение и силы, нет! Больше и выше сил и умения. По-
тому что царь (и какой царь!) приказал: город солн
ца — Тбилиси.

Повидали мы Тбилиси...

Вернулись, и, конечно, встретили нас ребята. Ока-
зывается, терпения хватило у них на один день, а по-
том они целую неделю на станцию ходили. Ясно, что
не привезли мы ни футбольного мяча, ни свистка, ни
лимонада, о трамвае и говорить нечего... Деньги от
двух наших козлят, белых как облачка, понадобились
на то, чтобы Тбилиси увидеть.

Но как только вышли мы из вагона и поезд ото-
шел, заметили встречающих, глядящих на нас с откры-
тыми ртами.

Словно не было нас очень долго, и мы выросли,
стали мудрыми, и теперь такая разница между нами
и ребятами, что те и заговорить не решаются.

Иорам все же рискнул, но сначала оглянулся на
Резо и Залико, чтобы набраться смелости:

— Ну что, видели?

— Видели, — сказал я очень многозначительно.

Все замолчали.

— Ну и что? — спросил Резо, решив, что сейчас
его очередь говорить и поэтому остальные молчат.

— Ну и... — я оглянулся на брата.

— Видели... — сказал и он.

Наши языки еще довольно долго были на замке,
но потом Иорам вдруг залился смехом.

— Ты что смеешься? — Залико потрясен.

— Ну, теперь не умрет, — повернулся ко мне. —
Не умрешь?

— Нет!

— Никогда?

— Никогда!

Перевел Олег КАЗАКОВ

ОКТАБРЬ В ИМЕРЕТИ

По красной черепичной крыше
Малиновый идет петух.
А с белых гор холодный ветер
Пыль выдувает с чердаков.
На деву старую похоже,
Жеманится, не греет солнце.

Вот из дому выходит мать, —
И рукава ее одежды
Айвою собранною пахнут.

Боярышник растет вокруг.
Живая изгородь его
Уже не так свежа, как прежде.

А на иголках ежевики
Застрял последний одуванчик.

И много дум придет осенних,
Когда желтеющие травы
К твоим коленям прикоснутся.

За отарами идут пастухи,
И сияет небосвод голубой.
И у каждого есть в сумке стихи
О земле родной.

И грузины в тех лугах тишины
Поднебесный продолжают свой путь.
А стихи им словно воздух нужны,
Чтоб дышала грудь.

Слово-птица подлетает к гнезду,
Устремляется в долину стрелой,
Чтобы путник был пленен на ходу
Окрыленной строкой.

И снова в памяти возник,
И ясного не сводит взора
Тот удивительный старик
У деревянного забора.

Не говорит он ничего
И в дом уходит на закате.
Сума залатана его,
Он сам в истрепанном бушлате.

Была война... Хоть стороной
Она прошла, он, житель здешний,
Из вечно полной торбы той
Мальчишек угощал черешней.

Если б все мечты всегда сбывались,
Мы бы превратились наконец
В бабочек, красивых и беспечных,
Что порхают летом над цветами.
Если избежишь преодоления
Долгого тернистого пути,
Не услышишь ты оленьих криков;
Таинства тропинок голубых
Не постигнешь.

Не заменит крови

Сладкая цветочная пыльца.
Краткое, бездумное блаженство
Выпало на долю однодневки.
У людей иной на свете жребий —
Даже воплощенная мечта
Не приносит удовлетворенья.

Только в детстве с голубым сачком
Ты бежишь вприпрыжку по поляне
За огромной бабочкой.

А после,

Душным летом, много лет спустя
Бабочки порой тебе приснятся.

●
Летел косяк гусей, за облаком исчез.
Гусиное перо планирует с небес.

Иль полоснула дробь, иль ястреб слету бил —
Ведь просто так перо не покидает крыл.

И медленно перо теряло высоту.
Вдруг ласточка его схватила на лету.

И кинулась в овраг стремительным нырком,
Но кажется, что след все виден за пером.

А ласточка летит, теряясь меж ветвей,
И любопытный взгляд не уследит за ней.

Она летит к гнезду и приспособит там
Гусиное перо подстилкою птенцам.

СТАРЫЕ ВЕЩИ

Когда-то ими пользовались...

Ныне

Наш торопливый, беспокойный взгляд
Их даже не заметит на камине,
Где эти вещи все еще лежат.

Последние следы иного быта,
Уклада тех размеренных веков —
Наперсток медный, гребень из самшита,
Тетрадь расходов с записью долгов.

И заполняют памяти провалы
Свидетели того, что было встарь, —
Истрепанные, пыльные журналы,
Исчерканный настенный календарь.

Другие нравы, быт, и только мода,
Утрируя утраченное, вдруг
Одежду и предметы обихода
Вновь возрождает, замыкая круг.

Не стала даже детской забавой
Одна из тех серебряных монет.
Она еще звенит в копилке ржавой,
Но им уже употребленья нет.

Прошла пора полночных озарений.
И навсегда остался без свечей
Подсвечник старый, друг бессонных бдений.
Теперь он светит в памяти моей.

На запыленной на каминной полке
Ненужное становится трухой.
И только блещут средь клубков иголки
Натруженной извечной новизной.

Вещами мир заполнился зловеще.
Полезностью и ценностью своей
Они пленили нас.

Но эти вещи
Мне всех других дороже и милей.

●
Возвращенье к зиме приурочено.
Ветер похож на ласку отчима.

Старый мост над рекой вертлявой
Схож с ладонью крестьянской, корявой.

Клен, разбросавший красные листья кругом,
Словно костер, покинутый пастухом.

Иду извивающейся горной тропой,
Похожей на язык мачехи злой.

Но плод граната в руках у меня —
Словно улыбка девушки у плетня.

Солнце сияющее, вдаль зовущее, —
Это Грузии моей грядущее.

Акакий ИРЕМАДЗЕ

ОКНО В ПРОШЛОЕ

●

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ
ПОВЕСТЬ

...МОРОЗНЫЙ зимний вечер. На небе — ни облачка. Луна плавно скользит по оцепеневшему небу. Хрустит под ногами промерзлый снег.

Дежурный по станции дал первый звонок. У входа в вагон второго класса поезда Киев — Одесса появилось трое запоздалых пассажиров. Один из них поспешно протянул проводнику проездной билет и собрался войти в вагон.

Но проводник не спешил и дотошно рассматривал билет.

— На какое число куплен билет? — спросил он.

— На сегодня — на 28 ноября.

— Отлично. Тогда посмотрите — год и месяц видны хорошо, а вот число... восьмерка почти не видна...

— Но я-то при чем? Билет я купил в кассе. Это уже забота кассира.

— Паспорт при вас? — осведомился проводник.

— Разумеется!

Паспорт был оформлен на чужое имя, но по

Печатается журнальный вариант.

всем правилам конспирации. Лаврентий извлек из внутреннего кармана пиджака паспорт и протянул проводнику. Тот не спеша взял паспорт, раскрыл, всмотрелся в фотографию, потом прочел вслух: Катамадзе Владимир Иосифович.

Картвелишвили тогда еще не знал, что разведка разноухала о его направлении в Одессу. И вот все эти три дня, предшествующие отправлению поезда Киев—Одесса, на вокзале рыскают переодетые сотрудники охраны, агенты и филеры, верные псы Семена Петлюры, с фотографиями Лаврентия на внутренней стороне лацканов своих пиджаков. На этих фотографиях у него густые черные усы и большие очки. А за день до отъезда он, предполагая подобный вариант, сбрил усы, снял очки и с двумя друзьями появился на перрон киевского вокзала уже после первого звонка.

— Господин Катамадзе, — обратился к нему проводник, — вас на этой фотографии украшают усы и очки, а в натуре...

— Очки, — заставил он себя улыбнуться, — я одеваю только для чтения,—и он достал их из кармана пальто.—Что же касается усов, то сегодня во время бритья парикмахер так меня изуродовал, что пришлось и вовсе избавиться от них.

— А вы смогли бы свести меня к тому парикмахеру? — вмешался в разговор какой-то незнакомый человек.

Лаврентий похолодел.

— Если б я мог остаться здесь, то с превеликим удовольствием удовлетворил бы вашу любознательность, — проговорил он в ответ.

Лаврентий чувствовал себя на грани провала. Задание, которое он получил от Центрального Комитета Коммунистической партии Украины, было весьма срочным. От его успешного выполнения во многом зависело осуществление задач, стоявших перед одесской партийной организацией. А это, в свою очередь, означало, что тысячи людей избегнут западни и неминуемой гибели.

— Я блюститель порядка,—отчеканил незнакомец и взял у проводника паспорт Картвелишвили.

— Виноват, но на вас нет никаких знаков весьма

уважаемого государственного служащего. Я вправе и вовсе не подчиниться вам. Это самоуправство!

— Никакого самоуправления! Я защищаю интересы безопасности республики, Украинской независимой республики, — почти шепотом сказал агент и левой рукой извлек из кармана удостоверение личности. Лаврентий мельком взглянул на коричневую книжечку, которая, судя по всему, недавно была вручена владельцу.

— Итак, вы Катамадзе? Из Грузии? Чем вы тут занимаетесь?

— Совершенно верно. Я — Владимир Иосифович Катамадзе, родом из Грузии. В Киеве учусь в коммерческом институте. Направляюсь в Одессу для прохождения коммерческой практики. — Лаврентий хотел было возмутиться, но вовремя спохватился: агент мог потребовать у него студенческий билет, командировочное удостоверение... Что тогда? Поэтому он решил перейти на миролюбивый тон: — Я не в претензии, я все понимаю, — улыбнулся он. — Надеюсь, в данном случае нет причин для подозрений. Тем более, что у меня одна забота — поскорей закончить учебу, справиться с практикой и айда домой, к больным родителям.

— Все это прекрасно, но ваш паспорт все же вызывает у меня некоторые сомнения. Может, это и вовсе не ваш паспорт? — агент пристально посмотрел в глаза Лаврентию.

Дежурный по станции дал второй звонок.

— Понимаю! Вас смущает отсутствие усов и окулляров. Но всмотритесь в меня. Разве это не то же лицо, что и на фотографии?

— Если все остальное в порядке, можете пропустить, — сказал агент проводнику. Потом вновь обратился к Лаврентию:

— Знаю, что за птицы грузины. Если б не они, не пролилось бы столько крови на украинской земле. Истинный украинец никогда не простит Киквидзе, да и другим грузинам: Джугашвили-Сталину, Цхакая, Енукидзе, Джикия, Орджоникидзе, Картвелишвили, Саджая, Лоладзе, Табукашвили, Чикваная и многим другим. Кто может перечислить все эти диковинные фамилии? Да, да, каждый истинный украинец проникнут неугасимым чувством мщениия по отношению ко всем, кто посягнул на независимость и свободу Украины, кто про-

лил кровь многих тысяч верных и самоотверженных бойцов нашего любимого вождя Семена Васильевича Петлюры...

Кто знает, чего бы еще не наговорил распалившийся агент охраны, не раздайся третий звонок. Поезд наконец сдвинулся с места.

Гетмановская охранка опростоволосилась. Три дня рыскали ее агенты по вокзалу, стремясь перехватить Лаврентия Картвелишвили, и когда из этого ничего не получилось, начальник охраны телеграфировал в Одессу: «Из надежных источников стало известно, что на днях в Одессу должен прибыть член Центрального Комитета Коммунистической партии Украины, один из руководителей киевских большевиков, видный деятель революционного движения на Украине Лаврентий Иосифович Картвелишвили. Ему поручена организация борьбы против тех частей нашего национального украинского войска и союзнических войск, которые расположены на территории независимой Украины, особенно в городе Одессе и Одесской губернии. На основании вышеизложенного прошу принять все меры для выявления и ареста преступника».

Затем в телеграмме приводились некоторые анкетные данные:

«Фамилия — Картвелишвили.

Имя — Лаврентий. Партийная кличка — «Товарищ Лаврентий».

Отчество — Иосифович.

Национальность — грузин.

Год и место рождения — 1890, 16 апреля, поселок Самтредиа Кутаисской губернии. Отец — Иосиф Тимофеевич Картвелишвили и мать — Ивлига Григорьевна Картвелишвили с остальными 7 детьми живут в поселке Самтредиа и занимаются сельским хозяйством.

В 1910 году Лаврентий Картвелишвили окончил Кутаисское реальное училище и в том же году продолжил учебу в Киевском коммерческом институте, на экономическом отделении, по педагогической линии. В Киеве он вскоре связался с революционно настроенными студентами. Еще во время учебы в Кутаиси примкнул

Акакий Иремадзе. Окно в прошлое.

к бунтовщикам, сражался на баррикадах, распространял прокламации. В 1910 году стал членом большевистской партии. За антиправительственные действия в конце 1916 года Картвелишвили был арестован и сослан. После Февральской революции он вновь вернулся в Киев. В институте ему не удалось пройти полный курс учебы, в связи с арестом он был исключен из учебного заведения.

По возвращении в Киев вновь занялся большевистской работой. Его избрали членом одного из районных комитетов Киева, вскоре он становится членом общегородского комитета большевиков.

...Он активно сотрудничает в большевистской газете «Голос социал-демократа», руководит инициативной группой молодежи, является представителем большевиков в центральном бюро профсоюзов...»

В депеше имелись данные о товарищах и друзьях Лаврентия Картвелишвили: Яне Гамарнике, Иване Смирнове, Александре Горбачеве, Андрее Иванове и других. Телеграмма извещала, что все эти большевики — смертельные враги независимой Украины и что они, как и Лаврентий Картвелишвили, подлежат аресту.

Наконец в телеграмме высказывалась просьба — в случае получения каких-либо дополнительных сведений о Картвелишвили и его друзьях и, тем более, в случае их ареста немедленно сообщить об этом киевским властям.

Поезд на Одессу как бы нехотя сдвинулся с места. Мерно покачиваясь, миновал платформу, постепенно набирая скорость. Огромные сверкающие колеса мощно отбивали ритм. Лаврентий отыскал свое место в пятом купе. Небольшую ручную кладь поместил под койкой. Сел у окна, всмотрелся в мгlistую даль. Затем обвел глазами купе и как-то совсем по-мальчишески обрадовался, что путешествует один-одинешенек. Но тревожное чувство все же не покидало его. Он был почти уверен, что гетманские ищейки напали на его след, что инцидент с проводником — лишь начало.

Внезапно двери купе приоткрылись. В них втиснулась грузная, сумрачная фигура проводника, а позади нее Лаврентий заметил какого-то мужчину. Ему вновь стало не по себе.

— Вам подать постельное белье? — спросил проводник.

— Конечно.

Проводник крикнул своему напарнику, чтобы тот принес комплект белья.

— Сами управитесь или подсобить?

— Сам постелю.

Напарник принес белье.

Лаврентий успел заметить медленно удалявшегося по коридору полицейского...

Постелив постель, Лаврентий сел на койку, снял пальто и накинул его на плечи.

Поезд промчался мимо какой-то деревушки. Заснеженные маленькие домики сиротливо выстроились вдоль железнодорожного полотна. Лаврентий весь ушел в свои мысли.

Хотя опасность еще не миновала, он был рад, что все же удалось выехать из Киева, несмотря на инцидент на перроне.

Лаврентий приоткрыл дверь купе и выглянул в коридор. Было темно, но в конце вагона он все же разглядел фигуры двух мужчин — очевидно проводника и его напарника. Прикрыв дверь, разделся, прилег на койку. Но сон не шел. Из памяти выплыли годы детства, родные, близкие и друзья. Вот отец, пожилой, но еще бодрый. Широкие, могучие плечи, мозолистые руки — свидетельство его трудолюбия и нелегкой жизни. В детстве Лаврентий всегда с большим вниманием выслушивал его наставления и старался делать все так, как хотел отец. Но когда он поступил в Кутаисское реальное училище и научился отличать черное от белого, познакомился с нелегальной литературой, да не только познакомился — стал читать ее запоем, и вступил в тайный марксистский кружок, отцовские советы стали невыполнимы. И все же Лаврентий старался не противоречить ему. Но, как говорится, шила в мешке не утаишь — то, к чему он стремился душой и сердцем, неминуемо приближало его к конфликту с отцом.

Иосиф Картвелишвили давно заметил бунтарскую натуру сына, который при малейшей несправедливости вспыхивал и загорался. Даже во время игры со свер-

стниками он был нетерпим к любой несправедливости. Всегда решительно становился на сторону обиженного, и обидчику тогда приходилось туго. Нередко велед за этим начиналась серьезная потасовка, и Лаврентий, который вступал в драку, невзирая на возраст и силу противника, часто приходил домой с расквашенным носом и синяками. Щадить, выгораживать себя сызмальства он не умел.

Отцу решительно не нравился характер сына. Он советовал ему быть более сдержанным, покладистым и уступчивым, никогда не связываться с более сильными, зная по опыту, что сильные, увы, всегда правы. Но Лаврентий гнул свою линию. Он все более склонялся на сторону угнетенных и слабых, и не просто держал их сторону, а серьезно готовился дать бой несправедливости, всерьез овладевая путями и методами революционной борьбы. Это стремление и привело его в тайные ученические кружки, к запрещенной марксистской литературе. Беседы, которые велись там, нелегальные книги сформировали в нем непреклонный характер, осветили весь последующий жизненный путь.

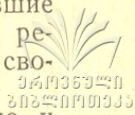
...Кто-то открыл дверь и заглянул в купе, посмотрел на номера коек, недовольно покачал головой и исчез.

Лаврентий вновь погрузился в воспоминания. Перед его мысленным взором предстала площадь перед сельским судом деревни Бахви, где султан Крым-Гирей встретился с гурийцами. Вспомнились слова отца: «Я борюсь с землей, сынок, некогда брать книгу в руки, но чутье подсказывает — не приведут нас к добру революция и политика. Это, сынок, как пить дать, такой скользкий путь, что сам господь бог может оступиться».

Весть о кровавом воскресеньи с быстротой молнии облетела всю Российскую империю. Повсеместно трудовые люди брались за оружие и вступали в смертельную схватку с ненавистным самодержавием. Для грузинского народа, доведенного социальным и национальным гнетом до полного отчаяния, 9 января 1905 года стало искрой, возжегшей революционный пожар.

Пламя революции охватило всю Гурию. Местное

крестьянство возглавили гурийские рабочие, прибывшие из Батума, где они были выброшены с заводов за революционную деятельность. Гурия была объявлена свободной республикой.

Встревоженное царское правительство прибегло к уловке — послало на переговоры с гурийцами своего верного сатрапа султана Крым-Гирея.

Первый февраль первой революции в Гурии выдался исключительно теплым. Зацвели персики, алыча. Словно и природа сочувствовала поднявшемуся на борьбу за свободу народу.

Наступило утро последней февральской среды. Прозрачно-голубое небо нависло над селом.

Казалось, что вихрь революции, пронесшийся над небом Гурии, очистил его от туч и ненастья.

Деревня Бахви застыла перед восходом солнца, все замерло в ожидании чего-то необычного.

С утра распространилась весть, будто прибывает представитель правительства, чтоб узнать о крестьянском житье-бытье и поведать об этом высшему начальству.

Вскоре и стар и млад только об этом и говорили. Народ по-всякому толковал причины появления царского сановника. Поговаривали, что он весьма высокого ранга и идет к гурийскому крестьянству один, без сопровождающих.

Народ двинулся к площади, на которой находился сельский суд.

Лаврентий забрался на огромную липу, с высоты которой все было и видно, и слышно.

Его примеру последовали и другие.

В полдень всю округу облетела весть — прибыл, наконец!

Толпа всколыхнулась, потом застыла. Гостей встретили заранее выбранные депутаты. Один из них представил собравшимся Крым-Гирея, его секретаря, переводчика и двух корреспондентов. Бахвцы в один голос приветствовали прибывших.

Лаврентий видит, как Крым-Гирей дрожащими пальцами вынул из кармана сложенный вчетверо платок, нервно раскрыл его и утер им лоб.

«Я приветствую вас, сыновья и дочери Гурии... — дрожащим голосом начал он, не в силах скрыть своего волнения. — С удовольствием отмечаю, что среди вас есть и такие, кто прилично владеет русским языком, но я желаю, чтоб вы выслушали то, что я вам скажу, на вашем родном языке, который понятен всем...»

Крым-Гирей подождал, пока толмач слово в слово перевел сказанное им. Испытующим взглядом он окинул толпу, стараясь понять, какое впечатление произвели на нее его слова. А когда раздались возгласы: «С каких пор этот господин стал таким добреньким?!», Крым-Гирей велел толмачу перевести их смысл. Тот выполнил его волю. Крым-Гирей смутился. Потом, стремясь придать убедительность своим словам, продолжал произносить заранее заготовленную речь: «Мои слова будет переводить человек, который прибыл вместе со мной и которого я хорошо знаю. Мне доставляет большую радость, что я удостоился чести посетить прекрасную Гурию и близко познакомиться с гурийцами. Я счел бы себя счастливейшим человеком, если б мой приезд принес бы вам мир и душевное спокойствие». Похвально отозвавшись о стремлении гурийцев к образованию, он вкрадчиво начинает гнуть свою линию: «Ваша молодежь—это гордость и надежда Гурии, и вы должны сделать все, чтобы оградить ее от увлечения такими делами, которые не соответствуют ее возрасту...» Народ пришел в движение. Все поняли — сановник требовал, чтобы учащаяся молодежь отступилась от революции. Люди зашумели, однако гость не обратил на это внимания. «...Мне говаривали, что среди вас есть люди горячие. Я не советую строго осуждать их, но и не следует слепо идти за ними. Их горячим и необдуманным порывам противопоставьте спокойствие и благоразумие. Не следует, на мой взгляд, осуждать и тех русских, которые мечтают и стремятся перестроить местную жизнь на свой лад. В сущности, их помыслы достойны понимания и одобрения. Они хотят, чтобы каждый житель России, каждый член этой семьи жил одной общей жизнью и чтобы разговаривали они между собой на одном общем языке...»

Из гущи толпы кто-то громко крикнул: «Ну а мы хотим жить нашей собственной жизнью и говорить на своем родном языке!» Крым-Гирей не обратил внима-

ния на эту реплику, так как подходил к самому главному: «Они хотят ускорить ход исторического развития, но забывают, что желанное единство окажется плодотворным лишь тогда, когда оно установится естественно, свободно, без всякого принуждения и насилия. Такое единство, само собой разумеется, вовсе не требует, чтобы грузин отрекся от всего своего родного, грузинского. Каждый русский с полным пониманием и уважением отнесется к тому грузину, который освоит русскую культуру, но в то же время останется добрым грузином, который любит грузинский язык, литературу, изучает историю своей страны, уважает старину, и совсем уж не станет доверять грузину, равнодушному ко всему родному. Это и понятно: разве плохой грузин может стать хорошим русским?»

Хотя Лаврентию и понравились эти слова Крым-Гирея, может быть, именно тогда он понял, что человек может говорить одно, а думать и делать нечто совершенно противоположное... Крым-Гирей еще не закончил основной мысли. «Положение Гурии тяжелое, многое нуждается в улучшении, приведении в порядок, но надо проявить терпение... Верховное правительство Кавказа старается сделать все, чтобы улучшить ваше положение, в будущем все ваши неотложные нужды будут внимательнейшим образом исследованы и изучены».

Крым-Гирей на секунду остановился. Его слушали, затаив дыхание. Решив, что его слова произвели впечатление, он перешел к самому важному: «Главноуправляющий решительно требует соблюдения порядка и безопасности». И вслед за этим с выразительной жестикуляцией добавил: «Он требует абсолютного соблюдения законов и подчинения законному правительству».

После этих слов какой-то высокий, плотный бородач крикнул: «Довольно терпения и покорности! Или погибнем, или добьемся человеческой жизни!»

«Правильно, правильно!» — загудела площадь. Толмач быстро и четко перевел Крым-Гирею суть этого возгласа. Тогда сановник постарался смягчить свои слова: «Вместе с тем главноуправляющий доверил мне

выслушать ваши заявления и жалобы и дал полимочия заявить, что все справедливые и законные просьбы, удовлетворение которых зависит от главноуправляющего, будут выполнены. Что касается удовлетворения тех нужд, которые окажутся не под силу главноуправляющему, о них будет доложено с соответствующим ходатайством его императорскому величеству».

«Это уже другое дело, до сих пор надо было сделать это», — подумал Лаврентий и обвел взором собравшихся. Народ бушевал, однако последние слова оратора подействовали умиротворяюще. Крым-Гирей казался довольным произведенным этими последними словами эффектом. Он достал из кармана платок, раскрыл его, вытер лоб и шею, взглянул на солнце, которое хотя и давно миновало зенит, все же было еще очень жарким.

«То, что случилось в Гурии, — продолжал он, — можно объяснить, но никак не оправдать. Вы не можете не признать того факта, что многие из вас действуют противу закона. Я не доискиваюсь, кто именно виноват. Но прошу взвесить и хорошо представить себе тот плачевный итог, который неминуемо последует для вас, ваших семей и будущего всей Гурии в случае противодействия правительству и закону. Главноуправляющий с сердечностью относится к вашим нуждам. Свидетельство тому — мое пребывание здесь, среди вас. Но учтите, моя миссия — это последняя попытка главноуправляющего мирно разрешить все несогласованные вопросы и недоразумения.

Обдумайте все, что я вам сказал, не торопитесь с ответом, посоветуйтесь с теми, кому вы доверяете, которые желают вам добра, и пусть в эти тяжкие минуты господь-бог будет с вами, дабы не покинули вас обычные осторожность и благоразумие».

Крым-Гирей замолчал, давая возможность толмачу перевести последние слова.

Народ стал с ходу обсуждать его слова. Жарко заспорили между собой наэлектризованные гурийцы. Депутаты призывали народ к спокойствию.

— Люди, братья и сестры, матери и отцы, — обратился к собравшимся один из депутатов, — запаситесь терпением, успокойтесь! Пусть Крым-Гирей выслушает и наш ответ, а потом посмотрим, что он скажет.

Прежде чем выслушать ответ собравшихся, Крым-Гирей предложил сельчанам, если они пожелают, удалить со сходки нежелательных для них лиц. Собрание потребовало удаления священников, старост и писарей.

Один депутат, который стоял справа от Крым-Гирея, зычно гаркнул: «Сегодня правительство предоставило нам некоторые свободы. Давайте будем говорить о деле, а если здесь находятся изменники, предававшие страну и народ, пусть лучше поскорей оставят собрание!»

Приказ депутата был вскоре исполнен. Для того чтобы составить ответ Крым-Гирею, депутаты, число которых доходило до десяти, отрядили одного товарища. Его уполномочили говорить от имени народа и депутатов. В случае, если бы он забыл или пропустил какой-либо важный вопрос, ему подсобили бы другие депутаты.

Лаврентий с нетерпением ожидал, какой ответ дадут гурийцы Крым-Гирею, какие требования выставят перед правительством. Придадут ли они им характер ультиматума?

Депутаты советовались недолго. У них в основном уже были заранее готовы и ответы, и требования. Один из депутатов не спеша выступил вперед, провел правой рукой по сильно поседевшим усам, оправил пояс с кинжалом и начал говорить решительно и спокойно.

Он сказал, что зря, мол, распространяют слухи, будто мы дикари и звери и сами не понимаем, чего требуем и за что боремся. Неимоверная нужда заставила нас глубоко вникнуть в наше собственное положение, и мы поняли, что это положение не что иное, как гнет, издевательство, несправие и беззаконие. Но теперь нас никто не запугает. До последней капли крови будем бороться за улучшение нашей жизни.

Затем депутат напомнил о свободе слова, собраний и митингов, обосновывая ее необходимость, а также потребовал, чтобы с полицейским произволом было наконец покончено.

В это время Лаврентий заметил, что Крым-Гирей, не прерывая речи депутата, сошел с трибуны, протис-

нулся в толпу и остановился перед крестьянином, у которого на груди висел Георгиевский крест. Он поприветствовал его и спросил — где и когда, в каких боях удостоили его этой высокой правительственной награды. Крестьянин плохо владел русским языком и ничего толком не смог сказать представителю власти.

Крым-Гирей вернулся на свое место. Этот жест сановника народ принял с холодком, уловив фальшь в его действии.

Слово взял очередной депутат.

— Не скажешь сразу обо всех наших болячках. Многие из нас грамотны и имеют желание читать газеты, книги. Читаем мы эти газеты, но в них ничего не сказано о наших нуждах и чаяниях. В то же время нам иногда попадаются разные листовки и книжки, в которых говорится обо всем этом правдиво и честно. И нам это очень нравится. Почему нам запрещают читать эти листки?

Когда толмач перевел это место из выступления депутата, Крым-Гирей дал знак ему остановиться. Сановник приподнялся с места, приосанился и громко объявил: «За чтение листов никого не наказывают, это неправда! Наказывают за их распространение!»

Депутату и собранию заявление Крым-Гирея не понравилось, ибо оно было ложным.

Депутат немедленно обратился к толпе с вопросом: — Наказывают вас за чтение запрещенных листов?

— Наказывают, еще как наказывают! — раздались дружные возгласы.

— А как это вам понравится, — к трибуне протиснулся седобородый гуриец в белом башлыке, — даже библиотеку, которую содержим мы сами на наши средства и в которой кроме газет нет ничего, и ту прикрыли местные власти. Да, мы требуем, чтобы газеты печатали о нашем отчаянном положении правду и только правду.

Крым-Гирей и в этом случае пожелал дать немедленный ответ. Он сказал, что библиотеку, вероятно, закрыли не без причины, но он немедленно будет ходатайствовать перед местными властями, чтоб ее открыли вновь.

— Скажите, — продолжал тот же депутат, — раз-

ве на это пойдет правительство, которое называет нас «бунтовщиками» из-за того, что мы во весь голос заявили о наших нуждах? Правительство, которое называет нас дикарями, гноит нас в тюрьмах, гонит в Сибирь и наконец посылает войско, чтобы спалить наши дома, извести нас.

— Так, так, не давай им спуску! — раздалось из толпы.

— Погодите, люди, наберитесь терпения, послушаем, что скажет человек, присланный правительством. Свое всегда успеем сказать, — обратился к народу второй депутат.

Когда народ успокоился, шум и возгласы прекратились, депутат поднял руку и продолжил:

— Нет и тысячу раз нет. Мы требуем, чтобы созвали народное собрание всей страны. Только представители народа могут выразить нужды и интересы народа. Только такому правительству окажем мы доверие. Мы знаем, что во многих странах есть бедные и богатые, угнетенные и угнетающие. Богатые — это капиталисты, а бедные — рабочие. Они борются друг с другом. Так будет и у нас. Только после уничтожения капиталистического рабства наступит в мире равенство и счастье. Это наша отдаленная цель.

Депутат закончил свою речь. Что ответит на это Крым-Гирей?

Лаврентия очень удивило, что его будто и не возмутило это главное требование. Более того, он стал увещевать народ — мол, потерпите еще немного, раз столько пришлось пережить, не давайте повода войскам применить оружие. Лаврентий спустился на землю, возмущенный поведением этого коварного сановника.

...Стук в дверь вновь резко оборвал нить воспоминаний Лаврентия. После некоторой паузы в купе вошел проводник, а за ним еще двое. Третий застыл у дверей. Проводник взял у Лаврентия билет и протянул его своему спутнику.

— Вызывает подозрение дата выдачи, остальное все в порядке, — сказал он.

— Когда же будет конец этой истории? — ^{нервно,} не скрывая досады, сказал Лаврентий.

— Виноват, но этот господин является ревизором, и я обязан доложить ему обо всем, — оправдывался проводник.

— Мне абсолютно все равно, кем он является, но я желаю отдохнуть и прошу вас предоставить мне эту возможность, — твердо сказал Лаврентий.

Ревизор внимательно рассматривал билет.

— Вы сочли возможным проезд этого господина по данному билету?

— Мы проверили его на главном вокзале Киева, при посадке. Билет осмотрели и другие чиновники, после чего мы разрешили пассажиру войти в вагон. Думаю, поступили правильно.

— Пусть будет по-вашему, — вернув билет Лаврентию, ревизор вышел из купе. Проводник и тот, кто стоял за дверью, последовали за ним.

Лаврентий закрыл купе изнутри; подошел к окну. В ярком лунном свете сверкали заснеженные поля. Лаврентий опять прилег и задумался. Перед его мысленным взором вновь предстал отец. Но, боже, как он разгневан!

— Ты опять за свое? Отлично, только впредь не надейся на меня, дружок. Будем считать, что одним сыном у меня стало меньше. И баста. Этот мир еще никому не удалось переделать. Боюсь, не удастся и тебе. А если и удастся, кто знает, сам станешь жертвой своих стараний! Запомни хорошо мои слова! Христа распяли, между прочим, за то, что он хотел людям счастья, — говорил отец, все больше распаяясь, комкая в руках шапку. Тогда Лаврентий сдержался, не стал возражать отцу, а тот, боясь не справиться со своим гневом, выбежал из комнаты. Минут через десять он вернулся. О, какое несчастное лицо было у него, как изменилось оно после разыгравшейся в его душе бури. Все чувства отошли на задний план, кроме острой жалости, охватившей все существо отца. Он достал из кармана деньги, сунул их в карман сыну, поцеловал его в лоб и сказал в напутствие: «Пусть будет благословенным путь твой, сынок, пусть умру я раньше, чем услышу худое о тебе, родной мой».

Крупные слезы навернулись на глаза Лаврентия.

Ему стало не по себе. Какие-то противоречивые чувства охватили его. Жалость, нежность и еще что-то не-
объяснимое душили его...

А теперь перед ним Миха Цхакая. О, какой прекрасный вечер выдался тогда в Кутаиси! В городе ликовала весна. Пьянящий аромат цветов царил повсюду. Кутаисцы высыпали на улицы. Ветерок и тот словно боялся развеять этот чарующий аромат.

Миха настезь распахнул оба окна. Он сидел за столом и так был увлечен делом, что не заметил, как к нему вошел молодой человек. Когда Миха узнал о причине прихода Лаврентия, он вперил в него свой испытующий взгляд, затем с улыбкой обратился к гостившему у него Джугашвили:

— Сосо, вот ключи от нашей комнаты. Возьми с собой этого парня, поговори с ним по душам, как ты умеешь, и приведи его часа через два. Потом и решим, что с ним делать...

— Почему хочешь стать революционером, что это, по-твоему, даст тебе, чего ты ждешь от этого? — спросил Сосо.

— Тюрьму, ссылку, быть может, и виселицу. Но равенство и свобода невозможны без революции. А революцию должны подготовить революционеры.

— Ну и наивен же ты, братец! Не знаешь истории!

— Знаю. Знаком с Марксом, Плехановым и Лениным тоже. Историю знаю, потому-то и решил твердо встать в ряды тех, кто до последних минут жизни будет сражаться за свободу и справедливость, за утверждение счастья на земле.

— Но разве вся история человечества не есть история восстаний и войн, кровопролития, столкновения добра со злом, сильного со слабым? А где-нибудь восторжествовало равноправие и справедливость? Да, одна форма господства сменялась другой, но само господство сохранялось? Ведь сильный по-прежнему угнетает слабого. Вся история человечества—доказательство тому, что пока существуют люди, всегда будут слабые и сильные, господа и рабы, угнетатели и угнетенные, богатые и бедные. Человек такое существо, которое не в силах познать самого себя. Его сердце жадно и

ненасытно. «Наш бранный мир — худое решето, которое хотят долить до края, чего б ни достигали мы, никто не удовлетворялся умирая». Слышал? Сколько блан ни имел, все же мечтает о большем. Бедняк, не имеющий пропитания, мечтает стать богатым, когда добьется этого, пожелает стать миллионером, а там, гляди, и на весь мир замахнется! Такова природа человека, а ты хочешь установить равноправие и справедливость! Нет, милейший, ничего у тебя не получится! Прими дружеский совет — отступись, тем более, что и голову можешь потерять на этом пути!

— То, что вы сейчас сказали, на языке Маркса называется классовой борьбой. Она неминуемо приведет общество к диктатуре пролетариата. А это — единственный путь к бесклассовому обществу, в котором будут жить высокообразованные, гармонично развитые люди. Для них труд превратится в первейшую жизненную необходимость. И не будет причин для вражды, убийства, обмана, разбоя.

— Допустим, так все и произойдет. А как быть с завистью и жадностью? Ведь Маркс любил повторять: я человек и ничто человеческое мне не чуждо. Раз ты так начитан и столько понимаешь, для тебя, наверное, нет секрета, что преступление, которое совершает каждый человек, такое же извечное явление, как болезнь, безумие или смерть. Как быть с этим? Разве в среде самих пролетариев не бушует этот неизлечимый недуг? История человечества — подтверждение тому, что с момента рождения человека появились зависть и жадность, вражда и преступление. До сего дня история не знает такого человека, который в большей или меньшей степени не был бы заражен этими недугами. Ты видел когда-нибудь человека, который не желал бы большего, чем ему полагается? И не только просто желал — не добивался бы того, чего он недостойн? Если хочешь знать правду, именно зависть и жадность порождают любое преступление, любые кровопролитные, братоубийственные войны. Так это было изначально, так есть, так и будет, пока хотя бы два человека будут жить на свете.

— Нет, зависть и жадность — это не врожденные свойства человека, а приобретенные. Начало всех

зол — деление общества на классы, на угнетателей и угнетенных. Не евангелие, не молитвы, а классовая борьба приведет в конце концов к уничтожению зла, рабства, произвола и насилия.

Лаврентий старался всюю, концентрируя все свои знания, всю свою веру, чтобы доказать правильность избранного им пути.

— Ладно, допустим, но что поделать с угнетением наций? Разве господствующая, угнетающая нация когда-нибудь добровольно откажется от господства, от угнетения? Кто добьется равноправия больших и малых, сильных и слабых народов?

— Марксизм и на этот вопрос дает исчерпывающий ответ: с уничтожением классового антагонизма внутри наций исчезнет и враждебное отношение их друг к другу. В итоге основа национального угнетения та же самая, что и социального гнета. Если б общество не разделилось на классы, если б не появилась частная собственность на средства производства, можно с уверенностью сказать — не имело бы места угнетение одной нации другой. Национальный гнет перестанет существовать с исчезновением социального гнета. Социалистическая революция покончит с причинами, вызывающими национальное неравноправие. Объединившиеся пролетарии всех стран не допустят национального гнета, не дадут права (да и причин на то не будет) одному народу притеснять другой.

— Почему же тогда говорят, что малым нациям житья нет и не будет никогда?

— Социалистическая революция покончит с фактическим неравноправием наций. Малые нации будут равноправны с большими. Социализм обеспечит их братское сотрудничество, взаимопомощь, сближение. Маркс ведь утверждает, что любая нация может и должна учиться у другой. Это касается и больших, и малых народов.

— Но ведь большая нация все же поглотит малую, ассимилирует ее.

— В конце концов, быть может, да. Но это дело далекого будущего. Нации действительно сольются, но не

таким образом, что большая поглотит малую, а путем сближения наций и, что самое главное, путем развития и расцвета каждой нации.

— Значит, ты веришь, что можно покончить с несправедливостью и рабством, что на земле воцарятся равенство и свобода?

— Верю и буду бороться за это до последней капли крови, до последней минуты своей жизни. И не только сам буду бороться, а втяну в эту священную борьбу всех, у кого сердце болит за трудового человека, ибо свобода не придет сама. «Свободы и жизни достойн лишь тот, кто борется ради свободы и жизни», — сказал великий немецкий поэт.

Сосо завел Лаврентия к Миха.

— Всем своим существом, всей своей верой это наш человек. Уверен, если потребует дело, он без разговоров пожертвует жизнью, — сказал Сосо.

У Миха просветлело лицо. Если уж скупой на похвалы Сосо так аттестовал молодого человека, значит, так оно и есть. Миха крепко пожал руку Лаврентию.

— В добрый путь, сынок! И пусть удача сопутствует тебе. Только помни — избрал ты тернистый путь. Так что подумай хорошенько...

Но Лаврентий не нуждался в подбадривании.

Поезд остановился на какой-то станции. Несколько пассажиров сошло, появились новые. В купе Лаврентия водворилась высокая красивая дама лет 30—35. Свой багаж она сунула под койку и стала стелить постель.

Лаврентий попытался разговориться со спутницей, однако на все вопросы она отвечала коротко, сухо, неохотно. Как только поезд сдвинулся с места, женщина моментально уснула.

Лаврентий вновь остался один на один со своими мыслями. В памяти промелькнули первые дни приезда в Киев, осенние, пасмурные, томительные. Захотелось обратно домой. К братьям, сестрам, матери, отцу, с которым он так и не сумел избежать столкновения. К тому же время шло, а ему так и не удалось связаться ни с местными революционерами и большевистскими организациями, ни с товариществом грузинских студентов. Вернуться бы снова в Грузию, в низовья Риони... Од-

нажды он там неосторожно оступился, угодил в болото и чуть не утонул. Выручил его начальник Сакарской виноградарской опытной станции — агроном Владимир Старосельский. Он долго возился с ним, пока не привел в сознание.

И вторично ему спас жизнь Старосельский уже в бытность его генерал-губернатором Кутаиси. Прозванный «красным губернатором», он держал сторону простого народа. Не преследовал революционеров, напротив, всячески содействовал им, пока его не сместили с занимаемой должности и не отозвали в Тифлис. Он категорически запрещал полицейским грубо обращаться с населением, бывало, даже давал указание об аресте полицейского за рукоприкладство.

Однажды Лаврентия застали за расклеиванием прокламаций. Вырвавшись из рук полицейского, он бросился бежать по булыжной мостовой, а полицейский хладнокровно навел на бегущего пистолет. Тут откуда ни возьмись появился Старосельский. Он ударил снизу по руке тщательно прицелившегося полицейского, и пуля просвистела над головой молодого революционера.

Лаврентий был среди тех гимназистов и учеников реального училища, которые устроили пламенные проводы на кутаисском железнодорожном вокзале «красному губернатору», отозванному властями в Тифлис. Море народа провожало его. Очевидно, и на царской службе можно творить добрые дела. За это-то и сместили губернатора, а горожанам запретили провожать его. Но кто внял указаниям властей? Вся привокзальная площадь была заполнена трудовым людом.

Смещенный с поста губернатора Старосельский направился на Северный Кавказ, вступил в партию большевиков, некоторое время работал нелегально, затем был вынужден эмигрировать. Всю свою сознательную жизнь он посвятил идеалам освобождения народа, делу революции.

Именно с этой поры поставил себе целью Лаврентий служить народу, отдать все силы, всю энергию, если потребуется, жизнь борьбе за осуществление народных идеалов. Он никогда не забывал урока, полученного на

Акакий Иремадзе. Окно в прошлое.

баррикадах Кутаиси, не забывал мужественное, пылающее революционным энтузиазмом лицо Владимира Александровича Старосельского.

И снова память возвращает его в Киев. Картвелишвили аккуратно посещает лекции и практические занятия, с большой ответственностью выполняет все задания. Успевает и читать. В основном увлекается запрещенной политической литературой.

Здесь ему попало в руки несколько книг Ленина. Он прочел их залпом.

Теперь его заветная мечта — вступить в партию, встать в один ряд с теми, кто борется за свободу и справедливость, за счастье народа. И вот здесь, в Киеве, в 1910 году он вступает в большевистскую партию. Отныне вся его жизнь неразрывно связана с партией, с борьбой за коммунизм.

В Киеве Лаврентий поступил в институт, который готовил коммерческих инженеров. Он быстро освоился тут, подружился со многими студентами. Вольный характер и ясная мысль, доброе сердце и любовь к ближнему, постоянная готовность прийти на помощь и безграничная смелость притягивали к нему сердца многих молодых людей. Вскоре Лаврентий обратил на себя и внимание здешних большевиков. Когда его представили руководителю Киевской городской партийной организации Ивану Смирнову, он взволновался не на шутку.

— Мы должны дать вам весьма серьезное поручение, — сказал Иван Смирнов Лаврентию Картвелишвили после основательной беседы.

— Нет такого поручения, от которого я отказался бы, и нет такого поручения, которое я не выполнил бы, — твердо ответил Лаврентий.

— Ну и отлично. Киевская социал-демократическая организация поручает вам вести работу среди молодежи, главным образом в студенческой среде.

Лаврентий успешно выполняет это первое ответственное поручение — распространяет среди студентов прокламации, листки, нелегальную литературу, ведет беседы на политические темы, создает студенческие кружки, развивает самосознание учащейся молодежи.

Во время работы в Киеве Лаврентий познакомился и с Яном Гамарником, Владимиром Затонским, Андреем Ивановым, Иваном Клименко, Емельяном Горбаче-

вым, Еленой Соколовской, Михаилом Майоровым, Леонидом Пятаковым и многими другими революционерами, плечом к плечу с которыми бесстрашно борются против царской тирании.

...Мысленный взор Лаврентия обратился к Ленину... О, какую великую радость испытали руководители Компартии Украины, приехавшие в Москву в качестве делегатов на первый съезд своей партии, когда им объявили, что на следующий день, 4 июля 1918 года, их примет и будет иметь с ними беседу Владимир Ильич.

Лаврентий волновался безмерно. Он не спал всю ночь. С нетерпением ждал рассвета и заветных 12-ти часов, когда его вместе с другими делегатами должен был принять легендарный человек, знаменосец Октябрьской революции, творец новой эры человечества Владимир Ильич Ленин.

Ночью была гроза и прошел проливной дождь, а утро выдалось пасмурное, сумрачное. Около шести часов к Лаврентию пришли Ян Гамарник и Владимир Затонский.

— Как медленно тянется время, черт подери, я не спал всю ночь, — сказал Гамарник и присел на край постели Лаврентия.

— И я места себе не нахожу, — признался Затонский.

— У нашего любимого поэта Ильи Чавчавадзе есть такая строчка: «Одной судьбой мы связаны с тобой!» Воистину это о нас, друзья! Я тоже крутился всю ночь в постели, никак не удалось заснуть. Давайте выйдем на воздух, — предложил Лаврентий и посмотрел в окно. Тучи рассеялись и восходящее солнце уже золотило купола кремлевских церквей.

— Отличная мысль! — в один голос воскликнули друзья.

На Рождественской, где в доме № 11 находилось общежитие, выделенное для делегатов съезда, им никто не повстречался. Но на улицах, ближе к центру, уже царило оживление. Быстро росли очереди у продовольственных магазинов. Большинство прохожих было в солдатских гимнастерках. Все куда-то торопи-

лись. Усталые, порой измученные лица все же светились надеждой и уверенностью. Лаврентий обратил внимание на обилие калек. На каждом шагу встречались безногие и безрукие, опирающиеся на костыли, а то и передвигающиеся на самодельных низких деревянных колясках. У многих за спиной ранцы и скатки шинелей. Повсюду были ощутимы следы войны. Протяжно загудели фабрики и заводы, которые еще каким-то чудом продолжали работать. Черный дым тянулся к июньской голубизне московского неба. Изредка утреннюю тишь разрезала короткая пулеметная очередь, потрескивали винтовочные и пистолетные выстрелы. Брестский мир был уже заключен и ратифицирован, но белогвардейская контрреволюция не собиралась разоружаться. Иностранцы интервенты высадились в разных уголках первой в мире страны Советов и стремились повергнуть в прах большевистскую Россию.

Лаврентий, Ян и Владимир вышли на Красную площадь. Здесь к ним присоединились и другие делегаты съезда. Время приближалось к одиннадцати часам. Делегаты вошли на территорию Кремля. Зал заседаний съезда был переполнен, когда друзья вошли в него. Было ясно — все с нетерпением ждали встречи с вождем.

В зале громко зачитали список тех делегатов, которых просили к Владимиру Ильичу. Лаврентий один из первых зашел в небольшой зал, где предстояла встреча с Лениным. Гамарник и Затонский уселись рядом с Лаврентием. Ровно в 12 к делегатам вышел Ленин. Вместе с ним были Свердлов и Сталин. Делегаты встретили вошедших бурными аплодисментами, а те, в свою очередь, аплодировали украинским коммунистам-делегатам. Ленин поднял руку, подошел к столу и сел. Свердлов и Сталин сели рядом с ним. Когда аплодисменты затихли, Ленин коротко поприветствовал группу делегатов, а затем они вместе стали рассматривать проекты резолюции съезда.

Лаврентий старался не упустить ни одного слова, произнесенного Ильичем, ни одной его мысли, ни одного замечания. В рассмотрении проектов принимали участие Свердлов и Сталин.

Ленин в основном одобрил проекты резолюции съезда, а затем дал ряд указаний по различным во-

просам руководства революционной борьбой украинского народа. В заключение он пожелал успехов в работе съезда Компартии Украины, тепло попрощался с группой делегатов и вместе со Свердловым и Сталиным вышел из зала. Вновь раздались бурные аплодисменты.

На следующий день в 10 часов утра съезд приступил к работе. Ян Гамарник, Владимир Затонский и Лаврентий Картвелишвили сидели рядом в третьем ряду. Под гром аплодисментов почетными председателями съезда избрали Ленина и Либкнехта. Первыми поднялись Ян Гамарник и Лаврентий Картвелишвили. За ними — все делегаты съезда, шумно выражая свой восторг по поводу избрания почетных председателей.

Съезд горячо приветствовали представители коммунистических групп Польши, Литвы, Германии, Венгрии, Чехословакии, Румынии и Бессарабии.

Продолжительными аплодисментами делегаты встретили Бела Куна, когда он от имени иностранных групп Коммунистической партии России приветствовал съезд. Лаврентий внимательно слушал этого выдающегося деятеля венгерского революционного движения, обратившегося к съезду по-русски, но с характерным для иностранца акцентом.

— Довольно прилично говорит по-русски, а его акцент мне кажется даже приятным, — шепнул Ян Лаврентию.

— И мне так показалось. А где он научился так хорошо говорить по-русски?

— Самоучка. Марксу было 50 лет, когда он заинтересовался русским языком и выучил его. Бела Кун помоложе — вот и справился.

В состав делового президиума съезда среди других включили и Лаврентия. Он должен представить съезду отчет о деятельности организационного бюро и всеукраинского временного комитета партии. Отчет им составлен обстоятельно, написан заранее, но беда в том, что он велик по объему. Пожалуй, в отведенный регламент ему не уложиться.

— Прежде всего, — начал Лаврентий, заметно волнуясь, — поздравляю вас, товарищи, с началом работы нашего съезда. Он венчает ту большую работу, кото-

рую проделали большевики Украины, руководящие органы партии за последнее время и о которой я хочу вам доложить вкратце, ибо регламент у меня жесткий.

Лаврентий, постепенно успокаиваясь, не читает—говорит по памяти. Аудитория слушает его внимательно и напряженно. Сидящий в президиуме рядом с Гамарником склоняет голову к Яну и что-то шепчет ему. Лаврентий замечает это и бросает на Яна мгновенный вопросительный взгляд.

— Смелей, смелей, брат, — безмолвно подбадривает его Гамарник. Лаврентий быстро заканчивает приветственную, вступительную часть доклада и переходит непосредственно к деловым вопросам.

По его предложению съезд принял специальную резолюцию «О вооруженном восстании», которая предусматривала целый комплекс необходимых для такой акции мероприятий. Внимание делегатов съезда было обращено на необходимость широкой разъяснительной работы о целях, значении и перспективах восстания. В резолюции содержалось требование образовать военно-революционные комитеты и центральный военно-революционный комитет, который возглавит подготовку и проведение восстания. Согласно решениям съезда, военно-революционные комитеты должны были функционировать под руководством партийных организаций, готовить военно-техническую сторону восстания, вносить в повстанческое движение максимум организованности и планомерности.

Съезд заканчивал свою работу. Лаврентий волновался. Еще впереди были резолюции об отношениях России с Украиной, организационные вопросы и, что самое главное, вопрос основания Коммунистической партии Украины.

По первому вопросу порядка дня разгорелись горячие прения. Большинство делегатов нападало на сторонников «независимой» Украины. Делегаты в своих выступлениях разоблачали суть этого националистического лозунга, осуждали его сторонников.

— Лозунг «независимой» Украины, — заявил в своем выступлении Картвелишвили, — это не что иное, как жупел, который используют немецкие империалисты и их местные пособники — буржуазные националисты для того, чтобы эксплуатировать, поработить тру-

дящиеся массы Украины. Дружба русского и украинского народов на протяжении веков пустила глубокие корни. Эта дружба ныне наполняется новым содержанием. У них теперь одна общая цель. Это построение социализма, а затем коммунизма. Естественно, товарищи, что достижению этой цели во многом будет способствовать объединение всех сил и ресурсов. Это хорошо понимает украинский народ, и именно потому освободительная борьба на Украине развивается под лозунгом революционного единства с Россией.

С высокой трибуны съезда Лаврентий призвал украинских коммунистов решительней бороться за революционное объединение Советской России и Украины.

Съезд подавляющим большинством голосов принял резолюцию.

Перед заключительным заседанием съезд приступил к рассмотрению главного вопроса — о создании Коммунистической партии Украины.

Лаврентий с большим волнением ожидал этого часа. Он хорошо понимал, как много зависит от оптимального решения этого сложного вопроса.

Ввиду исключительной значимости вопроса его обсуждали на закрытом заседании. Были высказаны противоположные взгляды. Картвелишвили, Гамарник, Затонский, Майоров и другие друзья Лаврентия считали, что Коммунистическая партия Украины должна находиться в составе Российской Коммунистической партии, как один из ее отрядов. В основе этой мысли лежало единство целей и задач, единая программа и устав этих партий.

Лаврентий и его друзья выступали именно в этом духе. Они самоотверженно боролись на съезде за победу этих взглядов и установок.

После бурных прений съезд принял решение: «Автономные украинские партийные коммунистические организации объединяются в Коммунистическую партию Украины со своим Центральным Комитетом и своими съездами, но она входит в состав единой Российской Коммунистической партии. В программных вопросах

она подчинится общим съездам Российской Коммунистической партии...»

Вместе с другими делегатами съезда Картвелишвили горячо одобрил обращение первого учредительного съезда Компартии Украины к рабочим и крестьянам России в связи с эсеровским мятежом. В ту памятную ночь на 6 июля, когда вспыхнул мятеж, он лежал на кровати в общежитии на Рождественской улице и не спал. Да и как он мог уснуть? Взвешивая каждое слово Ильича, он обдумывал, как применить советы и наставления вождя в своей практической работе...

Раздался сигнал тревоги. В те времена это было не в диковину. Но этот звук показался Лаврентию особенно тревожным и необычным. Он вмиг оделся и настроился на боевой лад.

Затонский принес ошеломляющую весть: левые эсеры в день открытия пятого Всероссийского съезда Советов с провокационной целью провала Брестского мира убили посла Германии в Москве Мирбаха и подняли мятеж против Советской власти.

Делегаты съезда — украинские коммунисты были до глубины души возмущены этим подлым предательством. Лаврентий предложил Затонскому немедленно достать винтовки и боеприпасы. Одна за другой поступали тревожные вести: мятежники арестовали председателя Всероссийской чрезвычайной комиссии Феликса Дзержинского, председателя Моссовета Эдуарда Смидовича, захватили телеграф и телефонные станции.

Делегатов первого съезда Компартии Украины разделили на две группы. Картвелишвили находился в той, которая направилась на Люблинскую площадь, чтобы освободить Дзержинского. Группа сразу же вступила в бой. Лаврентий и его друзья дрались мужественно, но успеха не добились — слишком малые были силы для того, чтобы справиться с укрепившимися мятежниками. Делегаты бились, не щадя жизни. Их задача была связать противника до поступления вспомогательных сил. Наутро, когда взошло солнце, в бой вступил особый московский оперативный отряд под командованием Платона Иашвили. Начальник отряда сам явился к главе мятежников и ультимативно потребовал освобождения Дзержинского и Смидовича. Тот, еще вчера являясь заместителем председателя ВЧК, конечно,

отлично был осведомлен о храбрости Платона Иашвили и его бойцов. Он понял, что они так или иначе добьются своего. Поэтому решил уступить. Дзержинский и Смидович были освобождены. Это развязало руки дружинникам Иашвили. Теперь они не опасались за жизнь Дзержинского и Смидовича. К тому же сюда подоспели бойцы первой латышской батареи и латыши-курсанты. Решительный штурм начался в 6 часов утра.

Картвелишвили, Гамарник и Затонский незаметно подползли к тому флигелю здания мятежников, где засели пулеметчики, поливая свинцом площадь и не подпуская никого близко. Три гранаты подряд Лаврентий швырнул в пролет флигеля, откуда велся пулеметный огонь. Пулеметы умолкли. Картвелишвили и его друзья подумали, что цель достигнута, но ошиблись. Пулеметные точки окончательно подавить не удалось. Схватка становилась все ожесточенней. В борьбу против эсеров вступали новые и новые силы. Только на следующий день мятежники прекратили сопротивление. Позорно провалилась попытка изменников арестовать членов Советского правительства, провокацией вызвать возобновление войны с Германией и таким путем свергнуть в России Советскую власть.

Последнее заседание съезда принесло Лаврентию большую радость. Он оказался среди тех пятнадцати украинских коммунистов, которых делегаты единогласно избрали в состав Центрального Комитета Коммунистической партии большевиков Украины. Это было для него и большим доверием, и большой ответственностью. Что ж, силы, энергии, умения и охоты ему не занимать, а доверие радовало несказанно. Оценили, выходит, его вклад в подготовку и созыв учредительного съезда Компартии Украины, его революционную работу в массах. Ему казалось, что оценка эта слишком уж высока, что это — смелый аванс, обязывающий его работать с удвоенной энергией.

Второе декабря 1918 года. Пять часов вечера. К главной железнодорожной станции Одессы подошел киевский поезд. Вокзал битком набит народом. Встречающих куда больше, чем прибывших. Тусклое декабрьское солнце, словно стыдясь своей немощи, торопилось скрыться за горизонтом. Носильщики, мешая пассажирам, бросились к вагонам.

Лаврентий заранее подготовился к выходу. Его багаж был невелик и он мог вполне обойтись без носильщика. Но для того, чтобы сойти за встречающего, предпочтительней шагать по вокзалу налегке. Так легче ввести в заблуждение филеров. И Лаврентий нанял носильщика.

— Далеко держите путь? — спросил тот, когда они миновали территорию вокзала.

— На Греческую, — последовал ответ.

— Каким транспортом изволите отправиться?

Носильщики, как правило, были платными осведомителями охранки и зачастую ничем не отличались от филеров. Поэтому после небольшой паузы Лаврентий небрежно бросил:

— Каким вам угодно. Каким сподручней, тот и выберем.

— Удобней всего трамваем, да и дешевле обойдется, сударь!

— Трамваем так трамваем!

— Вы, как я погляжу, не здешний.

— Верно, не здешний. А как вы догадались?

— Не знаю, как. Не обиделись ли, господин хороший?

— Вовсе нет. Вероятно, я отличаюсь по общему облику?

— Нет. По акценту. Вы, видать, с Кавказа. Не из Грузии ли?

— Да, я грузинский дворянин, коммерсант. Прибыл сюда ненадолго.

— Время плохое выбрали, сударь. У нас тут большая кутерьма. Город полон иностранцами, и, говорят, это только начало. Одесса, мол, будет оккупирована английскими и французскими войсками. Правда, хо-

дят слухи, что это будет вроде как бы дружественная оккупация. Да для нас, простого люда, все равно спасения нет.

Так беседея, они незаметно подошли к трамвайной остановке.

— Ну вот и поправляемся, больше не смею вас утруждать.

Носильщик поставил чемодан на тротуар и взглянул на Лаврентия. У того деньги были уже в руках и он протянул их ему.

— Ну нет, эти бумажки, быть может, пригодятся вам в другом месте, но меня не стоит обижать. Мы люди темные, забитые, но кое-что и мы понимаем.

— В чем дело? — с искренним удивлением воскликнул Лаврентий. — Это ведь деньги, выпущенные Центральной Радой, то есть законным правительством Украины. Они должны иметь силу повсюду!

— Но не в Одессе!

— ?

— Одесса это еще не Украина.

— А что же?

— Одесса — это больше Россия, и русские деньги соответственно в ходу. Центральную Раду никто всерьез здесь не принимает. Сегодня она есть, а завтра — поминай как звали! Государство и правительство, у которых нет своего войска, это вроде как игрушка, такто, сударь!

— Да, но у Центральной Рады есть свое собственное войско. Ведь Семен Петлюра — главнокомандующий вооруженными силами Рады? Разве не так?

— Может и так, да никто их здесь не признает. Ежели у вас других денег нет, бог с вами, свидимся как-нибудь, тогда и рассчитаетесь.

— Как же нет, дружище, какой же я тогда коммерсант? — Лаврентий сунул носильщику советские деньги и вошел в вагон трамвая. Тут народу было мало, вагон освещен плохо, не признаешь и хорошего знакомого. Но надо безошибочно определить, нет ли за ним «хвоста». Иначе в явочную квартиру ни ногой. Лаврентий решил сойти на следующей остановке и пересесть в

другой трамвай. Внимательно осмотрев пассажиров, он выбрал место в середине вагона, чемодан поставил между ног, как бы показывая этим, что сойдет еще не скоро. Трамвай стал притормаживать и остановился. Лаврентий не двигался с места. Двери вагона открылись и пассажиры стали выходить на улицу. Как только последний пассажир покинул вагон, Лаврентий, до которого словно только сейчас дошло, что и он сходит на этой остановке, сорвался с места и выскочил из трамвая, который уже набирал ход. В то же самое время два пассажира выскочили из переднего вагона. Лаврентий хорошо разглядел их до того, как они смешались с уличной толпой. Он продолжил свой путь пешком, свернул вправо, на Рижскую улицу. Там тьма-тьмушая, вокруг ни души. Пройдя шагов пятьдесят, быстро повернулся и пошел обратно к трамвайной остановке. Далеко позади слышались торопливые шаги. Лаврентий юркнул в ближайший подъезд. Вскоре двое мужчин быстро прошли мимо. Он подождал еще немного и медленно пошел к остановке.

Когда трамвай тронулся с места, Лаврентий ловко вскочил на ступеньку заднего вагона. После него в вагон никто не заходил. Если те двое и были «хвостами», можно было считать, что он оторвался от них.

Адрес и пароль Лаврентий вез из Киева. Он должен был явиться в небольшую столовую на Греческой улице. Перед тем как войти туда, еще раз проверил, нет ли за ним «хвоста».

Столовая была битком набита разношерстной публикой. Обеденный час пик, как видно, еще не миновал. Пьяные выкрики, громкая речь, хрипкое пение — все это перемешалось в неприятном, хаотическом гомоне.

Лаврентий медленно двинулся к буфету. Небольшая очередь у буфетной стойки быстро таяла. Лаврентий стал в очередь.

«Я еду из Николаева, в дороге потерял деньги, если можно, обслужите в долг» — это была первая часть пароля. Если буфетчик был тем человеком, к которому шел Лаврентий, он должен был спросить: «Вас двое?» и получить ответ: «Нет, я один, я ведь не из Одессы».

Вопросы и ответы точно соответствовали паролю. Буфетчик усадил Лаврентия за столик, стоявший у са-

мого выхода, и дал знать официанту, чтоб тот подал обед гостю, а сам присел рядом.

— Растяните обед как можно дольше. Сюда придет человек, который проводит вас на явочную квартиру. Я уже послал за ним. Если он задержится (кто знает, может мой человек не застанет его дома), закажите себе еще чего-нибудь. В том случае, если связной не появится вовсе, пообедав выходите и ждите меня в конце этой улицы по левую сторону. Закрою столовую и сразу же к вам.

— Может, дадите адрес и я пойду сам?

— Нет, так не получится. Одного вас не примут. У нас нет соответствующего пароля.

— Что ж, быть по-вашему.

— Я покину вас на время.

Буфетчик вернулся на свое место. Очередь у буфета за это время значительно выросла.

Не спеша обедал Лаврентий. Гомон в столовой все возрастал. Но все же треск винтовочных и пистолетных выстрелов, пулеметная дробь слышались и здесь.

К Лаврентию подсел какой-то мужчина, подозвал официанта и заказал обед.

— Не найдется ли закурить? — спросил незнакомец.

— К сожалению, я некурящий.

Лаврентий нервничал. Связного все не было. А встреча с руководителями одесской партийной организации не терпела отлагательства.

Подошел небритый молодой человек и громко попросил его подойти к буфетчику, чтоб оформить обслуживание в долг. Лаврентий извинился перед соседом по столу и последовал за молодым человеком, который, как только они отошли немного, назвался связным.

— Буду ждать вас метрах в пятидесяти от столовой, под деревом. А теперь подойдите к буфетчику. Об остальном чуть позже. Прошу долго не задерживаться.

И связной вышел из столовой. Пристальным взглядом проводил Лаврентий молодого человека, а затем

направился к буфетчику. Здесь вновь была длинная очередь, но он, обойдя ее, подошел к прилавку.

— Как отобедали? — нарочито громко спросил буфетчик.

— Отлично, сударь мой, премного вам благодарен.

— Если меня не застанете, долг можете уплатить официанту.

— Так и сделаю. В течение одного-двух дней расплачусь с вами полностью.

Лаврентий еще раз поблагодарил буфетчика и направился к выходу.

Минута, и Лаврентий оказался у того дерева, где его поджидал связной.

— Пойдем порознь. Вы будете следовать за мной с интервалом в 10—15 шагов. Нам надо на Малороссийскую улицу. Поторопимся. К вечеру идти опасней. Патрули порой без предупреждения палят по прохожим.

Небо было ясным, без единой тучки, звезды мерцали весело, морозный воздух бодрил уставшего за день Лаврентия. Улицы были пустынные. Тишину порой нарушал цокот конских копыт — верховой патруль шарил по застывшему приморскому городу.

Связной и Лаврентий шли примерно час. На Малороссийской улице они проверили, нет ли за ними «хвоста», и когда окончательно убедились в отсутствии слежки, остановились у дома № 16. Связной два раза тихо постучал в дверь. Через некоторое время дверь открыли. Связной шепнул что-то открывшему дверь, и тот пригласил обоих в дом.

— Мы ожидали вас двумя-тремя днями раньше. Встревожились не на шутку. Ну, слава богу, что добрались с миром.

— Задержался, это верно, — отозвался Лаврентий, — сами знаете, как расстроен наш транспорт. Часами, а то и весь день торчали на станциях. Пассажирские поезда двигались не по графику. Железнодорожные пути в руках оккупантов, а на население им наплевать. Железная дорога полностью подчинена переброске эшелонов и вывозу за границу награбленного добра.

— Вы когда выехали из Киева?

— 28 ноября. Еду уже пять дней. Только в Соко-
ленах стояли почти 15 часов.

— Бог с ним, с опозданием. Хорошо, что добрался
живой и невредимый.

Связной попрощался со всеми и ушел. Явочная
квартира, куда он привел Лаврентия, принадлежала
видному румынскому партийному работнику Альтеру
Залику, который возглавлял румынскую коммунисти-
ческую группу в Одессе.

Картвелишвили еще в Киеве был хорошо инфор-
мирован о нем. Знал, что перед прибытием в Одессу
Залик прошел суровую школу профессионального ре-
волюционера-подпольщика. Будучи учеником коммер-
ческого училища, втянулся в революционную работу
и с тех пор не сворачивал с избранного пути. Шест-
надцатилетним юношей поступил в Румынскую соци-
ал-демократическую партию. Являлся одним из осно-
вателей и генеральным секретарем всерумынского
профсоюза торговых и промышленных служащих. В
1916 году его призвали в румынскую армию, но там
он долго не задержался, перешел на нелегальное
положение, вел революционную работу среди рабочих
Кишинева и Ясс. Переехав в Одессу, работал в рядах
румынской социал-демократии, вел пропаганду и аги-
тацию среди румынских эмигрантов. Лаврентию было
известно и то, что в период оккупации Украины Залик
тайно организовал в Одессе группу румынской ком-
мунистической партии и был ее секретарем.

Картвелишвили подробно рассказал Альтеру о
своей миссии здесь. Со своей стороны Залик проин-
формировал его об обстановке в самой Одессе и во
всей области. Рассказал и о тяжелых провалах, кото-
рые произошли в партийных организациях города,
имевшего столь большое стратегическое значение.

— Бесчинству оккупантов нет предела, — сокру-
шался Альтер, — лиц, замеченных в симпатиях к ком-
мунистам, хватают и расстреливают на месте, без су-
да и следствия, в лучшем случае бросают в тюрьмы.
Нетрудно представить, что они вытворяют с коммуни-
стами. Одесские тюрьмы полны большевиками. Окку-

панты не только не скрывают, а с помощью прессы афишируют любой факт смертельной расправы над коммунистами, чтобы запугать население. Местные газеты пестрят такими информациями.

— Им удалось запугать население? Не парализована ли революционная работа?

— Запугать население оккупантам полностью все же не удалось, но проведение революционной работы в массах стало исключительно сложным. Партия не имеет права не беречь свои кадры, революционные силы. Конечно, мы понимаем, что борьба за свободу требует жертв...

— Да, но наша задача выиграть сражение с минимальными жертвами. Жертвовать собой надо в крайнем случае, когда другого выхода нет, — с какой-то грустью сказал Лаврентий.

— Но именно эта тактика — выиграть сражение с минимальными жертвами — и осложнила работу. Теперь мы с большей тщательностью анализируем любой шаг, который предстоит сделать.

— А что вы противопоставили белому террору? — с болью в сердце спросил Лаврентий.

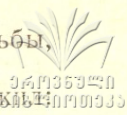
— Конечно, перед контрреволюцией в долгу мы не остаемся, не одного предателя и палача отправили на тот свет, но ведь известно, на индивидуальном терроре далеко не уедешь, тем более, что масштабы карателей куда шире, чем наши ответные меры.

— А помните ли вы слова Артура Арну: «Парижская Коммуна не до конца была уверена в подлости своих врагов, и это стоило ей жизни». Мы не должны повторять эту ошибку. Я убежден, что социализм победит благодаря науке, просвещению широчайших масс, но в истории наступают моменты, когда насилие необходимо. И такой момент настал.

— Не могу не согласиться с вами. Хотя аналогия с Парижской Коммуной, быть может, и не совсем уместна.

— Я понимаю, что наша действительность отличается от условий Коммуны. Говоря словами Маркса, аналогичные явления в различных исторических условиях могут привести к противоположным результатам. Но когда враг колотит тебя, надо не подставлять щеки, как проповедует евангелие, а ответить ударом в три

раза сильнее. Этому учит логика классовой борьбы, диктатуры пролетариата.

На секунду задумавшись, Лаврентий продолжает: — А как ведут себя эсеры, меньшевики и иже с ними? Стараются, видимо, подорвать крепость изнутри? Их-то уж, конечно, никто не преследует!

— Нет. Они действуют совершенно открыто, легально. А за что их, собственно, преследовать? Если отвлечься от их цветистых фраз, по существу они выполняют дело интервентов и националистической буржуазии. Ныне Одесса для всей российской буржуазии наседка, под крылышками которой уютно укрылись сдвиги московской, петроградской, киевской и всякой иной буржуазии.

— Каким образом? — спросил пораженный Лаврентий.

— Обыкновенным. Все, кто спасся от карающего меча победившего пролетариата, устремились сюда и здесь строят планы, как свергнуть Советскую власть. Выгорит это их черное дело — добро, а нет, можно и морем улизнуть.

— За границу?

— Куда же еще? Совсем недалеко отсюда, на Николаевском бульваре, в Лондонской гостинице и по тому же ряду — на Екатерининской, Ришельевской, Дерибасовской — в лучших домах расположились царские дипломаты, бывшие сановники двора, генералы, банкиры, капиталисты и помещики. Они хорошо понимают, что если не удастся «восстановить порядок», то им остается одно — бежать за границу со своими пожитками, а этих пожитков — дай бог! Грабили в свое время народ они основательно.

— И этим господам помогают меньшевики и эсеры?

— Еще бы! Эти подлецы на деле содействуют различным черносотенным организациям, таким как «Совет русского государственного объединения», «Южно-российский национальный центр», «Союз возрождения», «Южно-российский союз сельских и городских самоуправлений» и другим. Эти лакеи не жалеют сил для «восстановления порядка» на Руси!

В гряде периодических изданий Залик стал искать нужную газету. Нашел ее и продолжал:

— Все эти вчерашние, все эти бывшие ^{ПОЧТИ РАЖ-}дый день собираются здесь, на Пушкинской улице, в здании торговой биржи, и произносят воинственные речи. Местная буржуазная печать всячески рекламирует их деятельность. Вот что писала совсем недавно правая буржуазная газета «Одесские новости»:

«Одессе теперь, быть может, придется сыграть роль собирательницы земли русской, ту самую, какую некогда выполняла Москва».

Альтер передал газету Лаврентию со словами:

— Вот, сударь мой, эта газета, датированная двадцатым ноября.

— Ах вот как? Ни больше, ни меньше, Одесса сыграет роль Москвы — собирательницы земли русской! Ничего не попишешь — крепко сказано.

— Крепко, но не метко, если не сказать легкомысленно и глупо.

— Интересно, какими силами собираются эти господа выполнить сию историческую миссию? — настроился на иронический лад Лаврентий.

— Несмотря на свое легкомыслие, авторы этих бредовых речей, конечно, понимают, что собственными силами им не справиться.

— Может, они рассчитывают на одесских рабочих или крестьян этой губернии?

— Ну нет, они уже точно знают, что в этом деле им не помощники ни одесские рабочие, ни живущие в этой губернии крестьяне. Вообще они ни раньше, ни теперь не надеются на местное население.

— Так на кого же они надеются?

— На иноземцев.

— Неужели история их ничему не научила? Ведь пригласила буржуазная Центральная Рада австро-германские войска, чтобы задушить Советскую власть в России и на Украине. А что вышло из этого?

— Ничего! Правда, они оккупировали временно Украину, но дело кончилось тем, что регулярные части вновь созданной Красной Армии вместе с многочисленными партизанскими отрядами нанесли им сокрушительный удар и изгнали их прочь. С первых же дней прошлого месяца отсюда стали убираться мно-

гие иностранцы. Удрали в первую очередь немецкие фабриканты и заводчики, которые еще вчера бесчинствовали в Одессе, стремясь прибрать к рукам местную промышленность. Собрался было бежать и сам командующий австро-германскими оккупационными войсками в Одессе генерал-фельдмаршал Фон Бельц. Но когда получил известие о революции в Германии, покончил с собой.

— Что ж, поступок похвальный. Не оказалось ли у него последователей? — серьезно спросил Лаврентий.

— В достаточном количестве. Но не это главное. Дело в том, что климат здесь пока не меняется. Несмотря на горькие уроки истории, эти господа теперь переориентировались на новых оккупантов. Всякого рода подонки возрадовались, когда узнали, что для денкинских и красновских войск здесь стали вербовать офицеров. Правда, это офицерье, кроме кутежей, разврата и охоты на местных большевиков, ничем не занимается, но контрреволюционная буржуазия все же ликует. Более того, она считает, что час ее торжества наступил, так как в одесском порту уже причалили первые военные корабли интервентов и высадились части английских, французских и греческих войск. Правда, контингент этих частей пока невелик, но контрреволюция считает, что это начало «наведения порядка», возвращения утерянного рая, гибели Советской власти.

— Да, подобные события должны были гальванизировать эту сволочь, — начал было Картвелишвили, но Залик неожиданно остановил его. Потом он подошел к двери, прислушался и рывком отворил ее. У порога валялись двое пьяных.

— Протрезвятся и уйдут.

— А они действительно пьяны? — с недоверием спросил Лаврентий.

— От них несет водочным перегаром.

— Ладно, на таком ветерке долго не понежишься, холод приведет их в чувство.

Альтер и Лаврентий вошли в дом и продолжили прерванный разговор.

— Недавно, кажется позавчера, сюда пожаловал

бывший министр «сибирского правительства» генерал Гришин-Алмазов. У него, как здесь говорят, особые полномочия от Деникина. Он берет под свое командование все части «добровольцев», которые дислоцированы в Одессе.

— Знаю, знаю. Я кое-что слышал об этом генерале. Он из молодых, типичный авантюрист. Известен зверскими расправами над революционерами. Если память мне не изменяет, ему был назначен красный террор, но, видно, эту акцию не удалось осуществить.

— К великому сожалению.

— Впрочем, сделать это никогда не поздно, — Лаврентий задумался, словно именно в эти минуты составлял план покушения на генерала.

— Главарям «нового Вавилона», — нарушил молчание Залик, — очень по душе бурная деятельность французского консула Энно в Лондонской гостинице. Консул тесно связан с белогвардейской контрреволюцией. Именно после его прибытия в Одессу стали поговаривать о предстоящем десанте интервентов.

— Эти слухи дошли и до Киева.

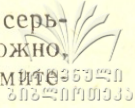
— Француз со своими дружками устраивает здесь фантастические оргии, но это не мешает ему вести полуофициальные переговоры с гетманом Скоропадским и обещать помощь союзников в борьбе с петлюровцами. В то же самое время этот прохвост торгуется с директорией — представителями Петлюры с целью признания украинского «правительства».

— Хорош дипломат, ничего не скажешь, — улыбнулся Лаврентий.

— Маневры Энно окрылили одесскую буржуазию, вселили уверенность в победе. Террор против большевиков и всех революционных сил принял разнузданный характер. Офицеры союзников, командиры «добровольческих» частей, капиталисты и помещики пьянствуют в шикарных ресторанах до утра, и это в то время, когда население города голодает, ибо Одесса оторвана от Украины. Сюда не завозится продовольствие. Цены на продукты баснословно растут. Растет и количество безработных. Процветает спекуляция. Все это крайне обострило классовые противоречия. Город похож на оружие со взведенным курком.

— Но преждевременное выступление может нане-

сти непоправимый вред. Этот вопрос надо изучить серьезно. Соберемся на днях, когда это будет возможно, вместе с членами городского и губернского комитетов и обсудим все досконально.

Лаврентий лег поздно. Долго не мог уснуть, а когда наконец сомкнул веки, погрузился в кошмарный сон. Ему пригрезилось, что он провожает на одесском железнодорожном вокзале Розу Лучанскую. Роза — украинская девушка, профессиональная революционерка, с которой он познакомился в Киеве в условиях нелегальной работы. Познакомился и полюбил с первого взгляда. Видно было по всему, что и она относилась с симпатией к молодому грузинскому революционеру. Лаврентий глубоко в сердце таил так неожиданно возникшее сильное чувство. Во время встреч и бесед с Розой был неизменно сдержан. Но разве можно долго утаивать настоящее чувство? И Роза вскоре догадалась о том, что происходит с Лаврентием. И более того: она поняла, что и сама любит его и не представляет себе, как жила и работала до сих пор без него. Вначале поймала себя на том, что беседа с ним доставляет ей большое удовольствие. Она постаралась объяснить это тем, что молодой грузин был исключительно внимательным, вежливым, интересным собеседником и человеком рыцарского склада. Действительно, Лаврентий обладал магнетическим обаянием, особенно когда стремился убедить в чем-нибудь собеседника или аудиторию. И Роза, слушая его, часто забывала о течении времени, повторяя про себя знаменитое фаустовское «Остановись, мгновение...»

Жизнь без Лаврентия представлялась ей невыносимой мукой. Ночами бредила Лучанская своим возлюбленным, везде вставал перед глазами любимый образ. Потеряла покой молодая подпольщица, а с покоем и аппетит. Стала худеть, бледнеть, друзья не узнавали ранее всегда оживленную, общительную Розу. Как-то она решила открыться Лаврентию, но духа не хватило.

И он был не в лучшем состоянии. Не видеть Розу постоянно, не слышать ее голоса было выше его сил. Молодой революционер не сомневался, что Роза не толь-

ко властительница его дум и чувств, но и неотделимая часть всего его существа. Только теперь стала доходить до Лаврентия вся мудрость высказывания, что твоя, твоя женщина, жена, подруга — это твоя половина, что нет и не может быть целого без нее. Целое может состоять только из двух беззаветно любящих половин, это и есть высшая гармония, самая совершенная совместимость, самый высокий союз. Потому в поиске и выборе этой половины не должно ошибаться, ибо заблуждение в чувствах может стоить целой жизни. И Лаврентий не торопился с объяснением, сотый раз прислушивался к голосу своего сердца, стремясь силой разума проверить не поддающееся обычным категориям оценок и суждений чувство.

...Странный сон приснился ему в ту ночь в доме Альтера Залика: Лаврентий и Роза стоят на перроне одесского вокзала. Она почему-то едет в Николаев, но Лаврентий не знает причины ее неожиданного отъезда. Внезапно поднимается ужасающей силы ураган, земля дрожит под ногами. Лаврентий крепко обхватывает Розу, но очередной мощный порыв ветра вырывает девушку из его рук и поднимает к свинцовым тучам, которые рассекают зигзаги молний. Словно смертельно раненный, иступленно вскрикивает Лаврентий и... рассыпается.

— Что за чертовщина! — говорит он, хотя нескazanно рад, что все это сон, так похожий на похищение Людмилы. Приснится же такое! Он весь в холодном поту. Часы показывают половину пятого — ни вставать, ни ложиться, да и сон вряд ли вернется после такой напасти. Лаврентий приоткрыл окно и выглянул в предрассветную зимнюю мглу. Шел косой, хлесткий снег, холодный ветер обжигал воспаленное лицо.

Лаврентий осторожно прикрыл окно, лег в постель и заставил себя думать о деле, ради которого приехал сюда. Самое главное теперь — укрепить городскую партийную организацию, усилить работу в войсках интервентов, да так, чтобы они навсегда отказались от мысли воевать с Советской Россией и повернули оружие против своих же хозяев. Одним словом, при правильной постановке большевистской пропаганды среди частей союзнических войск хотя бы их

нейтрализация — дело реальное. И его мысли поплыли в этом направлении.

На Болгарской улице в доме № 63 идет заседание Одесского областного комитета партии.

За столом — Николай Ласточкин (Иван Смирнов), Елена Соколовская, Лаврентий Картвелишвили, Иван Клименко, Павел Онищенко, Филипп Акулов и Мартын Лоладзе.

— Товарищи, заседание областного комитета объявляю открытым, — не поднимаясь с места, сказал Ласточкин. — Одесская партийная организация получила еще одно весомое подкрепление. Недавно из Киева к нам прибыл хорошо всем вам известный профессиональный революционер Лаврентий Картвелишвили. Поздравим его с благополучным прибытием и пожелаем успехов в работе.

Лаврентий привстал и кивком головы поблагодарил товарищей за теплое приветствие.

— Еще несколько слов о Картвелишвили, — продолжал Николай Ласточкин. — Направление его в Одессу еще раз подтверждает тот факт, что Центральный Комитет Компартии Украины придает исключительно важное значение Одессе и ее партийной организации. Лаврентия Картвелишвили вы все хорошо знаете, говорить о нем подробно, видимо, не надо. Многие из нас вместе с ним боролись с царизмом, временным правительством, буржуазными националистами всех мастей, и мы знаем степень его смелости, самоотверженности и верности коммунистическим идеалам.

— Иван Федорович, — не вытерпел Лаврентий, — ведь я жив пока.

— погоди, не мешай. Все же я скажу, что считаю нужным... Приезд к нам этого непримиримого борца за народное счастье, без сомнения, усилит нашу партийную организацию, будет способствовать решению тех сложнейших задач, которые ставят перед нами Центральный Комитет нашей партии и лично Владимир Ильич Ленин. А выполнение этих задач потребует от нас не только полной самоотдачи и нечеловеческого напряжения, но и всей нашей жизни...

В связи с приездом Картвелишвили Иван Федорович доложил вкратце об одесской партийной организации, подчеркнув, что Одесский областной комитет партии распространяет свои полномочия на все города Южной Украины, Крым и Бессарабию, куда обком направляет своих работников, нелегальную литературу, денежные средства, созывает нелегальные конференции и проводит инструктивные совещания для партийных работников. На этих совещаниях местные товарищи знакомятся с важнейшими документами, полученными из Центрального Комитета партии.

Ласточкин довел до сведения собравшихся, что на днях Елена Соколовская сменила Ивана Клименко на посту секретаря областного комитета. Ей же поручено заниматься вопросами агитации и пропаганды (чуть позже Елена Соколовская напишет по этому поводу Виктору Орлову: «Дело, которым я занялась здесь сразу же по приезде, и замысел о создании центра партизанского движения на периферии, видимо, откладываются. «Слабый пол» будет перемещен на более подходящее ему место, как в шутку (а может и всерьез) сказал мне Лаврентий, и мне пришлось согласиться»).

-- В настоящее время, товарищи, — продолжал Ласточкин, — обстановка в Одессе складывается крайне напряженная, события развиваются с головокружительной быстротой (Иван Федорович достал из бокового кармана пиджака вчетверо сложенный лист, раскрыл его и положил перед собой). Как известно членам областного комитета, 22 ноября в Одессу прибыл французский консул Энно, а вслед за ним французские, английские, итальянские и американские военные корабли. Спустя неделю в городе объявился эшелон сербских войск, а совсем недавно, 3 декабря, — корпус легионеров, который в Екатеринодаре сформировал Деникин. В этот же день союзникам был передан расположенный на Черноморье германский флот, и затем войска Антанты стали постепенно выгружаться на нашу территорию. Первая партия — 3 000 солдат и офицеров, а впоследствии, соответственно, — 5 000 и 8 000. Дредноуты, крейсера и миноносцы интервентов заняли все черноморские порты от Одессы до Батума. 50 000 солдат и офицеров государств Антанты, во-

енные корабли, танки и артиллерия брошены на улучшение Советской России. Кроме того, — напомнил оратор, — в Одессе стоит гетманский корпус под командованием генерала Бискульского, который теперь открыто поддерживает Деникина. Здесь же находится белогвардейская бригада генерала Ненюкова. Совсем недавно туда вошли петлюровские войска. Деникин назначил генерал-губернатором Одессы своего генерала Гришина-Алмазова. Таким образом, в городе сосредоточились три враждебные друг другу силы: белогвардейцы, петлюровцы и интервенты. Все они по своему характеру контрреволюционны, и единственная сила, противостоящая им, — это рабочий класс, определенная часть которого, как вы знаете, в недалеком прошлом следовала за соглашателями. Надо думать, что такое мирное противостояние не может долго продолжаться. Столкновение между белогвардейцами и петлюровцами неизбежно, его следует ожидать в любую минуту. Позиция Антанты не совсем ясна. Видимо, она поддержит ту контрреволюционную силу, которая возьмет верх в этом столкновении.

Ласточкин подчеркнул еще, что основные силы войск Антанты находятся на пути в Одессу и скоро будут в городе.

— Такова, товарищи, нынешняя обстановка в Одессе. Проанализируем, взвесим все как следует и выработаем соответственно тактику деятельности наших партийных организаций. От правильного определения тактики зависит успех всей нашей работы.

Доклад Ласточкина произвел тяжелое впечатление на членов областного комитета партии. Картина была нарисована, как говорится, без прикрас. Участники заседания погрузились в нелегкую думу.

Первой слово взяла Елена Соколовская. Она отметила, что у большевиков в настоящее время нет достаточных сил, чтобы воспрепятствовать высадке десанта войск государств Антанты. Кстати, до начала заседания Елена была совершенно противоположного мнения, но теперь убедилась в ошибочности своей первоначальной позиции. Она высказала мнение, что в случае, если петлюровцам удастся вытеснить из го-

рода денкинцев и наладить контакты с иностранцами интервентами, борьба против них облегчится. Ведь нельзя отрицать того факта, что в период господства Петлюры большевики были на легальном положении. Таким образом, при условии изгнания денкинцев большевики получают больше возможности для широкого развертывания пропаганды и агитации как среди войск интервентов, так и среди частей армии директории. Соколовская добавила, что петлюровское движение — это движение крестьянских масс, которые идут за Петлюрой, но проникнуты большевистским духом, что у Петлюры, так сказать, голова буржуазная, а хвост — большевистский, вот и надо снести его буржуазную голову. А это не так уж сложно, если удастся слить партизанские отряды с рядовыми петлюровцами.

Елена Соколовская говорила чуть более возвышенно и даже высокопарно, чем было принято на деловых заседаниях, но молодую революционерку никто за это не упрекнул. Более того, искренность и темперамент сгладили явную слабость ее аргументов, и многие члены областного комитета разделили эту сомнительную позицию. Иван Клименко, которого, кстати, Соколовская сменила на посту секретаря обкома, заявил, что он целиком и полностью поддерживает точку зрения Елены. То же самое сказал и Павел Онищенко.

Слово взял Картвелишвили. Он улыбнулся Соколовской, та ответила ему понимающим взглядом — мол, можешь говорить противоположное моему мнению, обиды не будет. Лаврентия давно восхищали мужество, самоотверженность, находчивость, талант и обаяние этой молодой революционерки, и он, конечно, постарался опровергнуть ее положения с наибольшим тактом.

— То, что сказала здесь всеми нами любимая и уважаемая Соколовская, — Лаврентий постарался придать своему голосу как можно больше теплоты, — в основном правильно. Но ее выводы, если учесть ту чрезвычайно сложную и противоречивую обстановку, о которой с исчерпывающей глубиной доложил товарищ Ласточкин и которая характерна не только для Одессы и Одесской области, а практически для всей Украины и, быть может, для Советской России,

не могут послужить основой для выработки правильной тактики действия.

— Она внесла предложение, а вы давайте свое, чуть резковато бросил Иван Клименко.

— Погоди, Клименко! Дай ему досказать, — остановил Ивана Ласточкин.

— Приношу извинения, товарищи. Я выступаю здесь не для того, чтобы только критиковать те или иные предложения членов обкома. Главное — нащупать и определить оптимальные пути борьбы, выработать глубоко аргументированную тактику. Посудите сами, если мы в такой, говоря словами Владимира Ильича, архисложной, архитяжелой обстановке будем ждать, какая из контрреволюционных сил возьмет верх внутри нашей страны, будем ждать по существу пассивно, как это предлагает товарищ Соколовская, вправе ли мы называть себя революционерами? От такой самоотверженной революционерки, как Елена, всегда готовая отдать жизнь за интересы народа, я, честно говоря, не ожидал предложения выбрать тактику пассивного ожидания.

Лаврентий остановился, взглянул на товарищей и поразился тому, что Соколовская без всякой обиды, тепло улыбаясь, смотрит на него, как бы даже поощряя друга. Это окрылило его и он продолжал с жаром:

— Что я предлагаю? Действие, прежде всего активное действие, наступательное и немедленное, действие организованных, сплоченных масс.

— А нельзя поконкретней?

— Конечно, можно. Во-первых, надо немедленно вооружить массы. Для этого можно умело использовать нынешнее «троевластие», что ли. Наши вооруженные дружины теперь же должны оказать военную помощь петлюровцам в разгроме белогвардейцев. Это наше кровное дело. Мы сделаем это руками петлюровцев с наименьшими потерями с нашей стороны. Быстро и своевременно. Абсолютно права Елена Соколовская в том, что у Петлюры голова буржуазная, я бы добавил, буржуазно-националистическая, и что за Семеном Петлюрой идут, вернее, плетутся в хвосте обманутые крестьянские массы, часть которых фактически настроена

в пользу большевиков. Им надо помочь немедленно. Это должны сделать вооруженные рабочие. Помочь в разгроме белогвардейщины. В этой борьбе вооруженные рабочие, быть может, много лучше, чем мы, разъяснят крестьянам, что они заблуждаются, видя в Петлюре выразителя своих интересов, а не буржуазии. Когда это дойдет наконец до крестьян, они не просто отвернутся от Петлюры, но и нанесут ему удар в спину. Если же мы добьемся, чтобы этот поворот вооруженных крестьян к большевизму совпал с разгромом белогвардейщины, тогда всю гигантскую массу вооруженных крестьян можно будет бросить против войск интервентов.

— Вот это хорошее, приемлемое предложение, — раздались дружные возгласы членов областного комитета.

— И я целиком и полностью согласна с предложением товарища Лаврентия, — воскликнула Елена Соколовская.

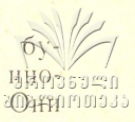
Картвелишвили движением руки дал понять, что еще не закончил выступления.

— Решение этой сложной проблемы, — продолжил он, — требует комплексного подхода. Давайте зададимся вопросом — из кого состоят переброшенные на нашу территорию войсковые части, призванные задуть Советскую власть? В основном из рабочих и крестьян, во всяком случае рядовые, то есть абсолютное большинство личного состава. Против кого привезли их воевать? Против украинских и русских рабочих и крестьян. Каким образом склонили их к этому? Как согласились рабочие и крестьяне империалистических государств стрелять в своих братьев по классу? Путем обмана. Они ослеплены, а наш долг — открыть им глаза на действительное положение дел.

— Правильно, правильно! — поддержали оратора собравшиеся.

— Но каким образом сказать им эту правду, как открыть глаза? — не выдержал Павел Онищенко.

— Скажу и об этом. Во всяком случае поделюсь своим мнением. Как мне представляется организация этой важнейшей акции? Видимо, при областном комитете партии следует создать специальный отдел, который возглавит работу с солдатами войск интервен-

тов. Этот отдел, само собой разумеется, надо укомплектовать товарищами, владеющими странными языками. Таких среди нас немало. образуют строго **конспиративную группу**, которая развернет пропаганду и агитацию в иностранных войсках. Именно эти товарищи откроют глаза на правду обманутым солдатам. Группа внутри себя должна создать секции по языковому принципу. Каждая секция создаст опорный пункт, ядро в оккупационных частях, что облегчит массовую работу в войсках. Для конспиративных встреч с иностранными солдатами широко используем кафе и рестораны, которые откроем на наши партийные средства, и там, естественно, будут работать наши люди. Если эту работу наладить как следует, там можно, кроме конспиративных встреч, устраивать секретные заседания, совещания и даже конференции. Кафе и рестораны не потребуют от нас дополнительных средств, ибо будут работать с некоторой прибылью. Я не исключаю, что они в какой-то степени укрепят и нашу партийную кассу.

— Что ж, это вполне осуществимо! — вновь слышались возгласы.

— В этом деле, — воодушевился Лаврентий, — надо использовать и печатное слово. Мы должны во что бы то ни стало наладить выпуск газет на иностранных языках, хотя бы на основных, допустим, на французском, английском и румынском. На этих же языках необходимо выпускать листовки, прокламации, воззвания и распространять их среди солдат оккупационных войск. Вот такой представляется мне, товарищи, наша будущая работа, ее основные организационные моменты.

Лаврентий замолк, выпил залпом стакан потеплевшей воды и вновь заговорил:

— Если вы согласны со мной и разделяете мое последнее предложение, могу назвать некоторых кандидатов для этого отдела. Часть товарищей мы попросим прислать из центра. Уверен, что Центральный Комитет партии и лично Владимир Ильич поддержат нас полностью. Ибо если мы сможем разложить оккупационные войска, это равносильно усилиям многих на-

ших дивизий, причем не будет растрочен самый ценный капитал — человеческие жизни. Жизни и наших красноармейцев, и наших братьев по классу иностранных рабочих и крестьян, которых обманом хотят заставить бороться против революционной России.

Картвелишвили сделал небольшую паузу, глубоко вздохнул, вытер вспотевшее лицо платком, уперся обеими руками в стол, решая окончательно, кого называть. Все ждали с напряжением.

— В отдел, — голос Лаврентия звучал четко и уверенно, — который возглавит пропагандистскую и агитационную работу среди солдат оккупационных войск, рекомендую Елену Соколовскую, в совершенстве владеющую французским языком. О ее находчивости уже сложены легенды. Следующая кандидатура — Яков Елин, также хорошо владеющий французским языком, человек исключительной смелости, верный и надежный. Я его знаю хорошо. Кстати, его и не отличишь от натурального француза, ни по внешности, ни по говору. Думаю, для этого отдела вполне подойдут Альтер Залик, Гелена Гржелякова и Михаил Шчилливер.

Картвелишвили опустил на стул и невольно взглянул на Соколовскую. Она сияла от радости и благодарно кивнула ему.

— Что скажете, товарищи? — приподнялся со своего места Николай Ласточкин.

Слово взял Филипп Анулов, в основном одобрявший выступление Картвелишвили, поддержавший его предложение об организации пропагандистско-агитационной работы среди солдат оккупационных войск. Но в отличие от установок Лаврентия он потребовал организовать восстание против белогвардейцев.

— Необходимо, — сказал Филипп, — немедленно выступить против белогвардейских банд. Я уверен, что нам, большевикам, петлюровцы окажут военную помощь.

Анулова полностью поддержал Мартын Лоладзе, который произнес короткую, но достаточно аргументированную речь. Не упоминая имени Соколовской, он тоже осудил тактику пассивного ожидания:

— Не ожидание, а немедленное восстание против белогвардейщины. Тогда и станет ясным, кто на сторо-

не революции и Советской власти и словом, и делом. Если петлюровцы именно те, за кого мы их принимаем, они помогут нам, а если нет, всем станет ясно, в том числе и рядовым петлюровцам, истинное лицо этих господ.

— Может, есть еще желающие высказаться? — спросил Ласточкин.

— Нет!

— Достаточно!

— Все ясно!

— Тогда позвольте, — сказал Николай Ласточкин, — всего в нескольких словах ответить выступившим здесь ораторам, высказать свое мнение по выдвинутым предложениям. А затем примем постановление, которое должно быть для всех совершенно обязательным, несмотря на различие в позициях некоторых товарищей.

Ласточкин заглянул в свои записи:

— Теперь хочу выразить удовлетворение по поводу предложений, выдвинутых товарищем Лаврентием. Прежде всего коснусь его безусловно приемлемого предложения о широком развертывании агитационно-пропагандистской работы среди войск интервентов. Этот вопрос назрел, но в порядке самокритики надо признать, что мы пока практически ничего не сделали в этом направлении, несмотря на то, что Центральный Комитет партии перед моим направлением в Одессу поручил мне создать из местных работников, владеющих иностранными языками, глубоко законспирированную группу для работы среди солдат оккупационных войск. Товарищ Лаврентий предлагает создать такую группу при областном комитете партии. Думаю, это правильно. Мы выделим из членов обкома и партийного актива людей, которым по плечу такая работа. Задача, товарищи, состоит в том, чтобы отвоевать у Антанты войска, именно отвоевать, а не уничтожить, как правильно здесь об этом говорил Картвелишвили. Если мы наладим эту работу как следует, наэлектризуем соответственно солдат оккупационных войск, то они, смею вас уверить, не только не поднимут оружия против Советской Украины и Советской России, а, вернувшись

домой, разожгут захваченной отсюда революционной искрой пожар борьбы против собственных империалистов. Мы можем и мы должны это сделать. Тысячу раз прав товарищ Лаврентий, когда говорит, что переодетых в солдатские шинели французских, английских, немецких, румынских рабочих и крестьян обманом привезли сюда. Офицеры войск интервентов, выходцы из имущих классов, уверяют своих солдат, будто их миссия — всего лишь навести в России государственный порядок, расправиться лишь с большевиками, антигосударственные действия которых якобы вызвали в стране всеобщий хаос. Но, товарищи, невозможно, чтоб французский, английский, румынский и иной пролетарий, когда ему разъяснят, что его привезли для борьбы и уничтожения своих братьев по классу, не изменил бы своего мнения. У нас есть большой опыт в этом плане. Работа среди немецких и австрийских солдат показала эффективность такой пропаганды. Надо нести в антантовские части правдивое большевистское слово. Оно сделает свое дело!

Ласточкин не оставил без внимания и другие предложения Картвелишвили, одоблив их целиком и полностью, согласился и с названными кандидатурами в состав особой группы по работе с солдатами оккупационных войск при Одесском обкоме партии.

— Товарищ Лаврентий, — обратился Ласточкин к Картвелишвили, — по моему мнению, в конспиративную группу можно ввести дополнительно товарищей Калининченко, Лоладзе, Чикваная, сербского коммуниста Стойко Радкова и греческого коммуниста Анастаса Иоаниди. Первые три товарища, которых я называл, ваши соотечественники. Что вы скажете о них? Может, представите их членам областного комитета в каком-либо новом ракурсе, мало известном нам?

— Если члены областного комитета считают, что я лучше знаю этих товарищей, чем они, — начал Лаврентий, — я готов дать рекомендацию для работы в этой исключительно важной организации Кале Саджая, Калининченко — его псевдоним. Мартына Лоладзе и Евсея Чикваная вы тоже знаете. Два первых — члены областного комитета, где они проявили свой боевой характер, принципиальность и бесстрашие. Кале—Калистрат Григорьевич Саджая — родился в

1895 году в Грузии. После успешного окончания Ку-
таисской гимназии продолжил учебу здесь, на медицин-
ском факультете Одесского университета. В 1916 году
его, студента 4-го курса, призвали на фронт. В боль-
шевистскую партию вступил в 1915 году. С марта 1917,
после возвращения в Одессу, стал редактировать га-
зету. Отсюда его перевели в Румчерод. В дальнейшем
Саджая как член военного совета Украины ведет
большую политическую работу в рядах Красной Ар-
мии. Летом прошлого года Центральный Комитет парти-
и направил его сюда. В настоящее время он как
член областного комитета партии возглавляет област-
ной военно-революционный комитет. Товарищи, с кото-
рыми мне удалось побеседовать, в один голос заявля-
ют, что Кале успешно справляется с этой сложной
обязанностью. Со своей стороны я поддерживаю кан-
дидатуру товарища Калистрата Григорьевича Саджая.

Немного помолчав, Қартвелишвили представил со-
бравшимся следующего кандидата.

— Такой же солидный опыт конспиративной парти-
ейной работы и у товарища Мартына Лоладзе. Вот
уже месяц, как он находится среди вас, так что вы
имеете о нем определенное представление. Но бóльшая
часть его незаурядных возможностей еще скрыта от
наших глаз.

Мартын Лоладзе, который до этой минуты сидел
спокойно, вдруг заерзал, стал нервничать. Тихо по-
грузински попросил Лаврентия: покороче, мол, обо мне.

— Товарищи! — Лаврентий взглянул на Ласточки-
на. — Мартын Лоладзе только что по-грузински попро-
сил меня, чтобы я не говорил о нем пространно, и я вы-
полняю его просьбу. Достаточно сказать, что он со-
стоял в дружине легендарного Камо и пользовался его
уважением и любовью. А Камо, друзья, это тот револю-
ционер, о котором Максим Горький сказал: «... если на-
писать о Камо все, что я слышал, никто не поверит в
реальное существование такого человека, и читатель
примет образ Камо как выдумку беллетриста».

— Давайте конкретней!

— В большевистскую партию вступил в 1904 году.
С оружием в руках сражался на баррикадах первой

Акакий Иремадзе. Окно в прошлое.

русской революции 1905—1907 годов, за что в дальнейшем был арестован и сослан на 5 лет в Архангельскую губернию. Вскоре бежит оттуда и прибывает в Тифлис. Начинает заниматься тем же делом, за что в свое время был сослан. Во время проведения одной операции был выдан провокатором и чудом спасся от ареста. Вскоре партия направила его в Иран в помощь иранским революционерам. Здесь он сражался в добровольческом отряде народного героя Ирана, выдающегося деятеля демократического движения в Иранском Азербайджане — Татар-хана. Мартын — участник народного восстания против шаха в Тавризе, член революционного совета Ирана. За проявленную в боях храбрость награжден золотой медалью. В одной из схваток был тяжело ранен и доставлен в Тифлис. Как только поднялся на ноги, вновь возобновил революционную деятельность. Был выдан провокатором и арестован. На этот раз ссылка продлилась три с половиной года. Потом опять побег и возвращение в Тифлис. Здесь его вновь арестовывают, на этот раз вместе с Камо. Обоим был вынесен смертный приговор, но затем «добренький» Романов сжалился над ними — казнь через повешение заменили постоянной ссылкой в Сибирь. Вплоть до Февральской революции друзья мерзли в сибирском краю, закованные в кандалы. Возвратившись оттуда, участвовал в борьбе за победу Советской власти в Дагестане, откуда его отозвали в Москву, в Центральный Комитет партии. Здесь перед тем, как направить в Одессу, его проинструктировал Сталин вместе с Сергеевым. Он прибыл сюда на месяц раньше, чем я. Блестяще владеет французским и персидским языками, с грехом пополам — английским. Товарища Лоладзе я считаю одним из сильнейших кандидатов для создаваемой группы. И уверен — он не пожалует себя, чтобы с честью выполнить задание партии. Даю рекомендацию и этому моему соотечественнику.

Взволнованный Мартын, положив руку на сердце, горячо поблагодарил товарищей за доверие.

— Спасибо тебе, брат, что вознес так высоко, чуть ли не к небесам, — по-грузински шепнул Мартын Лаврентию. Тот опять-таки по-грузински ответил в том же тоне — мол, сказал бы в десять раз больше, если б позволяло время.

— Теперь представьте нам товарища Чикваная, напомнил Ласточкин.

— Как и предыдущие двое товарищей, Евсей Чикваная прошел ленинскую школу революционной закалки. Он родился в том краю Грузии, который называют Мегрелией. Мегрелы очень темпераментные и смелые люди. Евсей Игнатьевич Чикваная — типичный мегрел. Только вот... — Лаврентий незаметно настроился на веселую волну, — природа наградила Евсея умом четырех, а темпераментом трех мегрелов.

— А храбрость и красота? — мгновенно в том же ключе откликнулась Соколовская.

Ласточкин взглянул на Елену, улыбнулся и кивком головы подал знак Лаврентию продолжать.

— Храбрость и красота? — повторил тот вопрос. — Точно не скажу...

Участники заседания как-то расслабились, все повеселели. Кое-кто поднялся с места, кое-кто закурил, что обычно не было принято во время заседаний областного комитета.

— Заседание, видно, затянулось. Устали, видимо, товарищи. Своим юмором Лаврентий дал нам небольшую передышку. Мы благодарны ему за это. Юмор — штука отличная, особенно когда надо сохранить или восстановить душевное равновесие. А Картвелишвили, я его знаю давно, мастак по этой части. Ладно, друзья, отдохнем минут десять.

В той же шуточной манере Ласточкин извинился перед Лаврентием, что прервал его речь.

Заседание областного комитета партии вскоре возобновилось. Ласточкин попросил Картвелишвили продолжить характеристику Чикваная.

— Родители Евсея были образованные люди, поэтому он рано пристрастился к чтению. А в возрасте 10—12 лет уже начал читать запрещенную литературу. Это были грозные дни первой русской революции, и такой литературы было вдоволь. После окончания местного училища продолжил учебу в Тифлисской духовной семинарии — этой рассаднице революционных идей. Здесь им сделаны первые революционные шаги. В се-

министрии он редактировал нелегальный рукописный журнал «Луч», в котором, кстати, сотрудничал венценосец грузинской поэзии Галактион Табидзе. Статья Чикваная с сенсационным заголовком «Сексуальная уголовщина в Тифлисской духовной семинарии», опубликованная в московской либеральной газете «Утро России», имела большой резонанс и свидетельствовала о большой смелости молодого революционера. За этим последовала организованная Евсеем забастовка, за что его вместе с 25 другими семинаристами исключили из семинарии с «волчьим билетом». Но талантливый юноша все же закончил семинарию экстерном. Как только началась мировая война, его немедленно призвали в армию. Год он проходил учебу в Казанском военном училище. Затем служил в качестве командира сотни, впоследствии — батальона на южном фронте. Здесь и вступил в ряды большевистской партии. В Одессе находился с декабря 1917 года и с этого момента самоотверженно боролся против украинской буржуазно-националистической контрреволюции. В январе прошлого года активно участвовал в вооруженном восстании одесских рабочих, результатом которого была победа Советской власти. Евсея назначают начальником штаба третьей армии, сформированной в Одессе. Вскоре после того, как третья армия направилась на фронт, ее командующим назначают Чикваная. Героический боевой путь этой армии вам всем хорошо известен, и об этом я не буду говорить, как и о том, что Евсей Чикваная, говоря словами автора статьи из газеты «Известия», является одним из организаторов и руководителей Красной Армии. Вскоре его переводят командующим особой армией. Отсюда по распоряжению Ленина переводят в Царицын военным комиссаром Совнаркома на царицынском железнодорожном узле. Здесь он принимает активное участие в эпопее героической обороны Царицына. Если мы попросим Центральный Комитет партии направить к нам Евсея Чикваная и эта просьба будет уважена, то получим солидное подкрепление. Чикваная вполне подходящий кандидат в задуманную нами конспиративную группу.

Члены областного комитета единодушно одобрили эти рекомендации, поддержали и предложение Ласточ-

кина о дополнительных кандидатурах, которые он и охарактеризовал. По предложению Картвелишвили ком поручил Соколовской возглавить деятельность иностранной коллегии, организовать ее строго законспирированный аппарат и немедленно приступить к работе среди солдат оккупационных войск.

Ласточкин подвел итоги заседания и предупредил его участников, чтобы они не попали в плен иллюзий, возникающих в результате псевдосоциалистической демагогии главарей директории.

Радости Лаврентия Картвелишвили не было предела, когда наконец осуществилось издание на французском языке газеты «Le Communiste». Это было большой победой не только иностранной коллегии, но и всего областного комитета партии. За этой победой последовал новый успех. Коллегия смогла наладить издание газеты и на польском языке.

Выход газеты на французском языке вызывал особую радость прежде всего потому, что основная часть оккупационных войск состояла из французов. Французская секция поэтому была самой большой на всем протяжении деятельности иностранной коллегии, и актив у нее был самый многочисленный. Секция решала широкий круг вопросов. Этим объяснялся и тот факт, что подпольщики считали французскую секцию всей иностранной коллегией. А для такой секции издание газеты было делом чрезвычайной важности.

В начале 1919 года, когда в Одессу прибыли направленные федерацией иностранных групп при Центральном Комитете партии работники (француженка Жанна Лябурб, сербы Стойко Радков, Вальман Драган и Живанко Стефанович, английский эмигрант, известный под фамилией Кузнецова), секции выросли и укрепились. Во французской секции тогда работали Жанна Лябурб, Яков Елин, Михаил Штиливкер, Александр Вапельник, Мартын Лоладзе, Альтер Залик, Гелена Гржелякова, Исаак Дубинский, Александр Веницкий, Степан Лекишвили, Филипп Болкун, Федор Фомко, Тенгиз Жгенти, Владимир Дегот, Калистрат Саджая, Иван Кабанцев, Давид Махарадзе, Иван Будрик, Виктор Буд-

рик, Евсей Чикваная и другие, в большей или меньшей степени владевшие французским языком. С французской секцией коллегии тесно были связаны, и тесно сотрудничали с ней французские солдаты и матросы: Люсьен Терьен, Альберт Манчи, Эжен Рибо, Люсьен Лефевр, Эмиль Лескон, Луи Мине, Луи Ля Фарг, Пьер Вигур, Дюкор, Деларью, Вильмен, Лавье, Симо Нуво, Жан Легард и многие другие.

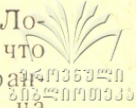
Масштабы работы иностранной коллегии, особенно ее французской секции, сильно возросли, когда в конце декабря 1919 года средствами областного комитета и стараниями Лаврентия Картвелишвили Мартын Лоладзе открыл в Коломенском переулке № 4 кафе-ресторан с сенсационным названием «Открытие Дарданелл», а Тенгиз Жгенти и Степан Лекишвили — кафе на Греческой площади.

Эти предприятия быстро оправдали свое назначение. Французские солдаты и матросы стали завсегдатаями новых кафе-ресторанов, а одесские подпольщики, члены иностранной коллегии легко входили с ними в контакт. В этом отношении большой опыт имелся у Мартына Лоладзе. Еще до революции 1905 года в Тифлисе в его распоряжении находился винный погреб под необычной вывеской «Пусть Аршак торгует с убылью». Здесь продавалось по дешевке довольно приличное вино, что, естественно, притягивало к погребку разную публику. Фактически это была явочная квартира, где проводились нелегальные собрания, заседания, хранились запрещенная политическая литература, оружие и боеприпасы. Отсюда выносили, чтоб распространить по городу, листовки и прокламации. Здесь же тайком вооружали рабочие дружины, красные отряды, отдельных боевиков.

Эта деятельность Мартына Лоладзе была хорошо известна Сталину, и когда в Центральном Комитете партии встал вопрос о посылке в Одессу опытных подпольщиков, он среди других назвал и Мартына.

В кафе-ресторане «Открытие Дарданелл» Лоладзе не только использовал накопленный в Тифлисе опыт, но и обогатил и усовершенствовал его в соответствии со спецификой большого портового города.

По заданию областного комитета Картвелишвили часто бывал в заведении Мартына, неизменно востор-

таясь находчивостью и предприимчивостью друга. Лоладзе в совершенстве владел французским языком, что позволяло ему вступать в сердечные беседы с иностранными солдатами и матросами, незаметно оказывая на них влияние. Иностранцы сами не замечали, как общие разговоры о том, о сем, вдруг переходили на политические темы. Мартын делал это с таким профессиональным мастерством и неподдельным артистизмом, что Лаврентий приходил в неописуемый восторг.

— То, что ты делаешь, мой дорогой, это не столько нелегальная работа, сколько подлинное высокое искусство, — говорил он ему часто и призывал других товарищей, работающих в ресторане, брать пример с Лоладзе. — Вот победим окончательно, изгоним с земли советской оккупантов, вернемся в Грузию, свободную, революционную Грузию, там и определим тебя на соответствующее место, — говорил Лаврентий, — это место — театр. У тебя ярко выраженный актерский дар. Впрочем, возвращаться в Грузию тебе и не обязательно, можешь процветать и на русской сцене, более того — пригодишься и на французской. Кто сможет отличить тебя от истинного француза?

Очень скоро кафе-ресторан «Открытие Дарданелл» стал излюбленным местом французских рядовых и офицеров. Каждый вечер сюда приходило до ста иностранцев. Лоладзе с большим трудом рассаживал всех за столиками. А если мест все же не хватало, солдаты или терпеливо ожидали своей очереди, или сами устраивали импровизированные «столики» и набрасывались на довольно дешевое угощение.

По совету Картвелишвили и Соколовской Лоладзе оборудовал запасной, «черный» выход из ресторана, который вел к небольшим комнаткам, «кабинетам», где можно было без всякого риска проводить встречи и даже небольшие заседания.

Вскоре дело наладилось таким образом, что членам областного комитета и руководителям иностранной коллегии уже не надо было действовать, так сказать, на ощупь, наугад. Среди французских солдат и моряков они уже имели вполне надежных людей, которые при-

водили в ресторан своих друзей, и те быстро настраивались в пользу российской революции и большевиков.

В такой атмосфере нетрудно было определить нужака, а тем более шпиона-осведомителя. Для них, как правило, в ресторане каким-то чудесным образом не находилось свободного места, и они были вынуждены покинуть заведение. А когда в зале оставались только свои, трудно было поверить, что это именно кафе-ресторан, а не дискуссионный клуб. Здесь с импровизированных трибун произносились пламенные речи, распространялись газеты, листовки, другая нелегальная литература, рассматривались планы дальнейшей работы с иностранцами. Одним словом, «Открытие Дарданелл» из кафе-ресторана превратилось в главную опорную базу агитационно-пропагандистской работы среди солдат, матросов и офицеров оккупационных войск. Здесь почти каждый день звучали пламенные речи Жанны Лябурб, которую французы слушали с огромным вниманием и сочувствием. Она призывала своих соотечественников к проявлению классово-пролетарской солидарности, страстно убеждала их в том, что французским солдатам хотят навязать позорнейшую миссию — задушить народную революцию в России, пролить невинную кровь русских, а также украинских рабочих и крестьян. Эта прекрасная француженка-патриотка с большой убедительностью разоблачала истинные цели тогдашних заправил Франции — французских капиталистов и военщины.

Да, вот такие страсти бушевали в кафе-ресторане «Открытие Дарданелл» и, как кратко писал обо всем этом в своей докладной на имя Центрального Комитета партии Мартын Лоладзе, «собиралось в мой ресторан много французских солдат, и мы вели агитацию среди них. Эта работа за месяц так разрослась, что никто из нас такого результата не ожидал».

Наступил вторник. С утра со стороны моря подул такой холодный ветер, что одесситы пришли в отчаяние. В полдень мороз стал крепчать, улицы заледенели, туго пришлось пешеходам. Вечерние одесские газеты сообщили, что многие горожане получили увечья, имелись и отдельные жертвы.

Лаврентий провел всю ночь в типографии. Печа-

тали прокламации, листовки и воззвания к иностранным солдатам. Когда он покинул типографию, мгlistое утро только начинало проясняться. Хотелось спать, усталость мертвой хваткой сковала все тело. Хотя бы с часок поспать, а там можно и продолжить работу. К тому же предстоит заседание редакционной коллегии. Выйдя на улицу, он проверил, не увязался ли за ним «хвост», и заторопился прямо на Нежинскую улицу. Здесь, в доме № 37, в 12 часов было назначено заседание редакционной коллегии большевистской газеты на русском языке «Коммунист».

Стрелка часов уже приблизилась к одиннадцати, и если все обойдется благополучно—его не схватят или он не шлепнется на обледенелый тротуар,—до начала коллегии он успеет поспать хотя бы минут 30—40. Ночь была беспокойная. Корректурa оказалась чрезвычайно грязной. Потом вышел на какое-то время из строя печатный станок, что вывело Лаврентия из равновесия, а в заключение еще и свет погас. Пока зажгли керосиновые лампы, привели станок в порядок, прошло немало времени.

Правда, Лаврентий психологически всегда был готов к таким неожиданностям. Главное, он любил издательское дело и потому готов был на любые лишения, неудобства и даже жертвы. Сознание того, что каждый составленный и отпечатанный им листок, прокламация или воззвание сыграет роль разорвавшейся бомбы в стане врага, придавало новые силы, вызывало максимальную мобилизацию непечатаемых резервных возможностей молодого могучего организма.

Очутившись на Нежинской улице, Лаврентий сразу же заметил Тенгиза Жгенти. Молча пошел за ним и вскоре догнал друга. Картвелишвили предложил ему зайти в явочную квартиру. До начала заседания коллегии оставалось минут тридцать и они могли поговорить. Только от отдыха придется отказаться.

Речь зашла о тех солдатах-грузинах, которые, возвращаясь с австро-германского фронта, должны были направиться на Кавказ через Одессу.

До приезда в Одессу Лаврентий присутствовал на подпольном совещании, которое приняло решение об

организации на Украине восстания против буржуазно-националистического правительства. Здесь же было решено разослать по губерниям надежных товарищей для конкретной подготовки выступления. По рекомендации Картвелишвили совещание направило Тенгиза Жгенти в Одесскую губернию. Лаврентий внес это предложение, исходя из того, что в Одессе сосредоточивались возвращавшиеся с фронта солдаты-грузины, которых можно было использовать в интересах революции. А для такой работы Тенгиз очень подходил. В Одессе областной комитет партии поручил ему (по представлению Картвелишвили) вести агитацию и пропаганду среди грузинских солдат, попытаться создать из числа самых надежных из них грузинскую боевую дружину, которую можно было бы в любую минуту использовать в борьбе против врагов Советской власти.

И Тенгиз подробно стал рассказывать изнуренному бессонной ночью Лаврентию, что ему удалось сделать в этом направлении.

— Я начал с того, что организовал собрание солдат и офицеров-грузин, возвратившихся в Одессу с австро-германского фронта. На собрание мы привели и здешних грузин-рабочих и студентов.

— Неужели здесь есть рабочие-грузины? Как тебе удалось наладить с ними связь? А много ли их в Одессе?

— Не очень, но все же я привел их на собрание с помощью здешних грузинских студентов. А они ребята ушлые, знают всех и вся. Получилось довольно многолюдное собрание. Речь свою обдумал заранее. Решил акцент перенести на наши революционные традиции.

— В этом плане, действительно, есть что сказать.

— Вот я и сказал. Начал с революции 1905—1907 годов, говорил о грабительской империалистической войне, о героической борьбе грузинского народа против ненавистного меньшевистского режима. В конце концов обратился к ним с призывом поддержать украинских братьев по классу в борьбе против контрреволюции и иноземных оккупантов, временно воздержаться от немедленного возвращения в Грузию и записать

ся в отряд, который предназначается для борьбы с интервентами, чтобы защитить здесь Советскую власть и тем самым облегчить освобождение самой Грузии. Моя речь, видимо, произвела на слушателей соответствующее впечатление. Грузины-солдаты единодушно выразили желание остаться в Одессе и бороться против всех и всяческих врагов Советской власти.

Лаврентий просиял. Недаром, значит, он рекомендовал Жгенти, своего товарища и друга. Тенгиз блестяще оправдал доверие партии.

— Ты, брат, видно, произнес на этом митинге почувствованную речь, — Лаврентий на секунду замолк. Он мысленно всматривался в измученные лица солдат, что сотнями и тысячами слоняются по одесскому порту, голодные, плохо одетые и необутые. Потом доверительно произнес:

— Мне совершенно понятна их скорбь. Человеческую слабость и искушение не так легко преодолеть. Спасшися в этой бессмысленной и бесцельной войне, они должны добровольно воздерживаться от возвращения на родину. И раз тебе удалось пересилить в них это естественное и непреодолимое стремление домой, значит твое слово обладает просто чудодейственной силой, значит ты прирожденный оратор.

Лаврентий от всей души поздравил друга с успехом, а затем спросил:

—Что собираешься делать теперь?

Сразу же по прибытии в Одессу перед Лаврентием Картвелишвили встал вопрос об организации большевистской нелегальной типографии. До публикации газет и листовок иностранной коллегии печатание газеты «Коммунист» удавалось кое-как налаживать в множестве функционировавших тогда в Одессе частных типографий. Правда, это было весьма дорогое удовольствие. После прибытия сюда войск интервентов и установления в городе оккупационного режима владельцы типографий стали отказываться печатать большевистскую литературу. А если и находились смельчаки-предприниматели, они заламывали такие цены,

которые были равносильны отказу. Все это создавало немалые трудности.

Лаврентий и Елена Соколовская несколько раз пытались организовать это столь нужное предприятие, но безрезультатно. То грунт оказывался неподходящим, то владельцы различных подвалов не желали впускать в них каких-то «подозрительных людей».

Пришлось вернуть в магазин приобретенное для типографии оборудование.

В то утро, когда Лаврентий, пошатываясь от усталости, шел на заседание редколлегии газеты «Коммунист», у него неожиданно мелькнула мысль, вскоре сложившаяся в созревшую идею, с которой можно было ознакомить членов областного комитета партии.

— А что если устроить типографию в одесских катакомбах? — вместо приветствия сказал Ласточкин Лаврентию, когда тот вошел в его конспиративную квартиру.

— Уже два дня я ношусь с этой идеей. Потерял покой, не мог дожидаться встречи с тобой.

— Видно, истина одна, — улыбнулся Ласточкин. — рано или поздно ее открывают все, а иногда и одновременно, как в данном случае.

— Я всесторонне взвесил все аспекты этого предприятия и все более убеждаюсь в том, что это наиболее оптимальный вариант. Единственный минус — отдаленность от центра и необходимость работать при свете керосиновых ламп. Но что поделаешь? Потерпим до победы!

— Не до победы, а для победы, ради победы, — с дружеской улыбкой «поправил» его Ласточкин.

Выйдя из конспиративной квартиры, находившейся на Пушкинской улице, Картвелишвили через некоторое время заметил Котовского, шедшего в сопровождении какого-то незнакомого человека.

— Видимо, само провидение на нашей стороне; — подумал обрадованный Лаврентий. Ему как раз нужен был надежный человек, досконально знающий город и его окрестности, а Котовский прекрасно знал Одессу.

Это был тот самый Григорий Иванович Котовский, которого советские люди знают как легендарного ге-

рою гражданской войны — командира прославленной кавалерийской бригады. Но до этого он прошел бои-шой и тернистый путь революционера-подпольщика.

— Гриша, дорогой, ты нужен мне как воздух. Надо осмотреть катакомбы...

Целый день ушел на осмотр катакомб и выбор места для устройства типографии. Наиболее удачным сочли район села Куяльники. Его преимущество состояло в том, что он находился всего в восьми километрах от центра города. В этом районе катакомбы имели соответственно два входа и выхода, что было очень удобно для конспирации. К тому же по счастливой случайности один из входов буквально упирался в дом подпольщика-революционера Семена Конопатенко. Таким образом можно было совершенно незаметно спускаться в катакомбы и подниматься из них.

Областной комитет партии принял соответствующее решение и поручил Картвелишвили организацию этого предприятия.

За несколько дней помещение для типографии было готово. В довольно просторной комнате-пещере по бокам пробили ниши для хранения шрифта и другого типографского материала. Потолок плотно завесили брезентом, чтоб камешки не падали на печатный станок и бумагу.

Здесь и начали печатать газету «Коммунист» на русском, французском, а чуть позже и на польском языках, а также многочисленные листовки, прокламации и воззвания на русском, английском, французском, польском, румынском и греческом языках.

Окончание в № 3

Уже много лет известный ученый-историк, доктор исторических наук, лауреат Государственной премии СССР Игорь Павлович Лейберов успешно разрабатывает проблему историко - революционных и культурных связей Петербурга, России с Грузией, Абхазией, всем Закавказьем. Широко известна его книга «Цебельдинская находка», вы-

шедшая в свет двумя изданиями. Профессор И. П. Лейберов готовит к печати новую книгу под названием «За строкой архивного документа: жизнь, борьба, революция». В ней будет специальная глава, посвященная рейсу восставшего броненосца «Потемкин» вдоль Кавказского черноморского побережья.

Игорь ЛЕЙБЕРОВ

НОЧНОЙ РЕЙС БРОНЕНОСЦА „ПОТЕМКИН“

●
К 80-ЛЕТИЮ
РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 ГОДОВ
В РОССИИ

Стояла южная черная ночь. Лишь изредка сквозь разрывы низких туч лунный свет блестел разорванной дорожкой на перекатах черных волн. И тогда отблески фантастически серебристого света на короткие мгновения освещали темную громаду броненосца «Князь Потемкин Таврический». Но когда глубокая темнота опять поглощала броненосец, во мраке ночи вновь вспыхивало разноцветье корабельных сигналов. Милую за-милей отсчитывая по лагу (прибор для определения

скорости судна), корабль неотвратимо шел навстречу развязке легендарных событий. На исходе были одиннадцатые сутки с момента начала восстания, на корабле кончались запасы пресной воды и продовольствия. Пропали последние надежды, что Черноморский флот поддержит своим дружным восстанием одиночное выступление революционного броненосца.

Уже вошедший в российскую и мировую историю всех восстаний и революций мятежный корабль совершал свой последний рейс — бросок вдоль Кавказского черноморского побережья. На берегу ни царские, ни местные власти, ни революционные организации — никто не знал и не ведал, куда неся восставший корабль.

Он мог войти в Цемесскую бухту и грохотом своих орудий заставить официальные власти и местный военный гарнизон покинуть Новороссийск, высадить на берег революционный десант потемкинцев и при поддержке новороссийских портовиков, цементников и рыбаков двинуться в кубанский Екатеринодар или на Туапсе — Сочи.

Он мог встать на рейде великосветских Гагр и забрать на свой борт 24 революционных потемкинца, которые были списаны еще в мае 1905 года с корабля и разгружали там с барж 19 тысяч пудов угля на Климатическую станцию и во дворец принца А. П. Ольденбургского, одного из родственников царя Николая II. Здесь же броненосец мог пополнить и свои запасы топлива (Газета «Кавказ», № 183, 22 июля 1905 г.).

Он мог бросить якорь на рейде Сухума, взять на борт воду, продукты, топливо, жерлами своих орудий и десантом ускорить развитие революционных событий в Абхазии, поддержать революционные настроения солдат 258-го Сухумского пехотного резервного полка. В эти дни и недели в городе складывалась ситуация, которая вскоре привела к образованию Сухумской коммуны.

Он мог завершить свой рейс в Батуме и своими орудиями и морским вооруженным десантом оказать неоценимую помощь грузинским революционерам и большевикам в борьбе с монархической властью. По замыслу В. И. Ленина и всероссийского большевистского Центра, Батум с его закаленными кадрами пролетариев — нефтяников, судоремонтников, портовиков и торговых моряков, с распропагандированным военным гарнизоном должен был явиться одним из основных оплотов народной революции на юге России. Поэтому сюда и ожидался приход всей восставшей Черноморской эскадры, и именно

сюда и направился «Потемкин», руководимый Афанасием Матюшенко.

Этого ждали, на это надеялись русские, абхазские и грузинские революционеры. Но, к сожалению, этого не произошло. В ночные часы с 23-го на 24-е июня 1905 года «Потемкин» где-то на траверзе Сухума — Батума круто развернулся на запад и ушел в Румынию.

..В середине мая 1905 года неожиданно из Петербурга в район Новороссийска — Туапсе — Сухума выехала развездной агент Петербургского комитета РСДРП, большевичка Людмила Воронова («Тамара»). Уроженка Тифлиса, выпускница женской гимназии в Кутаисе, владевшая грузинским и абхазским языками, она знала обычаи и традиции народов Грузии и Абхазии. Поэтому на нее возлагались важные задачи — установление связей с Кавказским союзным бюро РСДРП, с Тифлисской, Батумской и Сухумской партийными организациями, переброска транспортов с литературой и оружием для грузинских и абхазских повстанцев.

Вместе с «Тамарой» выехала ее соратница и подруга по Высшим курсам П. Ф. Лесгафта, опытная большевичка Клавдия Александер («Клавдия»), также уроженка Тифлиса, знавшая грузинский язык, лично знакомая с В. И. Лениным и Г. В. Плехановым по двухгодичному пребыванию в Швейцарии. С «Тамарой» и «Клавдией» по тому же маршруту выехала сугубо законспирированная пятерка питерских рабочих-боевиков (известны только их клички: «Аркадий», «Акакий», «Сергей» и др.) с грузом оружия и взрывчатки.

Спустя несколько дней из столицы также двинулась группа грузинских студентов-большевиков, обучавшихся в петербургских вузах: Мамия Орахелашвили (Военно-медицинская академия), Петре Кавтарадзе (университет), Мария Микеладзе (Бестужевские женские курсы). Они направлялись в район Кутаиса — Тифлиса — Батума, имея от большевистского Центра те же задания, что и группа «Тамары». В то время в Тифлисе уже находился грузинский большевик Шалва Элиава, студент Петербургского университета.

Разумеется, эти поездки двух групп петербургских большевиков (русских и грузин) за месяц до начала восстания на броненосце «Потемкин» не были случайными. Еще в марте 1905 года в связи с подготовкой к III съезду РСДРП в Петербурге на явке Петербургского комитета РСДРП, помещавшейся в одной из комнат Ботанического музея П-образного здания Академии наук (Университетская набережная, 5), по-

бывал один из руководителей Бакинской и Батумской организаций РСДРП большевик М. И. Васильев-Южин перед своим отъездом к В. И. Ленину в Женеву (Швейцария). Несколькими днями позже на явке в Ботаническом музее поочередно побывали известные грузинские большевики М. Г. Цхакая и П. А. Джапаридзе. Их всех там встречала Людмила Воронова. Она-то и была «хозяйкой» этой явки с благословения Елены Дмитриевны Стасовой. Тогда и было решено, что ЦК РСДРП направит в Грузию и Абхазию группу петербургских большевиков для оказания помощи местным работникам в проведении организационной, агитационной и военно-боевой работы (Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 2, М., 1971, с. 51, 58, 73; И. П. Лейберов. Цебельдинская находка, М., 1980, с. 212-213).

Решения III съезда партии о подготовке вооруженного восстания в стране и оказании «своевременной поддержки всеми имеющимися средствами» грузинским революционерам ускорили отъезд этих групп в Закавказье.

Когда стало известно о начале восстания на броненосце «Потемкин», петербургские, грузинские и абхазские большевики своими решительными революционными действиями пытались оказать всемерную поддержку восставшим потемкинцам. Об этом свидетельствуют, в частности, документальные материалы, письма и воспоминания Л. Н. Вороновой, сохранившиеся в ее семейном архиве в «Ясочке», в селе Цебельда, близ Сухуми. Приведем только один документ. 29 июня 1905 года «Тамара» (в Сухуме) получила письмо от питерского боевика «Аркадия» из Тифлиса. Он писал: «На пятый день нашего приезда здесь началась всеобщая забастовка. Забастовка началась 20-го числа (т. е. на седьмой день восстания на «Потемкине». — И. Л.) и продолжалась целую неделю. Работу прекратили все, включая служащих железных дорог. Газеты не выходили. Трамвай не работает, магазины закрыты; словом, город вымер. Особенно сильно подействовали пущенные в ход бомбы... Жертв много с обеих сторон... Настроение великолепное, и забастовка прекратилась главным образом из тактических соображений. Надвигаются события более грандиозные». (Личный архив Л. Н. Вороновой. «Ясочка» — Цебельда). Всеобщая стачка тифлисских пролетариев продолжалась как раз те шесть дней, которые совпадали с заключительными днями восстания на броненосце «Потемкин». И это знаменательно!

Действительно, события надвигались исторические. В Гу-

рии полыхало пламя вооруженного восстания; в Батуме, Сухуме, Кутаисе, Новороссийске рабочие массы проводили мощные политические стачки, местами переходящие в открытые столкновения с полицией и войсками. Во главе этих выступлений шли грузинские и русские большевики.

Среди них были и петербургские посланцы — М. Орахелашвили, Ш. Элиава, Л. Воронова, М. Микеладзе. Пять месяцев проработает «Тамара» в тифлисском партийном подполье. В одном из своих писем к матери в августе 1905 года она, Воронова, напишет замечательные слова о грузинских революционерах: «Познакомилась я здесь с грузинами. Производят они очень хорошее впечатление. Бывают такие люди, которые производят впечатление чего-то неземного тонкостью и нежностью своей нервной организации, что-то кристально-прозрачное и вместе с тем нежное, мягкое. Прибавь к этому просто безумную отвагу и презрение к смерти и чисто южную горячность и вспыльчивость — и получится сочетание чего-то несочетаемого».

...За строительством броненосца «Князь Потемкин Таврический» следила вся Россия. Он был заложен в сентябре 1898 года и строился на стапелях Николаевского адмиралтейского завода. На воду корабль был спущен через два года, два года достраивался в Николаеве, а затем еще три года — в Севастополе, итого целых семь лет. Броненосец имел водоизмещение в 13 тысяч тонн, мощность всех механизмов в 10,6 тысячи лошадиных сил, скорость развивал до 16,7 морского узла в час (один узел соответствует одной морской миле или 1852 метрам); длина корабля достигала 113 метров, ширина 21,2 метра, осадка — почти в 8,5 метра. «Потемкин» был подлинной плавучей военно-морской крепостью. При экипаже в 730 моряков (из них 26 офицеров) он имел 44 орудия, 5 торпедных аппаратов и 4 пулемета; толщина его брони достигала 20-25 см. При полном запасе топлива в 950-1100 тонн корабль мог проплыть в автономном плавании 3200-3600 морских миль. (Р. М. Мельников. Броненосец «Потемкин». Л., 1980, с. 5, 44-46, 83-84, 102-109, 274).

Именно поэтому трехтрубный красавец серебристо-стального цвета считался гордостью отечественного судостроения и сыграл заметную роль в укреплении военно-морских сил тогдашней России.

К марту-апрелю 1905 года было завершено полное формирование матросского экипажа на броненосце. Среди потем-

кинцев оказалось несколько десятков матросов-балтийцев (около 70 человек), прибывших в качестве наиболее технически подготовленных специалистов. Среди них был и уроженец Петербурга 22-летний большевик, минный машинист Александр Макаров, пользовавшийся большим авторитетом среди потемкинцев (он был связан с экипажем еще с 1904 года). В составе экипажа было не менее 20 матросов с легендарного крейсера «Варяг», который героически выдержал бой с японской эскадрой в начале февраля 1904 года и затем был затоплен матросами, чтобы корабль не попал в руки противника. Заметим, что экипаж «Варяга» был укомплектован матросами-балтийцами, среди которых находились и коренные петербуржцы. Тогда, год назад, варяжцы с триумфом проделали путь от Владивостока до Петербурга, где были торжественно награждены георгиевскими крестами, а затем распределены по кораблям флотов. (Сведения Мельникова Р. М.: ЦГАОР СССР, ф. ДП, VII д-во, 1905 г., д. 3769, л. 221, 312).

Революционных потемкинцев возглавлял стойкий большевик, член партии с 1903 года Григорий Вакуленчук, спокойный, выдержанный, один из авторитетных руководителей Севастопольской матросской централки, готовившей восстание на флоте. Другом Вакуленчука, его ближайшим помощником по агитации на «Потемкине» был минно-машинный квартирмейстер Афанасий Матюшенко, умный, смелый до отчаянности, близкий к большевикам. Так уж случилось, что в 1903-1904 годах им обоим, будущим вожакам восстания на броненосце «Потемкин», пришлось изучать русскую словесность, литературу и историю у петербургской учительницы, социал-демократки Екатерины Александровны Бибергаль.

Катя Бибергаль выросла в семье известного революционера-народовольца А. Н. Бибергаля. Ее отец (родился в Ялте, а гимназию кончил в Керчи) в молодые годы учился в Медико-хирургической академии в Петербурге, вместе с двадцатилетним Г. В. Плехановым организовал знаменитую студенческую демонстрацию 6 декабря 1876 года в Петербурге, у Казанского собора. За это был приговорен к 15 годам каторжных работ на сибирских рудниках. (Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь. Т. 2. Вып. 1, М., 1929, с. 111-112).

Екатерина Бибергаль родилась и выросла в далеком сибирском городке Благовещенске на Амуре, там кончила гимназию. В 1898 году в 19-летнем возрасте приехала в Петербург, поступила на историко-филологический факультет Бесту-

жевских высших женских курсов. Здесь примкнула к революционной социал-демократии. Принимала активное участие в студенческом и пролетарском движении. Познакомилась с друзьями, жила с революционными студентами-кавказцами Степанов, Шаумяном и Богданом Кнунянцем, членами Кавказского землячества. Первый арест последовал 19 февраля 1901 года, второй арест — через две недели, 4 марта, одиночная камера Литовского замка и высылка из столицы на год (ЦГАОР СССР, ф. ДП, III д-во, 1905 г., д. 855, лл. 1-5).

Екатерина Александровна выехала на родину отца в Крым — Ялту и Севастополь. Там стала работать учительницей в вечерней рабочей школе, позднее и в матросской школе. Чтобы быть ближе к рабочим, понять их быт и миропонимание, устроилась наборщицей в одну из типографий. Вела социал-демократическую агитацию среди рабочих и матросов, распространяла ленинские издания — газету «Искра» и журнал «Заря».

В материалах Департамента полиции сохранились письма Екатерины Бибергаль из Севастополя в Петербург ее друзьям по университету и Бестужевским курсам. Письма чисты и искренни. Письма о становлении революционерки, ее мечтах, практической работе среди севастопольских рабочих и матросов.

Сентябрь 1901 г.: «К нам доходит сравнительно скоро и много нелегальных брошюр, затем сюда приходят «Заря», «Искра» (их редактором был В. И. Ленин — И. Л.) и т. п., так что мы совершенно свободно пользуемся этим».

Сентябрь 1901 г.: «Здесь есть семь человек — 5 студентов, 2 курсистки — высланные, они составили нелегальный кружок (с широкими целями, как обыкновенно)... Если у вас будет случай посылать нелегалышину — посылайте, доставляйте. Это обязанность Центра — снабжать наши углы. Вот если бы рабочие журналы достать. Пишите на мой адрес — Севастополь, Чесменская ул., дом Корнеева, 16».

Ноябрь 1901 г.: «А ведь тут есть славные ребята (рабочие и матросы). Один горяч, смел, его теории разрушительнее, чем его руки (очевидно, речь идет об А. Н. Матюшенко — И. Л.). Я стала наборщицей в н-ской типографии. Мысль познакомиться с типографской работой как можно шире — давно уже засела у меня в голове... Трудно было первое время — не работа трудна, а состояние духа было ужасное, все время в напряженном состоянии. Ведь их (рабочих) так много, есть и грубые, но понемногу все обошлось, и за эти два месяца ни

одного грубого слова. Молодежь служит (делу революции И. Л.) верой и правдой» (ЦГАОР СССР, ф. ДП. ОО, 1902 г., д. 512, лл. 3, 5, 6).

Март 1902 г.: «Все это время я рвалась туда, где могла бы отдать себя вместе с теми жертвами — брат мой (В. А. Бибергаль — студент Московского университета — И. Л.) на четыре года ушел в Сибирь. Да, с ними жестоко расправились, пусть будет так, лишь бы число борцов не уменьшалось... У нас тут заволновались портовые рабочие, между моряками проявилось вольнодумство; прибегли к строгим мерам, были обыски и аресты... Всякой весточке рада» (ЦГАОР СССР, ф. ДП. ОО, 1902 г., д. 1611, л. 9).

Очевидно, Екатерина Бибергаль имела моральное право стать в Севастополе учителем будущих руководителей восстания потемкинцев Григория Вакуленчука, Афанасия Матюшенко и петербуржца Александра Макарова.

...Вечером 14 июня 1905 года, когда ночные огни опоясали город, на внешнем рейде Одессы отдал якорь восставший броненосец «Потемкин». Он пришел сюда по решению судовой комиссии, которую возглавлял Афанасий Матюшенко. Пришел, чтобы залпами своих могучих орудий не только поддерживать непрерывно уже три месяца бастовавших одесских рабочих и портовиков, но и получить от них поддержку в своих революционных действиях, а также пополнить запасы угля, пресной воды и продовольствия.

Подлинной трагедией для восставших потемкинцев стала гибель в схватке с офицерами в начале восстания их большевистского вожака Григория Вакуленчука. Талантливый организатор и самый политически зрелый руководитель из всех участников восстания, он был единственным, кто знал планы Севастопольской матросской централки, кто имел связи с большевистскими организациями Севастополя, Петербурга, Одессы, Николаева и Батума.

Ранним утром 15-го числа, когда свет только забрезжил, тело Вакуленчука было свезено на берег и установлено в палатке на новом молу порта. На его груди была приколоты листовка с объяснением причин смерти, она кончалась словами: «Смерть кровожадным! Да здравствует свобода! Команда броненосца «Князь Потемкин Таврический». Один за всех и все за одного!» Сюда, на портовый мол, к телу матроса двинулись тысячные потоки одесситов, ибо весть о восставшем броненосце стремительно охватила весь город.

В эти дни и недели в Одессе действовала группа петербургских большевиков, посланцев большевистского Центра. Среди них следует прежде всего назвать Сергея Гусева, многоопытного большевика-ленинца, в январе-марте 1905 года секретаря Петербургского комитета РСДРП, а затем Одесского комитета, активно информировавшего В. И. Ленина о положении в Петербурге и Одессе. Правда, к моменту прихода «Потемкина» он тяжело страдал от нервного истощения и не смог вмешаться в ход событий. До мая секретарем Одесского комитета была негибаемая большевичка Лидия Книпович («Дяденька»), близко знавшая В. И. Ленина и Н. К. Крупскую и дружившая с ними. Это она сообщила Ленину, что он получил мандат Одесского комитета РСДРП на III съезд партии. Среди питерских посланцев был пролетарий-металлист Александр Шотман, герой Обуховской обороны 1901 года, делегат II съезда партии от Петербурга (Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 2, М., 1971, с. 45, 104; Очерки истории Одесской областной партийной организации. Одесса, 1981, с. 59-60).

Видным работником Одесской организации большевиков была петербургская большевичка, курсистка Высших курсов П. Ф. Лесгафта Дора Клебанова («Соня»), подруга Л. Н. Вороновой. «Соня» входила в состав Одесского комитета, возглавляла подпольную типографию (Большая Арнаутская улица, дом 83), составляла тексты листовок, печатала их и со своими друзьями распространяла по городу. Энергичная, удачливая в подпольной работе, «Соня» за две недели до появления «Потемкина» была арестована полицией и выслана из Одессы в Вятку (ЦГАОР СССР, ф. ДП, VII д-во, 1905 г., д. 4070, л. 1-26).

Как видим, кто-то из питерских большевиков — руководителей Одесской парторганизации болел, кто-то был арестован или выехал из города, кто-то не сумел попасть на борт броненосца и установить прямые связи с потемкинцами. В этом отношении петербургским посланцам роковым образом не везло.

В бóльшей мере повезло питерской большевичке с курсов Лесгафта Ольге Виноградовой («Галя», «Нищий»). С марта 1905 года она работала в Одессе, поддерживала тесные связи с В. И. Лениным. Она установила контакт с потемкинцами-большевиками, но повлиять в нужном направлении на экипаж «Потемкина» ей не удалось, так как многие матросы впервые участвовали в революционном движении, а

также находились под влиянием эсеров. Правда, пройдет три месяца, и Ольга Виноградова напишет брошюру «Одесские дни и «Потемкин». Рукопись брошюры будет редактирована В. И. Ленин, и она выйдет в свет в Женеве в издательстве ЦК РСДРП в том же году (В. И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 2, с. 40, 49, 180: Памяти О. Н. Виноградовой. «Правда», № 72, 27 марта 1913 г.).

Но вот что поразительно. Оказывается, с восстанием на броненосце «Потемкин» были непосредственно связаны свыше трехсот грузинских портовиков и грузчиков, работавших в то время в Одесском порту. В феврале-марте 1905 года грузинские портовики и грузчики явились инициаторами общегородской стачки. Они потребовали повышения заработной платы с 1 руб. 60 коп. до 2-х рублей в день, как это было на Кавказском побережье. Затем выдвинули политические требования — освобождение арестованных, 8-часовой рабочий день, 26 марта начальник жандармерии Одессы сообщал в Петербург, какие были приняты меры, «чтобы устранить влияние грузин на остальных рабочих, которых в порту до пяти тысяч человек»⁵. (ЦГАОР СССР, ДП. ОО, 1905 г., д. 4, ч. 19, Л. А., л. 52).

Влияние грузинских пролетариев, среди которых действовала небольшая, но сплоченная группа батумских большевиков, на одесских портовиков и грузчиков не ослабло, а наоборот, усилилось. Градоначальник Одессы генерал Нейдгарт телеграфировал министру внутренних дел в Петербург: «Третий день вызываю войска в порт, дабы не допустить насилия забастовщиков над работающими. Приехавшим (агитаторам-большевикам — И. Л.) из Батума удалось склонить к забастовке грузин и турок (а затем и русских рабочих — И. Л.)... Прокламации разжигают население. Кавказцам-грузинам обещал высылку в случае насилия» (ЦГАОР СССР, ф. ДП. ОО, 1905 г., д. 4, ч. 19, Л. А., л. 57).

Когда в Одессу пришел «Потемкин», на берегу началось «непрерывное братание тысяч народа» с восставшими матросами, — сообщал 15 июня в редакцию газеты «Пролетарий» Сергей Гусев. В числе братавшихся с потемкинцами были и грузинские портовики и грузчики. Они побывали на корабле, с восторгом смотрели на красный флаг на фок-мачте и мрачные жерла орудий. Вместе с другими грузины занимались погрузкой угля, пресной воды и продуктов в трюмы корабля. Тогда же грузинские революционеры сообщили руководителям потемкинцев о положении в восставшей Грузии и, в частности, в кавказских портах — Батуме, Сухуме, Поти, Гаграх. Выход-

цами из этих городов и близлежащих районов и были в большинстве своем грузины — портовики и грузчики.

Возможно, тогда у членов судовой комиссии и ее руководителя Матюшенко и зародилась идея в конечном итоге направить могучий корабль к берегам Грузии и ее основному порту Батуму. Об этом же свидетельствуют действия ленинского посланца Михаила Васильева-Южина, который, не найдя в Одессе «Потемкина», первым парходом выехал в Новороссийск — Батум, а оттуда в Сухум. Позднее он вспоминал: «Я предполагал, если бы не удалось захватить Одессу, направиться с «Потемкиным» к Кавказскому побережью, прежде всего в район Батума. Батумский гарнизон и крепость были основательно охвачены нашей агитацией. Это я хорошо знал. Батумские рабочие уже не раз выделялись своей героической борьбой. Батум как революционная база был наиболее надежным районом на всем Черноморском побережье» (Васильев-Южин М. И. В огне первой революции. — Сб.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1956, т. I, с. 338; В. И. Ленин. Биограф. хроника, т. 2, с. 105).

...Шли пятые сутки восстания на броненосце «Князь Потемкин Таврический». В пять часов дня 18 июня 1905 года телеграфный аппарат Одесского губернского жандармского управления ритмично отстукивал слова секретной телеграммы в Петербург: «...Матросы и других судов (Черноморской — И. Л.) эскадры ненадежны. Странное поведение эскадры, судя только по эволюциям ее на море в близком общении с «Потемкиным» (отказ матросов Черноморской эскадры расстрелять «Потемкин» при встрече с ним 17 июня — И. Л.), запросы от генерала Ширинкина (начальник полиции Кавказского наместничества — И. Л.) мне и от Таврического губернатора Командующему войсками, в коих выражается беспокойство при возможности появления «Потемкина», дают мне смелость высказаться о необходимости присылки из Петербурга подводных лодок для взрыва «Потемкина», который, кроме возможного разгрома побережья Черного моря (в том числе и Кавказского — И. Л.), даст поддержку революционерам и возможность при его содействии совершить государственный переворот» (ЦГАОР СССР, ф. ДП. ОО, 1905 г., д. 4, д. 19, л. А., л. 157).

Эту злобно-паническую телеграмму направил из Одессы начальник жандармского управления полковник Кубузов.

В полдень 20 июня «Потемкин» покинул румынский порт

Констанцу, где не смог пополнить запасы угля и пресной воды и двинулся к российским берегам. Из Констанцы пошла телеграмма в Петербург, что броненосец направился в Батум (ЦГАВМФ, ф. 920, оп. 6, д. 428, л. 105). На самом же деле судовая комиссия во главе с Афанасием Матюшенко решила идти в Феодосию для пополнения там запасов пресной воды, угля и продуктов, а затем, возможно, уйти к берегам Абхазии и Грузии.

Около семи часов утра 22 июня «Потемкин» отдал якорь на рейде Феодосийской бухты. Над кормовой орудийной башней реяло огромное красное знамя с надписями на одной стороне «Свобода, равенство, братство», на другой — «Да здравствует народное правление!» Сотни феодосийцев и отдыхающих в городе, заполонившие набережную, восторженно приветствовали броненосец революции, представителей корабля, рассказавших собравшимся на стихийный митинг правду о целях восстания на «Потемкине». На корабле побывали члены городской управы, которые согласились передать восставшим матросам некоторое количество продовольствия, но отказались выделить каменный уголь, на что имелся строжайший запрет из Петербурга. На это потемкинцы ответили угрозой подвергнуть бомбардировке центральные кварталы города.

В первые же часы пребывания корабля на морском рейде полиция и войска не посмели пустить в ход оружие против потемкинцев и жителей города. В тот же день потемкинцы узнали из газет в Феодосии о поражении их товарищей на броненосце «Георгий Победоносец», о выдаче царским властям 75 революционных моряков. Это известие вызвало бурю возмущения у передовых потемкинцев и явную растерянность среди колеблющейся части экипажа.

Однако над кораблем революции нависла неотвратимая опасность. На следующее утро значительная часть жителей Феодосии, спасаясь от возможного артобстрела, скрылась в горах. Когда же группа потемкинцев попыталась отбуксировать паровым катером две шхуны с углем, то неожиданно рота солдат Виленского полка открыла огонь по матросам. Двое из них были убиты, трое ранены, затем взяты в плен. В обстановке растерянности и нерешительности судовая комиссия так и не открыла артогня по центру Феодосии, не высадила нового морского десанта на берег для захвата города, получения угля и воды. В 12 часов дня 23 июня «Потемкин» быстро развел пары, поднял якорь и двинулся на северо-восток, буксируя за собой миноносец № 267 (Революционное движение в

Таврической губернии в 1905-1907 гг. — Сб. документов и материалов. Симферополь, 1955, с. 79-84, док. 44).

Нельзя, конечно, сказать, что потемкинцы были одиночками в своих действиях. За рейсом броненосца с красным флагом следила вся революционная Россия, рабочий класс, партия большевиков, В. И. Ленин. И именно по его заданию в Одессу был направлен М. И. Васильев-Южин. Через несколько дней по заданию ЦК РСДРП из Женевы в Одессу для связи с «Потемкинским» выехали еще двое революционеров под кличками «Маслов» и «Волжин» (ЦГАОР СССР, ф. ДП. ОО, 1905 г., д. 4, ч. 19, л. А., л. 170).

Энергичные меры для связи с восставшим экипажем броненосца принимали большевистские организации Петербурга, Закавказья и Крыма. Поддерживавшая связи с Петербургским и Севастопольским комитетами РСДРП Екатерина Бибергаль (уже известная читателю) сразу выехала из Ялты, где она проживала у родственников отца, в Феодосию, когда узнала, что «Потемкин» находится там. Ей очень нужно было встретиться с Матюшенко и напомнить ему об их долгих разговорах и спорах о возможных исходах революций и восстаний.

По решению Кавказского бюро РСДРП социал-демократ Нико Элиава (брат известного большевика Ш. З. Элиава) для возможной встречи броненосца выезжал в Батум и Одессу. Из Керчи в Феодосию двинулся и член местного комитета партии, известный питерский большевик Егор Афанасьев-Климанов (с 1901 года работал в Керчи), один из организаторов первого празднования 1 мая 1891 года в Петербурге и России. Однако никому из этих революционеров так и не удалось перехватить «Потемкин» ни в Одессе, ни в Феодосии, ни в Батуме. (Из воспоминаний К. А. Бибергаль, Д. А. Клебановой-Лазуркиной, М. Г. Павловой. — Записи автора).

Одной из самых острых и по сей день остается проблема — с каким запасом топлива, пресной воды и продовольствия на борту «Потемкин» покинул Феодосию и куда он направился. Большинство исследователей (С. Ф. Найда, А. В. Федоров, М. А. Столяренко и др.) считают, что на борту корабля оставался самый минимальный запас топлива, воды и продуктов и уже в силу этого он должен был направиться в один из портов Румынии. Лишь в самое последнее время появилась другая группа историков (С. З. Лакоба, Р. М. Мельников, И. П. Лейберов), которые на основе анализа новых и уже известных документов убедились в том, что «Потемкин» из Феодосии направился к Кавказскому побережью.

..28 июня 1905 года феодосийский городской голова Л. Дуранте в своем обстоятельном докладе о пребывании «Потемкина» в Феодосии сообщил Таврическому губернатору, что «через полчаса (в 11 час. утра 23 июня — И. Л.) боевой флаг был спущен, броненосец быстро развел пары и, не сделав ни одного выстрела, взял курс на северо-восток (разрядка наша — И. Л.), а в 12 1/2 часов дня скрылся с горизонта» (Революционное движение в Таврической губернии, с. 83, док. 44).

Это означало, что «Потемкин» двинулся вдоль южного берега Керченского полуострова по направлению к Кавказскому побережью. Если бы броненосец сразу же из Феодосии направился в Румынию, он должен был бы развернуться на юго-запад и пройти мимо Судака и Ялты. Но этого не произошло.

Когда «Потемкин» покинул Феодосию, на его борту были значительные запасы угля и продовольствия. По свидетельству начальника Таврической губернской жандармерии от 25 июня 1905 года, в Феодосии на борт корабля было погружено 40 пудов хлеба, 200 пудов муки, 40 пудов мяса, 30 пудов капусты, 4 живых быка, 30 ведер вина; на нем оставалось 10 тысяч пудов каменного угля, в корабельной кассе было 24 тысячи рублей. Кроме того, на корабле был опреснитель морской воды, но главным образом для технических нужд (Восстание на броненосце «Князь Потемкин Таврический». Воспоминания, материалы, документы. М.-П., 1924, с. 266-267). Имеются непроверенные данные, что в Феодосии на борт корабля удалось погрузить каменный уголь с единственной фелюги (96 пудов). По нашим расчетам, с этим запасом угля и продовольствия (и при наличии опреснителя воды) «Потемкин» мог дойти до Сухума — Батума, а затем и до Румынии.

Имеются и прямые свидетельства того, что броненосец двинулся к Кавказскому черноморскому побережью в направлении Батума.

Приведем некоторые из них.

Из записей матроса-наблюдателя Кузьмы Перельгина: «В 12 часов дня (23 июня — И. Л.) снялись с якоря, взяв на буксир миноносец и держа курс на Батум, вышли в море... Не доходя Батума, ночью повернули на Констанцу. Ночь была бурная, с сильным волнением...» (Восстание на броненосце..., с. 251). Об этом же свидетельствует и большевик с 1904 года, друг Вакуленчука и Матюшенко, член судовой комиссии броненосца Иван Лычев, впоследствии видный партийный и со-

ветский работник, кавалер двух орденов Боевого Красного Знамени (Лычев И. А. Потемкинцы. М., 1965).

24 июня 1905 года Российское Телеграфное агентство сообщило: «Сухум. 24-го июня. По случаю появления броненосца «Князь Потемкин» власти имеют распоряжение не допускать сообщения последнего с городом (т. е. с Сухумом — И. Л.)» («Кавказ», № 159, 28 июня 1905 г.).

22 июля 1905 года газета «Кавказ» сообщила: «Когда в Гаграх получено было известие, что броненосец «Князь Потемкин Таврический» из Феодосии двинулся на юг, а затем телеграммы уведомили, что он прошел мимо Новороссийска на юг, то в Гаграх естественно возникла опасность, чтоб он не появился в их бухте... В сущности, Гагры были совершенно беззащитны перед броненосцем, который, пользуясь приглубокостью берега, мог подойти на вполне близкое расстояние и расстрелять Гагры даже из самой мелкой артиллерии» («Кавказ», № 183, 22 июля 1905 г.).

Имеются и другие подобного же рода свидетельства. По крайней мере тогда же, 23 июня, из Севастополя понеслись телеграммы в Новороссийск, Сухум, Поти, Батум о движении «Потемкина» вдоль Кавказского побережья. В три часа того же дня из Севастополя к Кавказскому побережью бросилась на поиски восставшего броненосца Черноморская эскадра в составе четырех броненосцев, крейсера, четырех миноносцев и еще двух боевых кораблей. В течение ночи и раннего утра на 24 июня эскадра трижды получала сообщения, что «Потемкин» прошел Адлер, Гагры и Новый Афон и движется в направлении Сухума и Батума (Мельников Р. М. Броненосец «Потемкин», с. 180-181). В эти же дни и часы военное командование подтягивало в районы Новороссийска, Сухума, Гагр, Поти и Батума крупные воинские части с артиллерией и пулеметами. А в районе Екатеринодара были сосредоточены значительные воинские резервы (ЦГАВМА, ф. 1082, 1905 г., д. 27, л. 96, 100 и др.).

Но как мы уже знаем, «Потемкин» не дошел до Сухума — Батума и в ночные часы на 24 июня развернулся на запад и ушел в Румынию.

...В утренние часы 25 июня 1925 года экипажи броненосца «Потемкин» и миноносца № 267 сдались румынским властям. Последние гарантировали потемкинцам свободу и невыдачу царским властям. Сроднившиеся со своим уже легендарным броненосцем и отныне обреченные на многие годы скитаний по

чужбине, с болью в сердце и со слезами на глазах покидали потемкинцы свой любимый корабль. В последний раз в строю едином строю прошли матросы по улицам Констанцы, невзирая на цепи румынских солдат, жители города встретили их «как настоящих героев» (из донесения русского консула в Петербург).

Одиннадцатидневная героическая эпопея броненосца «Потемкин» вошла бессмертной страницей в историю нашей революции. В те дни большевистский орган — газета «Пролетарий» (редактором ее был В. И. Ленин) писала: «Князь Потемкин Таврический» сдался румынским властям. Но разве это поражение революции? Нет, вся кампания этого первого революционного броненосца была сплошной победой революции... Тот могучий броненосец, которому суждено освободить Россию, корабль-скиталец русской революции — он жив, он цел, грозной громадой надвигается он на врага, зловеще сверкают жерла орудий, жадной боя сгорает команда, а высоко в воздухе радостно бьется и трепещет красное знамя свободы...» (Газета «Пролетарий», № 10, 20 июля 1905 г.).

Прозорливые слова! Прямым восприемником традиций «Потемкина» стал в феврале и октябре 1917 года легендарный крейсер «Аврора», что навечно стоит на Невском рейде великого города Ленина.

В течение одиннадцати суток всего восстания «Потемкин» фактически господствовал во всей акватории Черного моря. Действиями броненосца было смертельно напугано не только царское правительство, которое в панике посылало Черноморскую эскадру то в Одессу и к берегам Румынии и Болгарии, то обратно в Севастополь, Ялту и Феодосию, то к Черноморскому побережью Кавказа. Напуганы были правительства и правящие круги прежде всего причерноморских стран — Турции, Болгарии и Румынии. 26 июня 1905 года русский морской агент в Константинополе (Стамбул) телеграфировал начальнику штаба Черноморского флота: «Турция, пользуясь случаем с эскадренным броненосцем «Князь Потемкин Таврический», приступает к усилению Босфорских укреплений». На верхнем Босфоре устанавливались новые береговые орудия, пять линий минных заграждений (Лакоба С. З. Революционные выступления воинских частей в Абхазии в 1905 году и влияние на них броненосца «Потемкин». — Мацне. Серия истории, археологии, этнографии и истории искусства. № 2, 1982, Тбилиси, с. 75). Подобные же предохранительные меры принимали Румыния и Болгария. В случае, если бы российский мятежный бронено-

сец с флагом свободы прорвался бы через черноморские проливы в Средиземное море, он своим примером революционизировал бы народы не только причерноморских, но и средиземноморских стран (Греция, Италия, Испания, Черногория).

Чрезвычайно внимательно за героическим восстанием в походе «Потемкина» следил вождь революционной России В. И. Ленин. Он с жадностью прочитывал все сообщения о нем в русской и иностранной печати, которая доходила до Швейцарии. В своей известной статье «Революционная армия и революционное правительство» Владимир Ильич писал: «Громадное значение последних одесских событий состоит именно в том, что здесь впервые крупная часть военной силы царизма — целый броненосец — перешла открыто на сторону революции... Броненосец «Потемкин» остался непобежденной территорией революции, и какова бы ни была его судьба, перед нами налицо несомненный и знаменательный факт: попытка образования ядра революционной армии» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 336-337). Когда Ленин узнал, что после Феодосии «Потемкин» «отплыл по неизвестному назначению», вождь партии предполагал, что броненосец задался «целью поднять восстание во всех прибрежных городах» Черного моря (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 351).

Предвидение В. И. Ленина как стратега революции сбылось. Героический подвиг потемкинцев бесспорно ускорил развитие революционных событий в армии и на флоте, в Закавказье и России. И, в частности, в создании и деятельности Новороссийской, Кутаисской и Сухумской коммун в октябре-декабре 1905 года.

Бьют колокола памяти...
Четкий ритм солдатско-
го строя и звонко ожив-
ленный прибой де т в о-
ры с огромными букетами
цветов накатываются на го-
стей, собравшихся на откры-
тие Мемориала Славы. Раз-
ноголосый, разноязычный
гул...

Железобетонная громада
Мемориала — словно кос-
мический корабль, застыв-
ший на старте,—кажется,
вот-вот окутается клубами
дыма, загремит огнем из дюз
и устремится в беспредель-
ность... Но нет, твердо стоит
на земле, непоколебимо — как
память!

Граница.

За спиной — взлетная
полоса военного вертодрома,
спереди — площадь, первые
наметки будущего парка, а
дальше, за дорогой — Ав-
тозаводская улица.

Все это в комплексе, все
в единстве — мир должен и
обязан себя охранять...

И никаких трибун... Кан-
дидат в члены Политбюро
ЦК КПСС и пионер, седой
ветеран и вчерашний ново-
бранец, коренной кутаисский
рабочий и колхозник из рай-
она — все они едины перед
памятью. У всех перед
этой памятью одинаковые
права и одинаковый долг —
вечный, неоплаченный...

40 ЛЕТ
ВЕЛИКОЙ
ПОБЕДЫ

Даниил ДЖАНАШВИЛИ

ПАМЯТЬ

●
О черк

Кольшется людское море, волнами накатывается на гранитный постамент, на железобетонную арку храма Памяти.

Вот стоит высокий, седой худощавый человек в строгой пиджачной паре — Герой Советского Союза Иван Минович Дуплий, украинец из коренных кутаисцев.

Ничего удивительного — с городом Кутаиси — его судьбой, днем вчерашним, сегодняшним и завтрашним накрепко связали свои судьбы люди около семидесяти национальностей. Иван Минович — один из них.

Осенью 1935 года, без малого полвека назад, Мина Аниквинович Дуплий с семьей оказался в Кутаиси: друг его Тенгиз, с которым еще в двадцатом вместе сражались с врангелевцами да белопольяками, а потом разъехались по своим краям и изредка переписывались, уговорил перебраться к нему.

Мину просто ошеломило грузинское гостеприимство. Тенгиз на широкую ногу не жил, но всем на равных делился с другом. При большой семье, имея всего две комнатухи, ни секунды не колеблясь, большую уступил Дуплиям. Кусок хлеба — пополам... Старшим детям помог устроиться на работу, младшим — определиться в школу. Сын Иван пошел работать на строительство литопонного завода.

Три месяца проходил Иван Дуплий в учениках электросварщика, потом самостоятельно стал работать. Парню еще семнадцати не стукнуло, как его портрет появился на городской Доске почета. В комсомол вступил. Значок «Отличник Осовиахима» носил на груди, а он в те времена не маленькой наградой был.

Духовой оркестр пожарников играл вальсы, фокстроты, и по деревянному помосту кружились пары...

Там Иван и встретил Надю, молоденькую швею. Свадьбу сыграли честь по чести.

Надя на шестом месяце была, когда ему из военкомата повестку вручили.

* * *

Зачислили Ивана Дуплия в танковые войска. Сначала в механики — классный сварщик везде на вес золота, но Иван добился, чтобы его перевели в механики-водители — он боец, и место его в танке. Был в походе за освобождение Бессарабии и Северной Буковины, до самой границы дошел.

Служил отлично в 14-м отдельном танковом полку,

числился лучшим механиком-водителем. Ребята шутили — если «Дупло» захочет, он танк и польку плясать заставит! Наградили его значком «Отличник РККА», присвоили воинское звание заместителя политрука роты.

Уже полтора года он в армии. Конечно, соскучился по своим, а жена — она же рядом, каких-то двести километров отсюда! Поехала рожать к матери и там пока осталась. Он — отец! Смешно: отец, которого дочка в глаза еще не видела! Уже ходит, лопочет... С 1 июля ему краткосрочный отпуск положен. Съездит, с дочкой познакомится, с родней жены повидается.

18 июня отменили все отпуска. Приказа о боевой готовности, правда, еще не было, но командир полка принял меры.

22 июня, еще до рассвета, когда все началось, очень пригодились эти принятые командиром меры — враг не застал танкистов врасплох.

Почти месяц 14-й отдельный танковый полк сдерживал немцев на Пруте, сковав у границы две их дивизии.

Силы были настолько неравные, что если бы это не происходило на самом деле, то в «Унгенскую оборону» просто невозможно было бы поверить. Десять, двенадцать фашистов на одного нашего! Но танкисты не только отсиживались в обороне. Они кидались в такие контратаки, что Прут выходил из берегов, не в силах вместить в свои воды трупы в серо-зеленых мундирах.

Вражеское нашествие, словно половодье, обтекало полк и слева, и справа, все ту же затягивалась горловина свободного прохода в тылу, а танкисты держались, и только по настоятельному приказу командования начали медленный отход через всю Бессарабию на Украину.

Ох, и тяжелым был этот отход — немцы с трех сторон зажимают, к Ворошиловграду подошли без единого танка. От батальона, где служил Иван, семнадцать человек осталось...

Четыре бесконечных месяца крутился Иван в огненной круговерти, был награжден медалью «За боевые заслуги». Передышки не было — слишком туго приходилось Москве.

— Все перевидал я на войне, — говорит Иван Минович, — и крови нахлебался, и со смертью, как с милой, под руку ходил, ко всему будто привык, но не дай боже еще хоть раз испытать отступление. Похуже кошмара и на том свете не будет, в наисамострашнейшем аду! Голова от одних дум на тысячу частей раскалывается.

И хоть верь, хоть нет — потяжелее дум этих кошмарных глаза были. Уходишь на восток, оставляешь село или деревню, поселок или город, а в спину, побольше и пострашнее вражеских пуль да снарядов, глаза, взгляды оставляешь тобою людей. Особенно женщин... Не осуждающие, нет, и не презрительные — беспомощные! И такая боль в глазах этих, такая мука безысходная, что до земли пригибает человека. Как бы ты ни сопротивлялся врагу, какой бы героизм ни проявлял при этом, виноват лично ты — Иван, Нодар, Микола, Али — виноват, что жив, а уходишь, оставляешь кровь свою, душу, плоть на поругание врагу... А ведь отлично знаешь — умри ты сейчас, истребись до последнего, и им же, людям этим, уже никогда потом неба чистого не увидеть.

В начале октября сорок первого всех таких «беспризорных», как Иван, посадили в теплушки и ускоренным маршем перебросили к Туле — здесь формировался отдельный 143-й танковый батальон резерва Ставки Верховного Главнокомандующего.

Пришло письмо из дому. «Надя не приехала, — писал отец, — значит, эвакуироваться не успела. О худшем и думать боюсь. Клаву в армию забрали, и остались мы с матерью одни. Но плакать некогда, сынок, да и не до слез сейчас — работать надо».

Два тыла у бойца: общий на всех — Родина и свой особый на каждого — дом, семья, родной очаг. И оба поят его живительными соками, дают силу, уверенность. У Ивана второй тыл заколебался — закручинился солдат, затосковал. Думы о Надюше, о Раечке, о стариках душу изгрызли, а тут еще и Клавка прибавилась. Когда в армию уходил, девчонкой ведь была, за косички дергал, а теперь, надо же, и она красноармеец! Интересно, как она в форме выглядит? Да и потянет ли? Хотя, если честно, и хохотушка она, и плясунья, но любое дело всегда хорошо делала. И в армии, думаю, в грязь лицом не ударит.

На запад!

На новеньком тяжелом танке КВ от самой Москвы до Старицы дошел Иван в зимнюю кампанию 1941-42 годов... Бои были тяжелые, изнурительные, но не от них поседели виски у двадцатидвухлетнего гвардии старшины. То, что он видел на пути вражеского отступления, не уместалось в сознании нормального человека. Выжженная земля. Сотни, тысячи, десятки тысяч повешенных, расстрелянных, заживо

сожженных женщин, стариков, детей... Кто они — фашисты? Люди? Ничего человеческого в них нет! Звери? Те на такое не способны... Но если понять не мог, знал точно — их надо уничтожать!

Из-под Старицы отдельный 143-й танковый батальон перебросили в район Сухиничи-Козельский. В составе 3-й танковой армии Иван участвовал в разгроме 20 отборных вражеских дивизий группы армии «Центр».

Потом началось переформирование 3-й танковой армии, продолжавшееся до 15 октября 1942 года. В этот день был получен приказ, и 55-я бригада армии своим ходом двинулась в район Калача — начиналась завершающая стадия великой Сталинградской битвы, в которой танкисты, наряду с артиллеристами, сказали свое веское слово...

Сталинград! Город, окончательно и бесповоротно похоронивший военную доктрину бесноватого ефрейтора. Город нашей неуязвимой славы. Правда, тогда некогда было думать о высоких материях — надо было закреплять победы, не дать танкам Манштейна пробиться к окруженным войскам Паулюса. Только танк Ивана в этих немислимо жестоких боях уничтожил пять немецких танков, 4 пушки, доты, дзоты и до 80 солдат...

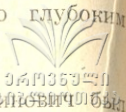
Когда в 1962 году директор Кутаисского литопонного завода добился возвращения Ивана Миновича на родное предприятие, он отлично знал, для чего это делает. Бог весть, как разглядел начальник отдела сбыта Кутаисского автозавода будущего снабженца, но в выборе явно не ошибся.

Снабженец должен быть деловым, инициативным, про- бивным и непременно обаятельным — «коммуникабельным», как сейчас выражаются социологи, человеком. Всеми этими качествами Иван Минович обладает в полной мере. При этом «эффект наличия» Золотой Звезды Героя играл, видимо, не последнюю роль.

Не вдаваясь в подробности работы начальника отдела снабжения завода за все годы, могу лишь сказать, что 1983 год завод завершил с отличными показателями, и на фоне победных реляций как-то забылось, сколь велика была доля снабженцев в этой победе.

— Хочешь верь, хочешь нет, — улыбается Иван Минович, повторяя свою любимую присказку, — наша работа — каждодневный бой. Тут и разведка, и развертывание по фрон-

ту, и обходные маневры, и даже рейды есть по глубоким тылам...

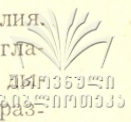

После битвы за Москву, за которую Иван Минович награжден орденом Красной Звезды, 143-й танковый батальон вошел в состав 55-й танковой бригады 3-й танковой армии. Дуплия, как опытного танкиста, хотели назначить командиром танка.

— Еле отбоярился. Моя стихия, — говорит Иван Минович, — вождение. Наверху, в башне, всегда как-то неуютно чувствовал себя. В экипаже четыре человека, и каждый из нас в бою делает свое дело. И каждый, — повторяет он, — каждый незаменим. И успехи, и неудачи у нас всегда общие. Убьем одного фашиста — на каждого из нас по четверти его приходится. Погибает один наш — и каждый из оставшихся сам на четверть убит... Ведь что такое танковый бой? В перископ обшей стратегии не видно — решаются задачи местного, локального, так сказать, значения: поддержать пехоту в атаке, помочь в отражении атаки врага, взять населенный пункт, войти в прорыв... Это в штабах, начиная с дивизии и выше, уже стратегия — боя, битвы, кампании. А на нашем уровне — простая сумма ювелирного по точности и скоростного по исполнению маневра, высокой плотности огня и умения обрушить его в первую очередь на самый угрожающий объект. Сделаешь это — будешь жить, нет — протянешь ноги, да еще и других подведешь. Раз в кино смотрел я танковую атаку, от души посмеялся — пока немец до наших окопов дополз, больше сорока выстрелов сделал. Зачем же, спрашивается, полз он до окопов этих? Чтобы, как спичечный коробок, сгореть? Снарядов-то больше у него нет, голенькими руками можно взять... Нет, брат, если бы все немцы были такими дураками, какими их иногда представляют, не пришлось бы нам до Берлина через Сталинград топать. Они хорошо воевали, умно, — Иван Минович засмеялся. — Да, видать, наши воевали лучше, потому что пересилили. Все решало опережение на какие-то доли секунды... Вот что такое танковый бой и неумолимая его арифметика.

Передышка после сталинградской битвы оказалась недолгой. 5 июля началась великая битва за Курскую дугу, а уже 12-го Брянский фронт, первым из всех наших фронтов, перешел в контрнаступление. И, конечно, на его острие были танки и авиация.

Рота старшего лейтенанта Федорова на полном ходу

ворвалась в село. Первым шла «тридцатьчетверка» Дуплия. Ошеломила тишина. В бою она не к добру. Иван во все глаза смотрел в смотровую щель, и вдруг волосы встали дыбом — в раскрытых дверях сарая медленно, не спеша разворачивалось дуло длиннющего орудия... Всего несколько метров и несколько секунд... Потом бывай здоров, Ванюша, пиши с того света... Нет, г-а-д, сам пиши оттуда, — резко на себя рычаг, и на сарай... И товарищей предупредить успел до того, как сам всей громадой танка обрушился на врага. Это потом уже военные историки установят, что то была первая самоходно-артиллерийская установка «Фердинанд», уничтоженная на советско-германском фронте. Танкистам же было не до выяснений... Тогда заполучили очень ценный трофей — в сарае, оказывается, прятались два «Фердинанда».

— Задание, прямо скажу, для танкиста необычное, — комбриг полковник Чингин озабоченно почесал затылок, — рейд в тыл противника надо организовать, мост взорвать. Чего глаза вылупил — немцы гонят и гонят по нему эшелоны, и все «тигры» да «пантеры»... Если сегодня не выведем его из строя, завтра нам туго придется. Вот, смотри, — оба склонились над картой, — тридцать километров. Проход артиллеристы обеспечат, через десять минут начнут концерт. Минеров в танки посадишь, взрывчатку туда же... Главное — до этого леска дорваться, а потом уже не страшно — до самого моста у немцев нет заслонов... Первым Дуплия пусти, он везде пройдет... И еще, но просто для ясности — без фейерверка назад не возвращайся. Трибунала ждать не буду, пристрелю сам...

До чего же хороши июльские ночи на Орловщине, до чего светлы и прозрачны! Как раз оно-то и худо — сейчас бы танкистам тучку почернее да ливня похлеще, чтобы немец из окопа носа не высовывал. И коротка июльская ночь. А до рассвета не обернешься — крышка. Была рота Федорова, и не станет ее, с потрохами съедят.

Как ни удивительно, до моста за полтора часа дошли. А ведь две схватки были с пехотой, да еще этот случай с «тигром» — расскажешь, и не поверят!

Примерно в полукилометре от столь желанного леса в ночном полумраке Ивану почудилось, что возле дороги стоит дом... «Откуда? Не должно его быть! — Про себя удивился, пригляделся внимательнее. — Боже, какой к черту дом,

танк это... Вот громадина! Настоящий динозавр. Так вот ты какой — «тигр»!

Решение пришло мгновенно: танк стоит на обочине сразу у левой гусеницы обрыв, — ударить сбоку да по сильнее — непременно свалится! А пушка возьмет или нет, черт знает...

— Командир! Отводи дуло, на «тигра» иду! Держись, братва!

Он знал, что идет на верную смерть, как знал и то, что после этого остальные танки непременно прорвутся к лесу и выполнят свою задачу. Максимальная скорость, страшный удар, задний ход и... чудо-машина послушна рычагам! Все живы! Оглушенные, побитые, но живые!

А «тигр» сначала медленно-медленно, потом все быстрее начал заваливаться на бок и загремел по откосу.

Выскочить-то экипаж выскочил, но уйти, извини, пожалуйста, наши не позволили, рядом с танком уложили...

Задание рота Федорова выполнила полностью — и фейерверк устроила, и эшелон с техникой и живой силой врага на дно реки навеки уложила, и, что не так уж мало важно, в полном составе вернулась через линию фронта.

Так и есть — командование не поверило, что «тигра» протаранили: косо ухмыльнулось — рыбаки тоже, мол, во-о-от таких щук ловят! На следующий день, только отогнали немцев километров на десять, сразу комиссию организовали, все из большого начальства, проверили и рты разинули: не врут, ей-богу, не врут танкисты!

Это был первый в истории Красной Армии таран танка танком, причем средний танк таранил тяжелый, и не только остался цел и невредим, но и продолжал выполнение боевого задания.

О Иване Миновиче и его подвиге узнал весь фронт. Сначала корреспондент дивизионной газеты терзал его часа два, потом из «Красной Звезды» пожаловали. Сердился Иван — не до вас, мол, воевать надо... Но неспроста им так интересовались. О «тиграх» тогда ходили самые разноречивые слухи, и, что греха таить, очень все его боялись. А тут обычная «тридцатьчетверка» уложила хваленого «полосатика» на обе лопатки. Значит, не так страшен черт, как его малюют!

И когда через неделю под Прохоровкой началось величайшее танковое сражение Второй мировой войны, уже никого не удивляли такие тараны. «Дуплий мог, можем и мы!». И никакие комиссии больше не назначались...

Бои за деревню Собакино, узловой пункт немецкой обо-

роны, были ожесточенными. Только за один день танковая бригада Чигина уничтожила 40 танков, множество другой боевой техники врага и до полутора тысяч фашистов. Многие наших легло под Собакино. Почти половина танков бригады пылала кострами, и в яркий солнечный полдень было темно, как ночью, от дыма. Погиб и славный комбриг Чигин...

— Прощай, командир! Мы отомстим за тебя!

И снова яростные атаки, ожесточенное бешенство боя, и... дрогнули немцы — наши танки устремились в прорыв!

Как всегда, впереди федоровцы, впереди Дуплий... Деревню прошли, как иголкой, вырвались на оперативный простор и вдруг пришлось остановиться — из-за густого тумана — никакой видимости, и лишь у самой земли примерно на метр в высоту кое-что проглядывалось.

Командир высунулся из башни, огляделся. Что за черт, наших не слышно!

— Эй, Дуплий, бис тебе в лопатку, куда гнал? Оторвались, а боеприпасов совсем нету. Да и туман...

— Тшш... тише! — Иван вылез из люка, лег на землю.

— Часть какая-то идет...

— Наши или фрицы?

— А шут их знает. Сапоги только видны... Откуда здесь быть нашим! Фрицы это, командир... ей-богу, фрицы!

— Живо в машину и замри, чтобы и муха не услышала...

— Но...

— Никаких «но»! У нас всего два осколочных...

— Гусеницами, гусеницами, командир! Ей-богу, очухаться не успеют.

Командир на минутку задумался, решительно захлопнул люк.

— Жми, Ваня!

Дуплий на медленных оборотах пристроился сзади к колонне, глубоко вдохнул воздух, вытер о штанину вспотевшие вдруг ладони и двинул рычаги на максимальную...

— Только не стрелять — разбегутся!

И пошел... зигзагами, как просеку в лесу валить...

— За командира!.. За ребят наших!.. За дочку мою!..

Все произошло так неожиданно и стремительно, что только несколько немцев сумело отскочить в сторону. Целого нехотного батальона как не бывало...

Командующий 3-й танковой армией генерал Рыбалко

сам прибыл в часть. Обошел со всех сторон смущенного Ивана, удивленно пожал плечами.

— И даже стрельбу не открыли?! Ха-ха-ха! Не выдержал, расхохотался. — Нет, старшина, это нечестно... Как же ты Гитлеру в глаза посмотришь — за минуту батальон у него слопал! Что, комбриг, накажем его? — И сразу стал серьезным. — Представить к званию Героя Советского Союза! Поздравляю, сынок! И спасибо тебе, большое спасибо!

Пересохло во рту, комок застрял в горле, и все же не ступшевался гвардии старшина Иван Дуплий, вытянулся:

— Служу Советскому Союзу!

На фронте с командующим Иван еще раз встретился при форсировании Днепра.

Все, что можно было собрать в окрестностях, саперы собрали. Даже три уцелевшие хаты разобрали по бревнышку, но для танков переправа явно была слаба. А на куцем плацдарме того берега наши держались из последних сил.

Сунулся первый танк, метров десять прошел, одно неуловимо неверное движение механика-водителя — и тридцатитонная махина пошла ко дну.

К самой переправе подъехал на «Виллисе» командующий. Вылез из машины и вместе с комбригом взошел на настил, не обращая никакого внимания на рвущиеся вокруг снаряды. Опытным взглядом оценил обстановку, резко повернулся к комбригу.

— Перейти можно... Только механик нужен высшей пробы... Можешь такого дать?

— Дуплия разве...

— Немедленно его сюда!

Еще на марше комбриг поручил Ивану лично отрегулировать всю матчасть полка. Срочный вызов озадачил старшину — ведь это сам командующий! Вытянулся, отрапортовал. Генерал сразу узнал его.

— Вольно, старшина! А ну, давай прогуляемся. — Теперь с Иваном пошел по переправе. — Как думаешь, пройти можно?

— Можно-то можно, но...

— Ты мне голову не морочь. С «но» всякий пройдет! Без него можно?

— Да, товарищ генерал! Но есть у нас несколько новичков, трудно им...

— Не о них сейчас речь. Слушай, гвардии старшина!

Приказываю лично тебе самому переправить все танки на тот берег... Да чтоб как по ниточке! — Доверительно взвзав Ивана за руку: — Очень это нужно, старшина. Очень.

И Иван Дуплий в этом аду, в этом кровавом месиве выполнил приказ: шестнадцать раз бегом возвращался назад, перевел все танки на правый берег и хоть бы царашину подлучил... Тут же на переправе генерал сам прикрепил ему к гимнастерке орден Боевого Красного Знамени, крепко расцеловал.

— Спасибо, лучший механик-водитель Первого Украинского фронта!

Танковый удар позволил расширить плацдарм на том берегу, а тем временем саперы рядом с «временкой-соплей» проложили добротную понтонную переправу, и вся третья танковая армия генерала Рыбалко перешла на правый берег Днепра и устремилась на охват Киева с севера...

Страшный удар... Мрак, боль... Тошнотворные запахи полевых и стационарных лазаретов...

«Как же жить дальше? И стоит ли? Двадцати пяти нет, а уже списан подчистую... И ничего ведь не успел. Другие в твои годы орлами становятся, Ваня, а ты и в мокрые курицы уже не годишься... Ох, старшина, куда едешь, зачем? Может, жена встретит, дочка ручонками обовьет? Нет, брат, не дано тебе этого! В армию путь заказан, да и в сварщики тоже. Ну что, старшина, может наберемся, наконец, мужества и поставим на всем крест...»

И не заметил, что последнюю фразу сказал громко. Сидящая рядом молодая женщина вскинула на него большие печальные глаза, вытащила из рюкзака книгу и протянула ему.

Иван удивленно посмотрел на женщину, потом на книгу — «Как закалялась сталь».

- Зачем? Я не раз читал ее...
- Пожалуйста, прочтите еще раз!
- Спасибо, сестренка, я все понял!

Десятидневная болтанка в вагонах вконец истомила Ивана. Сошел на перрон кутаисского вокзала, и перед глазами красно-зелено-желтые круги поплыли. Еле на ногах устоял. А тут еще этот противный мартовский ветер. Вроде и солнце печет, а от холода зуб на зуб не попадает... Перед

вокзалом пусто, ни фаэтонов, ни бричек. Хорошо, до Дома близко.

Мать в слезы, отец молча сопит, а у обоих в глазах, такая радость неопиcуемая...

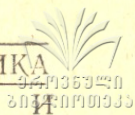
И недели не усидел Иван дома, пошел к себе на литопонный нормировщиком. Сначала было очень трудно. Изводили слабость, головокружения, тошнота. Постепенно стало легче, в работу втянулся. Парторг завода Шота Микаберидзе, тоже из списанных фронтовиков, привлек кандидата в члены партии к общественной деятельности. И ожил Иван, увидел, что нужен людям...

Однажды рабочие прибежали к парторгу, «Комсомолку» принесли. Не наш ли это нормировщик, спрашивают, и имя, и отчество совпадают. Секретарь немедленно созвал членов партбюро. Бросились искать героя, а того нигде не видно. На перевязку, оказывается, ходил.

Ведь ждал человек, верил, а прочитал Указ и не знал, что сказать. Стоял и улыбался.

Потом общегородской митинг — чествование первого Героя Советского Союза из Кутаиси, прием у первого секретаря горкома партии Г. Е. Нарсия, первый нормальный костюм в своей жизни — для Героя, даже в военную пору, как не постараться! Поездка в Москву. Кремль. Теплое поздравление Михаила Ивановича Калинина. Потом встреча с семьей — живы, здоровы! Знакомство с семилетней дочуркой Раечкой. Рождение второй, Людочки, и... обычные человеческие будни.

В Кутаиси на улице Ломоносова в обычной городской квартире безо всякой роскоши и разных претензий при дочери Клавдии Миновне, главном бухгалтере литопонного завода, живут старики Мина Аникиевич и Прасковья Антоновна Дуплии. Обоим уже под девяносто. Глубоко пустили они свои корни в эту землю. Вольно и широко шагают по ней дети их, внуки и правнуки — иваны, нодары, миколь и все другие... Несть числа им. И никому не позволят они по-рушить такой ценой завоеванный мир.

ПОЭТИЧЕСКОЕ слово подобно уравнению со множеством неизвестных, решая которое читатель как бы постигает сокровенные мысли поэта. Но проходит время, и тот же читатель находит в нем все новые мысли и чувства, убеждается в том, что невозможно до конца познать тайнопись поэтического слова, ибо в нем заключена вечно меняющаяся и необъяснимая человеческая жизнь.

Подобные мысли овладевают читателем, когда он знакомится со сборником стихов Шота Нишнианидзе «Такъв этот мир».

Поэзия в первую очередь — национальный феномен. Язык — выразитель души и мыслей миллионов — требует, чтобы поэт сказал о жизни так, как никто до него не говорил. Ведь в языке незримо живет история народа, бьется таинственный нерв бытия. Поэтому и пронизаны такой страстью строки Шота Нишнианидзе. Им словно тесны рамки стихотворения, и они ломают их, как бушующая река крушит плотину... Неукротимой страстью к жизни, ветром волнующих иллюзий дышат его строки, в которых воплотились не только осязаемые предметы, но и тени, колеблющиеся в зыбком свете воспоминаний.

Шота Нишнианидзе не конкретизирует детали, бытовые реалии. Он стремится к обобщенному образу души и настроения, сильным эмоциям, часто обращается к прошлому, уходящему корнями в язычество. И это героическое прошлое, которое хранит память нации, поэт делает соучастником нашей жизни.

Эмоция — форма его связи с миром. Внешне спокойный, невозмутимый, он вселяет в нас дух борьбы и непокая,

Сосо СИГУА

ПОИСКИ ГЕРОЯ

приобщая к своей исполненной драматизма внутренней жизни. Поэзия — это всегда выражение личностной психики в образах, персонажах, идеях. Муза поэта не призывает к слабости, не наставляет, не развлекает — поэзия Шота Нишнанидзе заряжает наши души любовью к жизни, которая вдохновляет на добрые, благородные дела, на борьбу. Она еще раз напоминает, что земля, на которой мы живем, как колокол судьбы, бьет в наши сердца, и необходимо чутко прислушиваться к ней.

Любовь к жизни — смысл его поэзии.

Основы поэзии Шота Нишнанидзе — миф и история, которые дополняются ассоциациями, видениями, аллюзиями. Поэт проникает до глубочайших национальных корней в древнейшие пласты, чтобы почерпнуть там заряд бодрости, жизненной стойкости и привнести его в нашу жизнь, сделать стимулом для сегодняшнего героизма.

Выражая свои чувства и мысли, Шота Нишнанидзе редко прибегает к форме монолога или исповеди. То, что он хочет сказать, обычно вкладывается в уста реального или вымышленного персонажа. Порою даже кажется, что связь с поэтом-субъектом утрачена. На самом же деле каждый предмет или понятие является символом, выражающим волнения души автора, его печали и радости, спасающим его внутренний мир от хаоса.

Тевдоре, Цотнэ, Брут, Уитмен, Чапаяв, хевсур или монгол являют собой как бы расчлененное поэтическое сознание, выражение скрытой его сущности.

Поиск героя поистине был одиссеей поэта. Ему нужен был герой, который стал бы олицетворением не только субъективных видений, но и выражением настроения масс, провозвестником будущего, чье сердце могло вместить печали и радости всего народа.

Поэзии Шота Нишнанидзе чужда ювелирная точность и красота, она скорее выражает мощные движения масс и пламенные страсти. Такого стиля поэты видят смысл жизни в разрушении и созидании. В их произведениях звучит суровая воля бытия, которая, подобно землетрясению, обнажает новые рельефы.

Пафос, патетика, романтика, напряженность эмоций, стихийный эстетизм поэта проявляются в энергии слова, в новой яркой системе метафор.

Затем это первичное словесное начало, которое определяет личность поэта, его темперамент, его сознательные

или скрытые стремления, распадается, разветвляется, наполняется жизненным содержанием, духовным опытом, вызываящими воспоминания о героических днях, ностальгию, своего рода печаль и тоску по утраченному.

Поэтическое слово Шота Нишнианидзе насыщено драматическими и трагическими интонациями, теми идеями и страстями, которые движут историей, и выявляет то важное и главное, что требует от человека максимума усилий.

И в этом романтическом взлете, поистине дионисовом разрушении-созидании, вдруг сверкнут нежнейшие строки, словно цветы, распустившиеся на окаменевшей лаве.

Правда, внешне упорядоченная сегодняшняя действительность словно бы призывает к покою, но ведь на самом деле она исполнена тревоги и напряжения. Поэт проникает в глубинные пласты чувств, мыслей и явлений, расшифровывая и поясняя их. Патетика, романтический дух, боевой настрой и драматизм ушли в глубины подсознания, но человек продолжает жить ими, они придают ему силы и энергию. И никогда не исчезнет антагонизм между этими понятиями и пытающимися обесценить и дискредитировать их культом комфортабельной жизни, обывательским молчанием, иронией и цинизмом.

Поэт проповедует активизацию изначальных сил, движение вперед и обновление, дабы река жизни не превратилась в болото. Подобно реставратору, он пытается воссоздать изначальную архитектонику души, ведь недаром он обращается к легендам и истории. Поэт ищет своего идеального героя в миражах прошлого, в руинах крепостей, в рокоте морских волн, в туче стрел, в ржанье коней. На наших глазах рождается активная личность — боец и создатель, пишущий летопись труда и борьбы. Может, именно поэтому «рукоять мотыги» вызывает ассоциацию с «древком копья», кисть живописца походит на меч, а души предков воплотились в лозу, растущую на грузинской земле.

Поиск героя привел поэта к образу коммуниста.

Революционная романтика оказалась очень близкой Шота Нишнианидзе, и это весьма закономерно. Жизнеутверждающий пафос, монументальный стиль, культ героики, стремление воспеть величие наших дней — все это соответствует духу обновления.

Словно нужен был новый импульс, изменение ситуации для того, чтобы вместе с богочеловеком и историческими

героями увенчать лавровым венком мученическое чело «большевиков в долгополых шинелях».

Легендарные революционеры — потомки Прометея, ратившие в действительность вечную мечту, — создали миф нового времени.

Интересно, что Шота Нишнианидзе считает себя опоздавшим участником великой эпопеи: «О, как горько родиться поздно, до тебя потухли закаты многих Бастилий, до тебя были баррикады Петрограда., штурм Зимнего дворца... и девятое мая»¹. «Эскадрон, призови меня в свои ряды, а то наступает время листопада», «И хоть жизнь прошла незаметно, как ты, (я) готов пасть, капитан».

Но слово поэта, пронизанное дыханием и биением его сердца, должно прорваться сквозь время и расстояния.

В старину поэты, по всей вероятности, были воинами, в период классовой борьбы — революционерами. Новое время направило личностную энергию в другое русло, преобразовав боевой дух в дух созидания. Поэтому поэт, как и весь народ, внешне невозмутим, спокоен, скромнен. Но пламенные его строки свидетельствуют о том огне, который бушует в глубинах его души, откуда поднимаются тени замученных воинов, борцов.

Образ коммуниста осмыслен Шота Нишнианидзе в широком контексте. Внимание его привлекает не только сегодняшняя жизнь, но и прошлое — гражданская война, бои на баррикадах, Великая Отечественная война. «Коммунисты», «Мальчики», «Баллада о капитане», «У барьера», «Календарь поэзии», «Железный эскадрон», «Комсомолу Грузии», «Другу-поэту», «Кесарю кесарево», «Весенняя», «Абхазская кантата» и многие другие — это произведения, которые явились новым этапом в грузинской гражданской поэзии, разрушили ставшие догмой схемы и зажгли священным огнем сердца людей.

В период борьбы за общее обновление и оздоровление поэт показал нам идеал героя, в стремлении к которому — смысл жизни. Перед нами, как легенда нового времени, мчится железный эскадрон, ребята упрямо заигрывают с огнем и историей, снаряд попадает в баррикады, надежда народа в руках молодых, они ставили свои первые колышки в винограднике и первыми погибли в бою. Удивляясь внезапно на-

¹ Здесь и далее стихи даны в подстрочном переводе.

стигнувшей его смерти, погибает мужественный капитан, погибают герои, но как знамя передают друг другу веру и надежду. «Коммуниста имя носить разве все мы достойны? Отрашено это слово кровью, кровью героев!» В представлении поэта его письменный стол — та же баррикада.

Мы часто говорим о том, что поэзия Шота Нишнианидзе корнями уходит в грузинский миф и историю. Но поскольку стремление в глубины означает постижение общечеловеческих извечных чувств, приближение к первообразу человеческих мыслей и переживаний, каждый большой национальный художник — интернационалист по природе, близкий народам всех стран и времен. Вместе с тем и сам художник примеры героизма, возвеличивающие род человеческий, воспринимает как нечто близкое, родное, стимулирующее движение и прогресс, вдохновение. Потому нам так близки испанец Лорка, чех Жижка, русский Муромец, поляк Корчак, украинец Тарас Бульба.

Как тут не вспомнить стихотворение о подвиге профессора Жордания или балладу о спасении грузинского народа. Грузинские послы в белых чохах спешат на север, чтоб просить помощи у единой России для своей разоренной, расчлененной на царства и княжества страны.

Каждое напоминание о герое, взгляд в прошлое нужны поэту, чтоб вселить веру и вдохновение в своего современника, чтоб было сжато больше хлеба, написаны лучше песни, построены еще более красивые дома, чтоб ярче светила душа.

Поэт в равной степени питает уважение к людям интеллектуального и физического труда. И он создает задравные гимны виноградарю и скульптору, хлеборобу и землепашцу, и герой, которого он искал в сказках, снах, в шелесте травы и в криках иволги, сотни раз убитый и сотни раз воскресший, обрабатывает пашню, ведет комбайн, строит дома, сажает лозу и «кровью и потом» пишет героическую биографию века.

Лина ХИХАДЗЕ

**ПУШКИНСКИЕ
„МЕДНЫЙ ВСАДНИК“
И „ЦВЕТOK“ В
ГРУЗИНСКОЙ ПОЭЗИИ**

●
МОМЕНТЫ ВОСПРИЯТИЯ

В ХОЖДЕНИЕ любой ли-
тературы в мир другой
литературы всегда в опре-
деленной мере адаптация,
приспособление, даже при
условии ее целостного вос-
приятия. Зеркального отра-
жения нет и не может быть.
Живой, живущий по своим
законам организм — худо-
жественная система — на-
чинает существовать в чу-
жом мире, за которым —
несходный духовный опыт
и другая культурно - исто-
рическая среда. Особенно-
сти его вхождения в нацио-
нальное общественно - ли-
тературное сознание обус-
ловлены, с одной стороны,
заказом воспринимающей
культуры, с другой — самой
природой художественного
явления, предстающей «как
постоянное и в то же вре-
мя изменяющееся соотно-
шение эстетически значи-
мых величин»¹. Инонацио-
нальное «бытие» художест-
венного явления (отдельного
произведения, творчества пи-
сателя, литературы в целом)
по-особому вскрывает мно-
гозначную, многомерную
объемность, какой обладает
каждое значительное худо-
жественное явление. Это —
иногда — перестановка ка-

¹ О некоторых направлениях
литературоведческих исследо-
ваний. Журн. «Русская ли-
тература», 1973, № 1, с. 6.

135349
02 010333

ких-то акцентов в пределах данного художественного мира, это — часто — обнаружение неких скрытых возможностей, заключенных в нем и оказавшихся в силу каких-то имманентных, «своих» причин созвучными родной литературе.

Ряд этих возможностей, скрытых и явных, ради ставки на их активную роль в национальном литературном процессе предпринимаются, в частности, переводы в те напряженные периоды сдвигов, общественных и эстетических, когда люди особенно активно обращаются к достижениям инациональных культур и когда другая, «спокойная», культурно-познавательная функция переводческого жанра выглядит почти излишеством. «Прочсть» литературу в контексте другой, воспринявшей ее культуры, прослеживая те интерпретационные сдвиги, которым страна и эпоха в согласии со своими задачами подвергает воспринимаемый материал,—это значит попытаться выяснить, как на этот раз, в этом национальном контексте осуществляет себя соотношение «динамически раскрывающейся структуры» (М. Храпченко) художественных миров и их социально-эстетической функции. Это значит, выйдя за рамки замкнутого текста, услышать литературу в практике ее реального существования, в гуле ее резонансов (если мы стоим на той точке зрения, что многозначность или, как теперь иногда говорят, поливалентность социально-эстетической функции заложена во внутренней логике художественного явления).

По этой же причине специфику инационального восприятия необходимо учитывать при изучении любой литературы, любого писателя, как реально существующий феномен. Собственно, только в результате изучения того аспекта художественного творчества, адресат которого — эта пространственно-временная отдаленность (историко-функционального изучения), можно судить о единой мировой литературе, как о глобальном культурном явлении, а заодно судить и о том, как вписывается в долговременную историю развития такой сложной системы, как мировой литературный процесс, каждая отдельная литература в каждую эпоху ее существования.

Известно, что рецепционный процесс осуществляется по разным каналам: критическое осмысление, переводы (подражания, переделки), различные сложные формы творческого усвоения воспринимаемых художественных явлений, то сложное и неоднозначное воздействие, которое принято называть неким творческим импульсом, в «снятом виде» входящим в новую художественную систему. Способность ориентации и выбора (одно из свидетельств духовной зрелости нации, сло-

жившейся самобытной силы ее, ощущающей потребность в более широкой сфере контактов), осознанность отбора в мировом художественном опыте тех питательных ферментов, которые могут обогатить собственную национальную традицию, действенное всего и, пожалуй, раньше всего сказывается в том, что переводится и как переводится, что и как «усваивается» (В. Г. Белинский), поскольку не только выбор, но и метод перевода часто определяется состоянием литературного процесса. «Перевод означает, что данная общественная проблема уже созрела в «воспринимающей» литературе, и до того, как она будет оригинально решена, ее пока заменит перевод. Но и впоследствии перевод функционирует как вариант решения проблемы или как факт ее «истории» в данной литературе» (В. И. Кулешов).

Когда Пушкина в конце 20-х—начале 30-х гг. прошлого века переводили ранние грузинские романтики (в «Европе и России не много найдется таких писателей, произведения которых грузины переводили бы так часто, как стихотворения Пушкина», — писала «Иверия») А. Чавчавадзе, Григол и Вахтанг Орбелиани, С. Размадзе, М. Туманишвили, Г. Эристави, когда к переводу одного и того же пушкинского стихотворения обращались сразу несколько поэтов-переводчиков, их переводческие усилия имели особую ценность и значение, то значение, о котором В. Брюсов писал так: «Поэтов при переводе стихов увлекает чисто художественная задача: воссоздать на своем языке то, что их пленило на чужом, увлекает желание «чужое вмиг почувствовать своим», желание завладеть этим чужим сокровищем. Прекрасные стихи — как бы вызов поэтам других народов — показать, что и их язык способен вместить тот же творческий замысел».

Кажется интересной мысль Тициана Табидзе, несколько парадоксально заостренная. Он писал А. Белому: «...пребывали в восточной лени и омархаямизме, если в этом и есть поэзия, все же она не одухотворена страданием мысли, чему и мы, в весь мир обязаны русской поэзии». Грузинский поэт очень чутко уловил и сформулировал одну из определяющих черт русской классической литературы от Пушкина до Достоевского и Чехова: высокое беспокойство мысли, особое ее состояние, которое он, и не он один, определил как «страдание мысли». По точному выражению Я. Голосовкера, Достоевский показывает, «как страдает самый ум человека»². Это свойство так

² Голосовкер Я. Э. Достоевский и Кант. М., АН СССР, 1963, с. 100.

сильно, что в значительной степени определяет и русскую рецепцию западных литератур, выделяя в них то, что соответствует собственному направлению: «Как только отпечатается прекрасный перевод «Фауста» Губера — перешлю. Там ты увидишь страдание мысли (курсив мой — Л. Х.), ты его не знаешь», — пишет А. И. Герцен Н. А. Захарьиной. (С другой стороны, прочитав «Былое и думы», В. Гюго писал их автору: «Вы мастер мыслить и страдать — два высших дара, какими может быть наделена душа человека»).

Одухотворенная «страданием мысли» поэзия для своего воплощения требовала иной ритмической структуры стиха, строй которого определялся бы не живописностью, а именно мыслью, ее движением. Происходят процессы, которые в самом общем смысле обозначают как «прозаизацию» стиха и которые в русской поэзии осуществлялись широким фронтом от Пушкина до Некрасова.

В. Шкловский, один из тех, кто заинтересованно приглядывался к своеобразию грузинского искусства, видел это своеобразие в особом «единстве», в том, что оно «не потеряло связи с фольклором, с мифом, что это — искусство, создающее и сейчас новые мифы, как это делал Важа Пшавела». «Единство это в том, — продолжает свою мысль ученый, — что оно связано с русским искусством, понимает французское искусство и искусство Востока». На первых порах, на заре формирования этого сложного и тонкого единства трудно переоценить значение «пушкинского присутствия», приходящего в соприкосновение с автохтонными формами поэзии. Переход к новой стилевой поэтике и поиски стимулов в инациональном развитии дали возможность переводу в полной мере осуществить основную свою функцию, состоящую в том, чтобы раскрывать внутреннее соизмерение двух или нескольких литературных систем.

«Произведения наших лучших поэтов — А. Чавчавадзе, Гр. Орбелиани, Н. Бараташвили, Рафаэла Эристави, И. Чавчавадзе, А. Церетели — несут отпечаток пушкинского воздействия», — писала «Иверия». Перечислены поэты очень ярких и разных дарований и индивидуальностей, резко непохожие друг на друга, и напрасно было бы ожидать, что далекое свечение пушкинской поэзии отразится в них во всех одинаково. Но то, что Пушкин, развив дальше, унаследовал от романтической школы, ее завоевание — интонационная гибкость стиха, соединенная в пушкинской поэзии с изяществом очень непростой простоты и высоким страданием мысли («Выстра-

данный стих, пронзительно унылый...»), было явлением, к которому грузинские поэты пристально присматривались. Свободное и легкое дыхание пушкинской строфы, пушкинское творчество, к которому грузинские поэты обращались так охотно и часто, было своего рода открытой лабораторией, полем экспериментов и исканий. Этот этап восприятия иностранной литературы (русской — и в частности, и как проводника общеевропейских веяний) в качестве основной своей формы выдвигает вольный перевод, перевод-вариацию. В пределах этого жанра достигается иногда большая степень приближенности, но пока грани между оригинальным и переводным творчеством зыбки, подвижны. Главная примета их сосуществования в пределах одной творческой биографии — взаимопроникновение, своего рода интеграция: перевод — частица единого творческого процесса. Поиски, начатые в переводе, переносятся в сферу оригинального творчества, и наоборот. Так Александр Чавчавадзе, который «проделал основную работу по овладению пушкинским стихом» (Т. Табидзе), обнаруживает в своих переводах особый интерес к новому строю мысли и к новым поэтическим формам, и не случайно поэт особенно внимателен к ритмической стороне оригиналов. Многие из его переводов, не опубликованные при жизни автора, были переложены на музыку и в таком, видимо, очень органичном для них переложении получили широкое бытование, совпав со стихийной романтической музыкальностью народа, среди которого распространялись. «До сих пор поются грузинскими девушками романсы и стансы Пушкина, переложенные А. Чавчавадзе на грузинский язык, — свидетельствовал К. Бороздин в 70-х годах прошлого века. Среди них — пушкинский «Цветок», перевод которого «распевали и распевают... даже в глухих деревнях».

Цветок засохший, безуханный,
Забывтый в книге вижу я,
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя...

Это очень внятный язык романтической поэзии. Цветок, кем-то забытый в книге, дает толчок грустным и «странным» мыслям о тех, кто его сорвал и положил сюда, об их судьбе, о мгновении, быстротечности человеческого счастья, жизни человеческой вообще. Эти раздумья воплощаются в яркую романтическую метафору. Забытый в книге цветок — ее зримое, образное воплощение.

Или они уже увяли,
Как сей неземной цветок?

Исследователи относят творчество А. Чавчавадзе к последней фазе старой грузинской лирики. «А. Чавчавадзе был последним языческим по мироощущению поэтом Грузии. Многие его стихотворения являются своеобразным этическим кодексом гедонизма»,—пишут авторы вступительной статьи к сборнику «Грузинские романтики»³, очень точно указывая вместе с тем на наличие в его творчестве элементов «самоотрицания», «преодоления и переосмысления собственной поэтики». Инкрустирование поэзии «восточными мотивами», зыбкая туманная прелесть стиха, оснащенного сложной рефренной структурой, его простодушная естественность, откровенная чувственность, язык иносказаний и намеков—все это еще присутствует в поэзии первого грузинского романтика, но уже становится явно недостаточным для выражения того нового поэтического строя мышления, который соответствовал духу времени.

Стихотворение «Озеро Гокча», один из шедевров философской и пейзажной лирики грузинского романтизма, действительно свидетельствует о том переосмыслении собственной поэтики, к которому шел А. Чавчавадзе. Но еще более, чем в оригинальном творчестве, он экспериментировал в области перевода. Собственно, это вообще показательно для переходных периодов: литературный перевод, отражая какие-то общие, существенные сдвиги, делается как бы предвидением того, что в скором времени станет эстетически реальным.

Цветок засохший, безуханный,
Лежал в книге, совершенно забытый;
Его вид мгновенно (вмиг) напомнил мне
Многократным (неотвязным) воспоминаньем
Сердце пораженное (раненое)...

Следуя за автором, поэт даже усиливает в своем переводе способность, готовность души к погружению в то состояние, которое Пушкин называет «странной мечтой», а Чавчавадзе— «многократным воспоминаньем». Оттенок неоднократности испытываемого состояния, акцентированный в переводе, заложен в оригинале: «Цветок... забытый... вижу... и вот уже...» (Еще сильнее это же состояние выражают строки другого пушкин-

³ Сб. Грузинские романтики. Советский писатель. 1978. Вступительная статья Г. Л. Асатиани и Т. П. Буачидзе.

ского стихотворения: «**Брожу** ли я вдоль улиц шумных, **вхожу** **ль** во многолюдный храм, **сизу** **ль** меж юношей безумных, я предаюсь своим мечтам»). Для А. Чавчавадзе, шедшего от ранних стихов к поэтическим обобщениям «Озера Гокчи», были интересны в смысле воплощения новых стиховых возможностей и интимность, и лиризм переживания природы, заключенный в пушкинской миниатюре, и, еще более, внутренняя философичность, выраженная в воспроизведении самого движения мысли — от ее рождения до конечного поэтического вывода: от моментального впечатления, возникшего в определенной эмоциональной ситуации, к концепции жизни, отражающей не только романтический тип сознания, но и чисто пушкинское ее восприятие; от засохшего цветка, случайно найденного в книге, к цветку-метафоре всей человеческой жизни, ее последнему, печальному и печаянному следу. Эта емкая по смыслу метафора (в отличие от привычных форм условной метафоричности, от традиционной метафоры-украшения), превращающая все стихотворение в развернутую аллегорию, должна была особенно привлечь внимание А. Чавчавадзе в его поисках новых поэтических форм.

А. Чавчавадзе «усваивает» грузинской литературе шедевры вольной лирики Пушкина — «Анчар», «Обвал», «К Н. Я. Плюсковой». Конечно, выбор прежде всего определяется уже сложившейся настроенностью грузинской романтической поэзии и ее гражданственностью как условием восприятия русского романтизма. Переводы А. Чавчавадзе органически дополнили его оригинальную поэзию, усилили ее вольнолюбивый накал. Но, помимо этого, стихотворения «Анчар», «Обвал», поэма «Медный всадник», которую он стал переводить в последние годы жизни, привлекли его, по-видимому, потому, что содержали в себе элементы, соответствовавшие утверждающемуся в отечественной поэзии (от «Гокчи» до «Мерани») стилевому направлению: развернутую метафоричность, множественность ассоциаций, присутствие тех оттенков «прибавочного смысла», который в полной мере воплощается только в контакте с настроенным на «ту же волну» читательским восприятием.

Принимающая литературная структура обладает крайне интересным свойством: она, когда это нужно ей, способна соединить, казалось бы, совершенно несхожие инонациональные идейные и эстетические элементы. «В межлитературных связях мы нередко наблюдаем схождение полярных эстетических структур, отделенных друг от друга не только своими

особенностями, но и хронологически», — отмечает известный словацкий компаративист Диониз Дюришин⁴.

С этой точки зрения аллегорическая стихотворная миниатюра «Цветок» и грандиозная поэма-метафора «Медный всадник», выражающая в этой форме важнейшие проблемы философии истории, входили в общую «программу» эволюции новой грузинской поэзии, отражая ее возраставшую философичность, ее тяготение к усложнению метафорического языка. Вообще сквозь такое схождение очень разных эстетических структур с особенной рельефностью просматриваются процессы, происходящие в воспринимающей литературе. Например, оба названные пушкинские произведения (опять-таки при всей их несоизмеримости) заключают в себе один общий и близкий духу новой грузинской поэзии момент: острое ощущение времени, взгляд из настоящего в прошлое и будущее, такую их переплетенность, когда возникает некий Образ Времени, настолько не абстрагированный, что сам по себе несет в себе возможность сильнейшего эмоционального воздействия.

Пушкин обладает трагическим восприятием времени. Это не «просто» свойственная романтическому мироощущению элегическая медитация о быстротечности времени. Это именно трагическая и по-пушкински мужественная мысль о жизни и смерти, о загадке человеческого существования, о беспощадном беге времени и о торжестве новой жизни и новой радости. Но склонность мыслить широкими временными категориями и в большом, и в малом, и в пределах жизни народов, и в пределах жизни человеческой очень свойственна и грузинским романтикам. По-видимому, в связи с этим можно даже говорить о некотором сходстве систем художественного мышления (при несходстве художественных решений). Не этим ли сходством объясняются и те реминисценции из пушкинских «Друзьям» и «Каверину» в стихотворении Н. Бараташвили «Моим друзьям», которые не раз обращали на себя внимание исследователей?

⁴ Диониз Дюришин. Теория сравнительного изучения литературы. М., 1979, с. 216.

У ПУШКИНА

Богами нам еще даны
Златые дни, златые ночи,
И томных дев устремлены
На нас внимательные очи;

Играйте, пойте, о друзья,
Утратьте вечер скоротечный,
И вашей радости беспечной
Сквозь слезы улыбнуса я.

(«Друзьям»)

Смешон и ветреный старик,
Смешон и юноша степенный.

(«К Каверину»)

У БАРАТАШВИЛИ

В дни молодости вашим
утром, Франним
Легко заботы сбрасывайте
с плеч.

Не придавайте важности
страданиям,
Слезам невольным не давайте
течь.

Спешите за минутами
вдогонку,

От них не отставая ни на миг.
Как резонерство раннее
ребенка,

Уродлив молодящийся старик.
Хвалю того, кто соблюдает

время
И весь свой век по возрасту
живет.

Перегорит и он страстями
всеми,

Переберет и он весь мир
забот.

(«Моим друзьям»)

Перевод Б. Пастернака

В приведенном стихотворении Н. Бараташвили и в пушкинских реминисценциях в нем образ Времени материализуется в той жесткости и неумолимости, с какой оно ставит условия человеку. Но поэтические «отношения» со временем подвижны и многообразны. В чавчавадзевском «Озере Гокча», например, «взаимоотношения» исторического времени и человека, пытающегося определить свое место в меняющемся мире, озвучены как диалог-спор с безнадежным для человека исходом. Иначе, так сказать, «на равных», складываются они в «Мерани». С пожизненно ему присущим сокровенным и бесстрашным чувством связи с будущим Н. Бараташвили Большому Времени адресует свой жертвенный и героический труд первопроходца. Обращение А. Чавчавадзе к переводу «Медного всадника» несло определенное идейное задание. Вне-литературные, так сказать, обстоятельства этого обращения освещены в соответствующей литературе. Но не в меньшей мере оно несло в себе и задание эстетическое, художествен-

ИКС 35340
802.52 П110133

ное. Присоединение к России мыслилось как акт несомненно прогрессивного значения, закономерный финал длительного исторического процесса. Но одновременно это решение было для многих грузин фактом личного духовного опыта, фактом внутренней биографии, становилось отдельной заботой и сугубо личной судьбой. А. Чавчавадзе не мог не привлечь заключенный в «Медном всаднике» «личный» аспект государственной проблемы: «...С одной стороны, тенденция беспощадного государственного строительства, с другой — тихая музыка любви и нежности»⁵. Начало личное и начало государственное, историческое выступают на равных: более того, представление об исторической закономерности, о государственной необходимости проецируется в великой поэме на личную психологию, на частную жизнь, и этот историзм в самом, так сказать, личном, интимном его проявлении оказывается созвучным грузинскому романтизму, лиризм которого с самого начала во многом определялся скорбным и высоким пафосом патриотического чувства. К тому же в этой проекции общего на личное виделась, быть может, возможность выхода из романтической дисгармонии, из камерной сосредоточенности на личном к масштабам, где все измеряется иными, глобальными категориями.

Ярчайший образец такого выхода — «Мерани» с его поразительным по интенсивности ощущением Большого Времени. В читательском восприятии этот образ реализуется не только как представление о жизненном пути, пути во времени или пространстве. Сложной нитью ассоциаций к нему подключается и представление о пути как о выходе из круга романтического одиночества, хотя бы посмертного, к тем, кому поэт адресует свой горестный, трудный, преисполненный жертвенного мужества почин.

...Ты протоптал свой след, мой конь крылатый,
И легче будет моему собрату
Пройти за мной когда-нибудь вперед.

(«Мерани») Перевод Б. Пастернака

Историзм мышления, склонность мыслить широкими временными категориями и в «малом», и в большом, и в пределах жизни человеческой, и в пределах жизни народов — качество, к которому очень тяготеет грузинский романтизм в творчестве его крупнейшего представителя.

⁵ А. Слонимский. Мастерство Пушкина. М., 1963, с. 307.

И еще: в поэме Пушкина совершается акт художественного познания. Заданность мысли в поэзии — принцип вообще глубоко враждебный всему пушкинскому поэтическому строю. Так и здесь: историческая концепция не задана заранее, автор к ней приходит как к итогу и конечному выводу, в результате столкновения различных точек зрения.

Сходный принцип лежит в основе построения поэмы Н. Бараташвили «Судьба Грузии», где авторская концепция исторически наиболее прогрессивного пути развития родины дается не в виде готовой сентенции, а утверждается в споре двух собеседников, двух государственных мужей — царя и канцлера. Скрытая основа поэмы Бараташвили — мысль. Это и сближает эту поэму с медитативной тональностью всей философской лирики Н. Бараташвили, но и напоминает о традиции, о чавчавадзевском «Гокча», где впервые в грузинской поэзии мысль представала в движении, как итог и поэтическое обобщение.

ХРОНИКА

ВЕЧЕР ПОЭЗИИ БЕЛЛЫ АХМАДУЛИНОЙ

В БОЛЬШОМ зале Грузинской государственной филармонии с большим успехом прошел вечер поэзии Беллы Ахмадулиной.

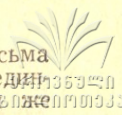
Вступительным словом его открыл критик Георгий Маргвелашвили. Он особо подчеркнул, что «Грузия вошла в стихи, в жизнь, в судьбу поэта...»

На вечере были прочитаны стихи — и хорошо известные, и из книги «Сны о Грузии», и новые, еще не во-

шедшие в поэтические сборники, а также много посвященный — А. Каландадзе, Ч. Амиреджиби и многим, многим друзьям из Грузии.

Более двадцати лет живет грузинская поэзия в творчестве Беллы Ахмадулиной, и эта последняя встреча в Тбилиси — еще одно свидетельство ее неразрывного творческого содружества с Грузией, грузинской поэзией и культурой.

«Примите мою любовь. Она неизменна», — сказала Белла Ахмадулина, прощаясь с тбилисцами.

ДНЕВНИК МАРИКИ

В течение восьми-десяти лет я воздерживался от публикации дневника, поскольку события, о которых рассказывается в нем, уже нашли своеобразное отражение в творчестве последних лет Симона Чиковани, а помогать творчеству биографией поэта я вообще считаю недостойным занятием. Но на протяжении этих восьми-десяти лет не было написано ни одной статьи или исследования, стихотворения или воспоминания о Симоне Чиковани, в которых не были бы упомянуты последние годы его жизни.

Столь пристальное внимание читающей общественности к последнему периоду жизни поэта привело меня к мысли, что читателю, вероятно, лучше будет получить информацию непосредственно из первоисточника.

Читатель должен понять, что вносить какие-либо поправки в дневник Марики было для меня совершенно невозможно. Лишь по этой причине в тексте оставлены

места, где родители весьма преувеличенно хвалят единственного сына. По той же причине не сократил я и места, вероятно, скучные для читателя: например, длинные перечни навещавших отца. Среди упомянутых в них имен одни хорошо известны широкой общественности, другие — нет. Я все же воздержался давать комментарии, чтобы избавить читателя от весьма однообразных объяснений: «друг юности Симона и Марики», или «старый друг нашей семьи», или еще «близкий друг нашей семьи». Я лишь прошу читателя считать таковыми большинство упомянутых в дневнике лиц, и если ему будет затруднительно отличить сестер Симона и Марики от их друзей, я это считаю справедливым, так как все они опекали и любили их одинаково.

Несколько слов о событиях, которые предшествовали написанию дневника. В августе 1962 года у Марики обнаружилась злокачественная опухоль. Ее оперировали и провели курс лечения, но ровно через год, в августе 1963 года, начались невыносимые боли в области шеи — метастазы, которые впоследствии распространились на позвоночник. Положение казалось безнадежным, но усилиями трех замечательных врачей — Л. Ю. Димарского, К. Л. Чхеидзе и К. Д. Мадича была достигнута так называемая ремиссия, то есть временное улучшение здоровья, в результате чего в марте 1964 года Марика поднялась. Но к этому времени в нашу семью пришла новая беда: еще во время кризис-

ного состояния Марики у Симона начало катастрофически ухудшаться зрение — практически он ослеп. Симона поместили в больницу, где его лечил профессор Н. И. Берадзе. Терапевтическое лечение оказалось бессильным. Поэтому решили опериро-

вать. До операции Симона выписали из больницы для отдыха, психологической подготовки к ней и лечения дна бета в домашних условиях. Было это 27 марта 1964 года. С этого дня и начинается дневник Марики.

Ника ЧИКОВАНИ

* * *

27/III-64 г.

Сегодня в семь часов вечера вернулся из больницы Симон. Я встретила его на ногах. Войдя в коридор, он, обессиленный, остановился и беспомощно сказал: «Ничего не вижу...» Это было страшно. Мы оба плакали. Потом он постепенно отвлекся — пришли наши, был и Гурам Асатиани.

28/III-64 г.

Симон признался, что, несмотря ни на что, ему приятно возвращение домой. Весь день держится молодцом. Сидит у моей постели в кресле. Читаю ему газеты и журналы. Вечером из Москвы позвонили Андрониковы, тепло и сердечно справились о Симоне. Были Бесо Жгенти, Этери Гугушвили, Гия Маргвелашвили и др. Перед сном читал ему Ника.

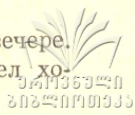
29/III-64 г.

Воскресенье. Кирилл Зданевич принес Симону свою книгу о Пиросмани, потом слушали радио — передача была о какой-то доярке. Симон сказал, что можно написать очень неплохое стихотворение о доярке: женщина, деревня, корова Пиросмани, теленок и др. Удивлен, что не писал об этом. Вечером, как всегда, были гости.

30/III-64 г.

Сегодня у Симона плохое настроение. Я предложила поехать в Москву. Отказался — сказал, что в таком состоянии не может ехать. «Я так не могу, удалю катаракту, если зрение вернется — поеду, если нет, тогда вообще не хочу жить». Не знаю, что делать. Вечером начал осматривать свою руку, сказал, что видит ее, увидел и мой халат. Вообще лучше всего различает голубой и зеленый цвета. С нетерпением ждет возвращения с работы Ники. Он приходит с газетами, читает, рассказывает новости. Сегодня юбилей «Мнатоби». Симон отправил телеграмму. Потом нам передали, что она тепло была

встречена публикой. Симона интересует, что было на вечере. Позвонила Тина Асатиани, рассказала, что вечер прошел хорошо.

31/III-64 г.

С утра, кажется, видит лучше. Были Ламара Абашидзе и Гогуча Агиашвили. И они рассказывали о вечере. Потом мы читали статью о современной архитектуре в журнале «Америка». Симон пожалел, что Ника не стал архитектором, однако воскликнул: «Но чем бы он занимался в наше время типовых проектов?» Заставляет нас читать все о футболе. Был Георгий Мхендзе. Этого человека мы мучаем лет двадцать, и мне кажется, он помогает Симону жить. Общее состояние здоровья показалось ему удовлетворительным, сказал, что можно делать операцию.

1/IV-64 г.

Сегодня из Союза писателей пришли Чилая, Кутатели и Габескирия. Они передали Симону медаль и книгу Шевченко, полученные от юбилейного комитета Шевченко. Ему было приятно это внимание. Кажется, в Грузии только Симон получил такую награду. Был Гия, рассказал о банкете, устроенном после юбилейного вечера «Мнатоби». Слушали репортаж о футболе. Читали. Вечером зашел Бесо, попрощался перед поездкой в Париж. Вновь звонили Андрониковы. Какие внимательные и любящие люди! Вероятно, мы никогда не сможем отплатить им за эту любовь и внимание. Недавно Вива специально приезжала к нам. Была целую неделю, сделала в двух комнатах ремонт, еще столько чего, что трудно перечислить. Антокольские передавали, если нужны деньги, пришлют. Нет ничего лучше хороших друзей. Опекают и наши — Сусанну и Элисо мы мучаем вот уже больше года.

2/IV-64 г.

Сегодня гуляем вместе по комнатам. Неизвестно, кто кого водит. Слушаем радио, читаем. Вечером его развлекали Ника и Зурико. Симон очень любит беседовать с ними. В одиннадцать часов вечера позвонили из Налъчика: Кайсын Кулиев приветствовал с большой любовью Симона (звонит уже второй раз). Потом позвонили Нунна и Верико Анджaparидзе из Сочи.

3/IV-64 г.

Сегодня видит очень плохо, расстроены нервы. Почти до полудня слушал радио. Была передача о Китае. Результаты

анализов не очень хорошие. Это его расстроило еще больше. Вечером пришел Серго Квдиашвили, Симон немного развлекся.

4/IV-64 г.

9619359211
20230101033

Сегодня Симон сказал, что человек, двадцать лет болеющий диабетом, долго не проживет, и наверное скоро и ему конец. Сойду с ума, если им овладеет такая безнадежность, — тогда нам действительно ничего не поможет. У меня все болит, а какое время болеть! Стараюсь больше быть на ногах, не могу лечь, боюсь, что он наткнется на что-то. Меня он не стесняется — положит руку мне на плечо, и так и ходим. А других стесняется. Гостей предпочитает встречать в своей комнате, сидя в кресле.

Читали стихи Блока. Симон сказал: «Представь себе, кое-что поблекло, некоторые стихи не производят прежнего впечатления». Потом попросил прочесть стихи Пастернака из «На ранних поездах». Сказал, что это более спокойные стихи. Из стихов Бориса заставил меня два раза прочесть «Сосны» и сказал: «Как спокойно и просто написано». А еще очень любит «Дрозды».

Был молодой критик Цициашвили, принес газету «Литературная Аджария» — со своей статьей о Симоне. Они беседовали около часа. Вечером Симон, я и Элисо были одни. Вновь много говорили о поездке в Москву. Он-то и слышать об этом не хочет, но мы все больше склоняемся к ней — может, там знают что-то новое. Все должно быть сделано превосходно, речь ведь идет о зрении Симона. С другой стороны, он может так разволноваться, что подскочит сахар и ухудшится общее состояние, значит и операцию придется отложить на несколько месяцев. Одним словом, решить что-либо трудно.

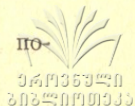
Вечером вдруг увидел мое лицо, обрадовался, провел рукой по волосам. Удивительно, вот так увидит на минуту что-нибудь, а потом вновь ничего.

Вечером за нами ухаживал Ника. Что за мальчик! Мне кажется, другого такого на свете нет. Два с половиной месяца он ночевал в больнице у Симона и оттуда ездил на работу. Днем за Симоном присматривала Саша и делала это очень хорошо.

Ника сделал Симону ножную ванну. Милый! Никогда ничего не делал до этого, а сейчас всему научился.

Симона уложили в моей комнате, потому что заметили, что быть одному ему трудно. Вчера ему показалось, что в его постель попала большая бабочка. Очень разнервничался — в

действительности ничего не оказалось. Перетряхнули всю по-
стель. Он долго не ложился.

5/IV-64 г.

Этой ночью спал хорошо. Утром совершенно ничего не видел. Было пасмурно. Потом выглянуло солнце, и ему стало лучше. Сказал: «Я совсем не спешил работать, а оказалось, надо было спешить. Столько чего надо написать, а тут такое». Я обнадеживала как могла, убеждая, что после операции он сможет работать. Я и впрямь убеждена, что так и будет. Сколько у него работы, только за последнее время он написал 4-5 тысяч строк, которые ему надо окончательно доработать. А статьи... И многое другое.

6/IV-64 г.

Утром вновь сделали анализы, потом он долго спал. Читали статью Цициашвили. Остался очень доволен. В стихотворении Симона есть такой образ: «...На белом муле, о, на белом муле в Ушгули ты спустилась навсегда»*. Автор статьи проводит параллель между этими строками и знаменитым полотном Пикассо «Поль Пикассо на муле». Симон сказал, что само по себе это интересно, но у него этот образ родился по ассоциации с белым мулом Христа. В этой статье ему понравился разбор поэмы «Давид Гурамишвили». И вообще она ему понравилась. Прочитала Симону поэму Дудина (он прислал), стихи Пастернака, газеты. Вечером Ника пришел рано, милый, знал, что никого не будет дома, сделал Симону ножную ванну и уложил.

7/IV-64 г.

Сегодня говорил со мной о Нике. Рассказывал, с каким нетерпением ждал его в больнице: «Когда он ночевал у меня, было спокойно. Сколько времени хочу написать о нем стихотворение, но никак не напишу. А все из-за болезни. Сейчас я узнал его еще лучше. Он чрезвычайно благородный, скромный, не знаю, что будет с ним без нас». Звонил Константинэ Гамсахурдиа. Он часто навещает Симона, звонит, очень внимателен. Сегодня приходили Нелли Габричидзе и Лия Стуруа с прекрасными гвоздиками, Лия прочла Симону свои стихи: «Греми», «Дерево перед моим домом» и еще одно, не помню названия: «Я не создана из ребра мужчины», — была в этом стихотворении такая строка. Это понравилось Симону. «Греми» и другие —

* Перевод Б. Ахмадулиной («На пути в Сванетию»).

стихотворения о людях, увлеченных лишь историей и стариной. Он сделал несколько замечаний насчет употребления урбанических слов в последнем, сказав, что ему режут слух слова пропорция, резонанс и др. «Эти слова заменить можно, а «джаз» не заменить ничем». Говорил о Маяковском: «В его поэзии такие слова органичны». Лия сказала, что мечтала познакомиться с Симоном и прочитать ему стихи. Нелли — очень внимательная девочка, часто приходит к Симону, читает, развлекает его. И Анна Каландадзе частая гостя Симона. Она очень любит его. Вечером были Миша Квливидзе с женой, Тина Асатиани. Все сомневаюсь, не знаю, где делать операцию.

8/IV-64 г.

Звонил Миша Квливидзе, сказал, что здесь находится министр здравоохранения СССР, может, через него пригласим для Симона какого-нибудь консультанта из Москвы. Я позвонила Резо Джапаридзе (они очень любят друг друга), чтобы он помог мне в этом деле. Я очень волнуюсь. Симон получил телеграмму Дудина и Кайсына: «Дорогой Симон разжигаем костры в твою честь в ущельях Баксана желаем здоровья обнимаем Михаил Дудин Кайсын Кулиев». Ему было очень приятно. Тина Асатиани ночевала у нас, очень о нас заботится.

9/IV-64 г.

Результаты анализов лучше. Была наша маленькая Нинико. Симон ушел в свою комнату — не хочет, чтобы девочка запомнила его слепым. Нинка все же забежала к нему, а потом прошептала бабушке: «Дядя Симон увидел меня». Я сказала Симону, что девочка ничего не заметила. Симон обрадовался. Сегодня Зурико, милому моему, исполнилось двадцать лет. Симон поздравил его по телефону. В этот день мы всегда бывали у них... Вечером пришли Нина Табидзе и Тина Асатиани. Цуца была днем. Узнали, что Маро Шаншиашвили плохо. Бедная женщина, как она измучилась.

10/IV-64 г.

Проснулся в пять часов утра, видел страшный сон — очень расстроился. Сказал, что не доживет до операции, глазам ничего не поможет. Как могла, успокаивала. Наконец к семи часам заснул. И погода ужасная — это удивительно действует на него. Сегодня повторял строку из своего стихотворения:

«Здравствуй, жизнь! Мне движение твое полюбилось.
Я повсюду ищу столкновений с тобой».*

Читали в журнале «Вопросы литературы» записи из «Записной книжки» Олеси. Симон то и дело восклицал — «Блестяще написано!» Очень ему понравилось описание заката и конец: «Чтоб дожить до старости, это фантастика, это уже сюжет». В этом же журнале прочли итальянскую критическую статью о грузинских поэтах, где есть и цитата из рецензии о Симоне, напечатанной в итальянском журнале.

Сегодня приехал и зашел к нам Серго Закариадзе, два месяца он был на съемках в Москве. Без него нам было скучно. Симон был очень рад его видеть. Хорошо, что он приехал. Был Элевтер Андроникашвили. Очень интересно рассказывал об Америке. Прекрасно рассказывает. Он там провёл две недели. Ночью позвонили Антокольские, справлялись, как мы. Сказали, что, вероятно, приедут в мае. В Тбилиси вышла книга Павла. Симон очень обрадовался.

11/IV-64 г.

Прочла Симону рецензию Георгия Натрошвили во вчерашнем номере «Лит. Сакартвело» о книге его статей. Он остался очень доволен, в некоторых местах даже прослезился: «Написано с большой любовью и теплотой». Днём приходил Морис Поцхишвили насчет статьи Симона о Шевченко. Пообещал чешский инсулин — может быть, он будет более эффективным. Зашел Цициашвили, принес номер «Цискари», где помещены статьи Хухашвили о Симоне и его статья об Отаре Чиладзе. С футбола пришли Гурам Асатиани, Ника и Зурико. Разговаривали большей частью о футбольных впечатлениях. Пришел Гия, потом Элисо и Шалико. Сегодня сдали анализы в три лаборатории. Ответы были разные, довольно отдаленные друг от друга. Не знаю, кому верить. Утром звонил Гамсахурдиа.

12/IV-64 г.

Утром Симон позвонил Георгию Натрошвили — поблагодарил за рецензию. Я читала ему статьи из «Цискари», потом поэму Тариэла Чантуриа «Зов земли» — понравилось: «Талантливый парень, чувствуется большой внутренний драматизм, но надо немного подчистить». Особенно понравилось — «Ты высока, тиха... и чужая...» и много других строк. В конце заметил: «Стихотворение про слона — лишнее, поэму надо бы»

* Перевод А. Межирова.

ло закончить на предыдущем стихе». Рассказ Тамаза «Жатва» ему очень понравился — «хорошая зарисовка». Сегодня нас навестили Серго Закариадзе, Родион и Ксения Коркия, Гия Маргвелашвили, Тамаз Чиладзе.

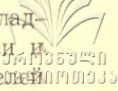
13/IV-64 г.

Сегодня ему, кажется, лучше. Утром был Гия. Из журнала «Вопросы литературы» Симон получил анкету о Лермонтове, за это он взялся с большим удовольствием, так как очень любит Лермонтова, диктовал Гие. Потом Симон долго беседовал со мной и Никой о Лермонтове, сказал, что в русской классической поэзии нет для него стихов любимее и ближе, чем «Выхожу один я на дорогу» и «В долине Дагестана». Приходили Тина и Шалва Мшвелидзе. Шалва вернулся из Румынии, привез Симону сахарин (они очень внимательны, куда бы ни поехали за границу, не забывают купить ему сахарин). Шалва много интересного рассказывал о Румынии, о народе, о музыке. Симону было приятно их видеть. Были Лизико, Тина Асатиани и Додо Чичинадзе. Прочла ему эскиз Мераба Элиозишвили «Жалоба Читы». Очень, очень понравилось, много смеялся. Сказал, что Мераб очень талантливый парень, в маленьком эскизе затронуто много вопросов (браконьерство, защита старины, воспитание детей и др.), и все это написано так естественно и просто. Вечером Ника читал Симону стихи Пастернака, газеты. Позднее позвонил Ираклий Абашидзе. Был Шалва Габуня, привез из Москвы инсулин.

14/IV-64 г.

Сегодня проснулся очень рано, потом не смог заснуть. Начали беседовать. Почему-то вспомнил детство: «Первое стихотворение написал весной, когда мне было двенадцать лет. Жил я тогда в семье Дгебуадзе. Там царил литературная атмосфера: все писали стихи. Когда прочли мое первое стихотворение, оно произвело большое впечатление. Похвалили, Христина Дгебуадзе сказала, что у меня, несомненно, есть талант. После этого, написав стихотворение, она читала его мне, шутя приговаривая: «А поймет ли он это?» Я вспоминаю эту семью с особой теплотой. Подготавливала меня к приемным экзаменам в училище Паусия.

Произошел смешной случай—вначале я постеснялся положить в чай два куска сахара, они заметили это и сказали: «Симон, оказывается, не любит сладкий чай». Хотя я и любил сладкий чай и в деревне всегда клал два куска, но после это-

го случая мне стыдно было признаться в этом, и я пил несладкий чай. Коция Чачава и мачеха привезли меня в Кутаиси и ввели в семью Коли Чачава. Для меня наняли двух учителей по русскому языку и другим предметам. Но они оказались революционерами, и вскоре их арестовали. Поэтому я перешел в семью Дгебуадзе, где занимался с Паусией. А весной я сдал экзамены и поехал в деревню. Возвратившись оттуда, я снова жил у Чачава. Потом, переехав в Тбилиси, первый год я опять жил у них. Я очень любил мать Коли — Гогуцу. Она была поразительно доброй и ласковой женщиной. Она относилась ко мне, как к собственному сыну. Как-то она сказала моему отцу: «Какие беленькие наши дети». Мы спали с Колей в одной комнате. В Кутаиси Чачава жили возле гимназии, поэтому я часто встречался с гимназистами, дружил с ними. После первого стихотворения три-четыре года я не писал. Однажды я вошел в комнату, где Коля и Датико Гачечиладзе вместе писали стихотворение «Человек» под влиянием Мамии Гуриэли. И я тоже принял в этом участие, с того дня я начал писать. В детстве Датико спал в другой комнате, он очень боялся кошки и перед сном просил пойти с ним и подождать, пока он вернется в одеяло: «Оттуда-то кошка меня не вытащит». В кутаисской гимназии я был членом литературного кружка. Однажды, в пятом классе, Оцхели вызвал меня, Колю и Акакия Камушадзе (я уже был руководителем одного из кружков), дал деньги и сказал: «Вы должны привыкнуть к общественной деятельности и благотворительности. Выпустите на эти деньги книгу, затем вторую, а потом можете основать издательство». В «Моамбе» мы прочли статьи Киты Абашидзе — «Развитие французской лирической поэзии в XIX веке». Издали их с указанием — издательство «АкСимКоли» (книжка эта есть в библиотеке Гришашвили; он спрашивал у меня, что означает «АкСимКоли», а это просто Акакий-Симон-Коля), отнесли в книжные магазины. К этому времени скончался Оцхели, мы не смогли собрать денег от книготорговцев, этим и кончилось наше начинание». Симон с большой любовью вспоминает директора гимназии — Гачечиладзе.

Эти записи я делаю втайне от Симона. Вечером были Резо Джапаридзе, Вардосанидзе, Мери и Серго Закариадзе, Поко и Малико Мургулия, Серго Клдиашвили и замученная нами Элисо.

Утром зашел Морис Поцхишвили, принес чешский инсулин, кажется, он эффективнее. Была Натела Цхомелидзе, измерила Симону давление и вообще осмотрела его.

15/IV—64 г.

Утром был Резо Джапаридзе, потом Гия. Симон чувствует себя неплохо.

16, 17, 18/IV—64 г.

В эти дни я как-то ничего не смогла записать. Скончалась Маро Шаншиашвили. Было очень больно, жалко ее, ужасно расстроилась — она сделала операцию на три месяца раньше меня. Вспоминали встречи с ней, пребывание в Джугаани... Был Гия. Писали о Лермонтове. Вышло очень интересно.

19/IV—64 г.

Сегодня с большим страхом и осторожностью, чтоб не простудился, я и Ника выкупали Симона, Зурико помогал нам. Уложили его до вечера. Начали читать роман Г. Бёлля «Глазами клоуна». Днем были Манана Кикодзе, Нана Мургулия, Резо и Нина Маргиани, в доме очень много цветов. Много беседовали, сидели долго. Вечером пришел Бесо — сегодня приехал из Парижа. Рассказал о своей поездке, о французских писателях. Он привез девяносто одно письмо Акакия Церетели, посланное им сыну.

20/IV—64 г.

Сегодня проснулся рано, не в духе, сказал: «Как жестоко обошлась со мной судьба». Я сказала ему, что выздоровеет и будет работать с удесyтеренной энергией. Он возразил: «Как я смогу работать полумертвый». Я долго его успокаивала. Я и вправду уверена, что зрение к нему вернется. А у меня такая болезнь, что каждый день, выигранный у смерти, — большое достижение. Может, удастся еще выходить Симона, женить Нику.

Был какой-то молодой поэт, студент из Кутаиси. Мы завели его к Симону. Увидев его в таком состоянии, он почувствовал себя неловко и вскоре ушел. Симон сказал: «Зачем вы его завели, он, видно, хотел почитать стихи, но оказался хорошим парнем, увидел меня в таком состоянии, почувствовал себя неловко и ушел. Побеспокоили и его, и меня». Была

Гогуца Агиашвили, принесла пригласительный билет из «Сакартвелос кали». Получил он пригласительный билет и на вечер Цацы Амирэджиби. Симон продиктовал мне поздравительную телеграмму. Был Г. Мхеидзе, осмотрел Симона, остался очень доволен его общим состоянием и сказал, что к операции он готов. Вечером позвонил Коля Берадзе, придет завтра и решит, когда делать операцию.

Симон и Ника слушали радио — где-то играла наша команда. Какой смешной Симон — если проигрывают наши, он перестает слушать репортаж, страшно волнуется, а если выигрывают — слушает с огромным удовольствием (во всем он такой, если статья против него, то он вообще ее не читает. Например, статью Наниташвили я никак не смогла заставить его прочесть). Позвонила Нелли Габричидзе.

Был Коля Берадзе. Операцию решили делать после праздников. Сегодня он заметно волнуется, и мы тоже. Опять не решили, где ее делать. Не знаю, как быть. Боюсь везти его, чтоб не ухудшилось состояние.

21, 22, 23/IV—64 г.

Эти дни я плохо чувствую себя, кружится голова. Вставать с постели не разрешают. Не могу ходить по пятам за Симонем, боюсь, чтоб не споткнулся. Читаю ему роман Бёлля — нравится, все повторяет: «Очень остроумно написано». Там упомянут Гофмансталь. Симон вспомнил, как один довольно известный наш критик принял Гофмансталя за двух разных авторов: Гофмана и Сталя, и смеялся: «Еще они меня учат».

Читали стихи Заболоцкого и Кайсына Кулиева.

24/IV—64 г.

Сегодня из Москвы позвонил Микола Бажан. Справлялся о Симоне, сказал, что они тоже думали, где делать Симону операцию, и считают, что лучше в Тбилиси, поскольку в дороге у него так могут расстроиться нервы, что состояние его еще больше ухудшится. Сказал, что ночью едет в Киев. Симон был рад слышать его голос — у нас столько приятных воспоминаний о проведенных вместе днях.

Ко мне приходил мой профессор — Холдин, у меня, кажется, все нормально. И с ним говорила о Симоне. Он сказал, что операция несложная. «Все смогут сделать ее хорошо, тем более, что у вас такие хорошие врачи, как Берадзе, Рамишвили и другие». Вечером был Бесо.

25/IV—64 г.

Сегодня погода прекрасная, вчера прояснилось. Немного погуляли по балкону. Мы позвонили Гришашвили — поздравили с 75-летием. Кето сказала, что Сосо равнодушно принимает поздравления. Бедный, какая беда с ним приключилась! До обеда мы были одни, никто не приходил. Это редкий случай. Читали и закончили «Глазами клоуна». Книга написана хорошо. Были Шалико, Нунна и Элисо. По радио была передача, посвященная Гришашвили. Сосо читал стихи, прочел «Триолеты». Симон отметил, что это прекрасные стихи, повторял строку: «Мой Тбилиси, как Иракий, вечным полн волнением, я хочу, чтоб его солнце гроб мой обжигало...» Очень понравилось: «Речь грузинская поблекла — отчего такое? Не она ль взыгралась солнцем в прахе Нарикальском?»*, но раскритиковал: «Как горячая красotka липнет с жадной лаской, мне о Грузии терзанье не дает покоя». Сказал, что это несовместимые образы, что так писать нельзя. Потом вспомнил и прочел места из стихотворения Ноэ Чхиквадзе: «Кто помнит, кто любит, кто ищет меня?..» Сказал, что такого человеческого стихотворения почти нет в грузинской поэзии. В двенадцать часов вечера с аэродрома позвонили Андрониковы, приехали, у Ираклия выступления. Их приезд оживил нашу однообразную жизнь.

26/IV—64 г.

Утром были Иракий, Вива и Нина Табидзе. Симон оживился, много беседовали о Лермонтове, о премиях, о фильме Ираклия и многом другом. Потом приходил Серго Клдиашвили. Рассказал о юбилее Коркия и писательских новостях.

Потом Симон недолго слушал репортаж о футболе из Москвы, так как наши проигрывали, а в таких случаях он не любит слушать. После футбола Зурико читал ему газеты, статью Моруа о Шекспире. Статья ему очень понравилась. Вечером были Нелли и Ирина Абашидзе, принесли прекрасные розы.

---

* С. Чиковани, естественно, имеет в виду звучание оригинала. Здесь — перевод Н. Тихонова.

Ирина очень похорошела. Она моя крестница, и я ее очень люблю, хорошая девочка. Ника вчера был на крестинах, и сегодня он у Отара Чиладзе. Симон ждет его, не засыпает. У него плохое настроение, говорит: «Обидно, что летом не привел в порядок дела, надеялся, что станет лучше, так жить я больше не могу». Успокаивала, что через месяц все будет в порядке. Господи, неужели предаст нас судьба? За что? Прочла ему рассказ Хемингуэя «Ночь перед боем». Элисо уложила его.

27/IV—64 г.

Сегодня день моего рождения. Так постарела, даже боюсь говорить об этом. С утра кто по телефону, кто приходит поздравить меня. В полдень пришел Ника, милый, принес замечательные тюльпаны. Я никогда не отмечала дни своего рождения, о них никто и не помнил, а в этом году вспомнили, наверно потому, что больна. Элисо напекла каких-то пряников, и Сусанна здесь. Приходить начали с утра, и к вечеру собралось человек двадцать. Люба принесла огромный, ею же испеченный торт (удивительно теплая и самоотверженная женщина). В течение дня были семьи Габуния, Сирадзе, Карцивадзе, Бесо и Этери, Серго и Мери, Поко и Малико, Саломэ, Жора, Люба, Гия, Гогуца и самое главное — Нинико. Весь дом в цветах: сирень, гвоздики, розы, тюльпаны, георгины... Сослуживцы Элисо преподнесли цветы. Я, ей-богу, недостойна такого внимания и любви. Что было бы с нами, если б не это!

28/IV—64 г.

Утром я ухаживала за Симоном, дала позавтракать. После завтрака он попросил найти «Витязя в тигровой шкуре» и почитать «Послание Нестан к своему возлюбленному». Прочла, попросил еще раз прочесть и вместе со мной читал по памяти. Потом попросил главы «Отъезд Автандила к Фридону в Мульгазанзар» и «Завещание Автандила царю Ростевану». Эти главы он знает почти наизусть и читает вслух. Во время чтения последней главы Симон прочел мне лекцию о философии Платона. Раньше «Витязя в тигровой шкуре» и евангелие он читал понемногу каждый день. Закончили чтение «Ночи перед боем». Симону очень понравилось: «Как спокойно описана такая напряженность, просто поразительно!» Ника прочел газеты. Приходили Вива Андроникова и Тина Донжашвили с маленьким мальчиком. Слушали радио.

29/IV—64 г.

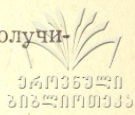
Сегодня с утра очень раздражен. Позавтракал, слушал радио — передавали статью «Правды» о Китае. Сейчас си-
Читали новеллы Моравиа. «Автомат» ему не понравился. Очень понравился «Фетиш». Симону приятно читать. Он все воспринимает непосредственно, как ребенок: смеется, грустит, все отражается на его лице. К тому же нетерпелив — не даст перевернуть страницы, как спрашивает: «А дальше?». Пришел Серго Клдиашвили. Потом Гогуца принесла «Мнатоби». Читали «Неделю». Пришел Ника. Читал ему газеты. Вечером пришли Вива и Ираклий. Они пришли после выступления Ираклия в институте физики. Ираклий рассказывал о Всеволоде Иванове, вспоминал о путешествии в Англию. И Симон вспомнил небольшую вещь Всеволода, пересказанную ему Федеиным. За столом абсолютно не заметно, что Симон не видит. Показал Ираклию анкету о Лермонтове. Тому очень понравилось. Советовал Симону начать диктовать воспоминания. Завтра возвращаются в Москву. Были Тина Асатиани и Маро. В комнате Ники разбилось окно, Симон сказал, что это хорошая примета.

30/IV—64 г.

Сегодня спал до десяти часов. Попросил бумагу для письма и отточенные карандаши: «Буду записывать все, что вспомнится». Я страшно обрадовалась. Не знаю, сможет ли. Думается, что это влияние Ираклия Андроникова. Симон получил от Твардовского и Дементьева очень теплую телеграмму, оказывается, они сказали Бесо, что их беспокоит болезнь Симона и не знают, как сделать ему приятное. Сейчас позвонил Ираклий Андроников, снова попрощался с нами и сказал, что та небольшая статья о Лермонтове очень ему понравилась: «Так умно, конкретно, поэтично, тонко — просто поразительно». Попросил меня как-нибудь уговорить Симона написать воспоминания о Всеволоде Иванове для его сборника. Посмотрим... Прочли «Трельяж» Моравиа и статью Книпович о Кафке. Читать Кафку он не хочет, говорит, что прочел рассказа четыре — «очень мрачные».

Получили сердечную телеграмму от Тихоновых. Ника читал ему какую-то статью из «Мнатоби» и газеты. Вечером были Бесо и Цуца. Симон сказал Бесо, что был вице-президентом общества грузинско-польской дружбы и его переизбрали: «Зачем спешили, подождали бы, пока умру». Видно, обидел-

ся. И вправду, поступили как-то некрасиво, нечутко. Получили поздравление от Миколы и Нины.

I/V—64 г.

Сегодня сам сделал несколько записей отдельных строк: «День угас или сошел на нет», «Он покинул нас и безвозвратно», «Сумерки легли на Надиквари, сумерки кизилового тона»... Остальное неразборчиво. Сегодня он сказал мне и Нике: «Лучше б отрезали обе ноги, чем быть в таком положении, сидел бы и работал». Ника весь праздничный день провел с нами, не оставлял нас. Много читал Симону, беседовали. Я лежала, плохо себя чувствовала.

2/V—64 г.

Пришли телеграммы от Рыльского, Кулиева, Суровцева, из редакций московских журналов и газет. Вечером Симон вспоминал прошлое. Между прочим, рассказал, что в 23—24 годах напечатал несколько стихотворений в женских журналах и подписал их Ч. Р., П. Р и др., что означало «четыре рубля», «пять рублей», то есть столько, сколько рассчитывал получить за них. Чего только не выдумывали! Зурико, Ника и Симон слушали футбольный репортаж. Так как наши проигрывали, Симон вышел в другую комнату, закрыл двери и не слушал. Н. при каждом шуме спрашивал, не забили ли наши. Какой странный человек! Так волнуется, что, наверное, нельзя ему разрешать слушать.

3/V—64 г.

Сегодня я и Ника выкупали Симона. До обеда он лежал. Надо составить второй том. Втроем мы разбирали стихи, переводы. Симон надеялся внести в этот том новые стихи. У него есть 3—4 тысячи строк, требующих окончательной доработки. Но он не может пока заняться этим, это его очень нервирует. Есть большой цикл о Бараташвили и другие стихи. Еще и книгу должен сдать, денег больше нет. Во всяком случае, сейчас сдадим то, что есть, а потом, когда Симон выздоровеет, включит и другие. Перебирая, он изъясил много стихов — не нравится. Он перевел четыре-пять пьес, не хочет вносить и их, сказал, что давно не перечитывал, и печатать их, наверно, не стоит. Вечером был Серго Закариадзе, беседовали о «Короле Лире». Симон убеждал его, что тот должен обязательно сыграть эту роль. Серго рассказывал о «Лире» в английском театре и о своих взглядах на воплощение этого образа. Нэчью звонил Бесо. Симон хвалил и советовал ему

прочсть поэму Чантурия — Бесо не читал ее. В эти дни он со всеми говорит об этой поэме, так радуется, что ^{является} молодой талантливый поэт. Эти три дня Ника ^{не} ~~не~~ ^{не} выходил из дому, развлекал его как мог.

4/V—64 г.

Сегодня был Георгий Мхеидзе, осмотрел Симона, остался доволен. Много беседовали, подоспел и Серго Клдашвили. Потом Тина Донжашвили позвонила и сообщила историю с ГОКСом. Отправилась она туда очень рассерженная, но все оказалось ложью — там просто избрали второго вице-президента. И сейчас она очень рассержена: «Кто ввел в заблуждение Симона?» В принципе, какое значение имела вся эта история? Лишь постольку, поскольку она огорчила Симона и была бы редкой бестактностью.

Я позвонила Коле Берадзе. Он уложит Симона в больницу в среду или четверг. Заметно возросло волнение Симона, сказал, что боли совсем не боится, главное, что будет потом. Работали над вторым томом, он дополнительно включил двадцать старых стихотворений. Читала ему переводы Шевченко, он выбирал и оттуда.

5/V—64 г.

Сегодня попросил меня найти цикл стихов о Бараташвили «Песнь скорби». Ему нужны оттуда два-три стихотворения для сборника «День поэзии». Очень хорошие стихи, но я сказала ему, что выходит какая-то литературщина — сначала написал о Гурамишвили, сейчас о Бараташвили. Ответил, что да, он исходит из литературного факта, но для самих его стихов литературщина вовсе не характерна: «Сама эта тема очень мучила меня, я не мог об этом не написать». Выбрал три стихотворения: «Волшебная серьга», «На ложе твоём», «Раздумья на берегу Куры». Потом отложил третье стихотворение: «Пусть еще полежит». Несколько оживился во время работы, даже помолодел, читал увлеченно и темпераментно. Потом доработал «Горы Тбилиси». Писала под его диктовку я, сам же он, как записал раз и почувствовал, что пишет неразборчиво, больше не подходил к столу. Получили очень теплую телеграмму от Суркова, письма Илюши Панцхава и Елизаветы Полонской, которая просит разрешения Симона прислать ему те места из ее воспоминаний, которые касаются ее пребывания в Грузии, чтобы Симон проверил, насколько они достоверны. Сейчас это, конечно, вряд ли удастся проделать.

Вечером были Полина, Ардалион и Ладос. Ему было приятно их видеть. Ардалиону делали такую же операцию, уверял Симона, что она несложная.

6/V—64 г.

Утром пришел Гия. Потом Морис Подцхшвили — за стихами, прочел. Кажется, и Гие, и Морису очень понравилось. Несколько своих русских книг Симон послал в Москву Лиле Брик, Туркову и еще кому-то. Была Гогуца, принесла четвертый номер «Дискари» — Симон попросил ее, хотел прочесть рассказы Тамаза Чиладзе. Все узнали, что завтра он ложится в глазную клинику, и было много народу: Бесо и Этери, Шота и Русико Дзидзигури, Серго Клдиашвили.

Днем Симон слушал футбольный репортаж только наполовину, очень волновался: то выходил, прикрывая дверь, то возвращался. Я, кажется, не должна разрешать ему слушать, так как он очень волнуется.

Шота и Русико после Парижа были у нас впервые. Симон шутил с ними: «Что возгордились, столько времени не показывались — вы пять дней были в Париже, а я — шесть».

7/V—64 г.

Ночью мы оба спали плохо. Симон заметно нервничает, но при других не показывает. Проснулся очень рано. Перед отъездом в больницу Ники дома не было. Симон такой стеснительный, что не спросил, поедет ли с ним Ника. И когда тот вернулся к самому его отъезду, Симон просиял — обрадовался. Прощаясь со мной, был очень бледен. Я смотрела в окно: он с трудом сел в машину, совершенно не видит. Вместе с ними поехали еще Саша и Элисо. Хорошо устроили, чисто, в отдельной палате. Я страшно расстроилась. Неужели покинет нас бог, и он не прозреет, не могу поверить в такую жестокость судьбы. Господи, господи, помилуй! Вечером позвонили из больницы, оказывается, очень скучает. К восьми часам Ника пошел к Симону, чтобы ночевать у него. Бедный мальчик! Замучили мы его. Коля Чачава пришел сразу же, как отвезли Симона.

8/V—64 г.

Ночью спал хорошо. Позвонил приехавший из Киева студент театрального института Резо... (фамилию не расслышала). Хотел видеть Симона. Его попросил Бажан узнать о состоянии Симона. Узнав, что Симон уже в больнице, расстроился. Вечером он возвращался в Киев и не успел навестить Си-

мона. Вечером был Серго Закариадзе, сидел очень долго, много говорил о Симоне. Серго вместе с нами переживает все наши беды, очень теплый и внимательный. Была Гогунца Позд- но вечером позвонили Антокольские. Очень волнуются за Си- мона, я обещала сообщить о результатах операции.

9/V—64 г.

Пришло письмо из «Вопросов литературы». Пишут, что очень понравилась анкета и напечатают ее. Симон еще не знает об этом. Обрадуется. Между прочим, прочли в какой-то статье, что в Югославии есть населенный пункт «Чиковани». Ника рассказал или прочел ему, и Симон очень заинтересовался. У него отчего-то поднялось давление, наверное из-за волнения. Были у него Бесо и Мамия Асатиани.

10/V—64 г.

Ника сказал, что спал Симон хорошо. Сегодня весь день и ночь у него Элисо. Не знаю, как долго она выдержит. Из- мерили глазное давление — оказалось нормальным. Коля Ча- чава был в больнице. Я так хочу пойти к Симону — не знаю, когда смогу.

11/V—64 г.

Сегодня начала принимать мое лекарство — вновь буду плохо себя чувствовать. Не хотела начинать, но не от меня зависит. У меня температура, простудилась. Сегодня была уйма народу: Миранда Гамсахурдиа, Манана Белиашвили, Кето Гамкреладзе... Сахар у Симона лучше. Операцию назначили на пятницу.

12/V—64 г.

Утром звонили из университета. Там сегодня День поэзии. Сказали, что поскольку Симон Иванович не сможет прийти к ним, то они пойдут к нему, и спрашивали, где он лежит. Вечером звонил Симон, рассказывал, что были у него Гиви Гачечиладзе, Натела Кешелава, Жордания и Нодар Какабадзе. Поздравили его, преподнесли цветы, передали специально для него отпечатанное поздравление от университета. Он был очень рад. Я много плакала — такое внимание очень трогает. Вече- ром через Сашу Симон прислал корзину цветов и поздравление, сказал, что это меня обрадует. Все говорят, что Симон споко- ен и хорошо выглядит. Вечером опять было много посети- телей.

13/V-64 г.

Я позвонила Коле Берадзе. Он сказал, что операцию делают в пятницу, и уверял, что Симон вернется домой прозревшим. Господи, помоги нам, помоги ему! Вечером позвонил какой-то человек и взволнованно справился о Симоне. Я спросила, кто он. Он извинился и ответил, что его не только я, но даже Симон не знает. Ему только что рассказали о болезни Симона, он очень расстроился и решил меня побеспокоить. А мне и этого было достаточно — плакала и плакала.

Звонили, кажется, из отдела культуры исполкома: один украинский композитор написал на стихотворение Симона о Ленине музыку, хотел прислать ему эту песню, просил адрес. Вот уже две ночи не спится. А если и засыпаю, то вижу ужасные сны. Что будет с нами, если операция не даст результатов... Неужели от нас отвернется бог? Ника, сыночек, каждую ночь там, а утром звонит с работы и сообщает, как провел ночь Симон.

14/V-64 г.

День перед операцией. У всех страшно натянуты нервы. У Симона в этот день множество народу: Гогла Леонидзе, Бесо Жгенти, Серго Закариадзе, Гия Маргвелашвили, Резо Маргиани и Миша Луконин, Алио Адамия и женщины: Раиса, Цуца, Нунна и еще кто-то. Оказывается, Симон очень устал. Потом Ника читал до часу, и Симон спал до семи часов. Ника сказал, что держится он молодцом, но очень волнуется.

15/V-64 г.

Утром все пошли к Симону. Мы с Сусанной сидели у телефона. Звонил Ника, сказал, что Симон спал хорошо и держится бодро. Без четверти одиннадцать его ввели в операционную. Операция длилась до двадцати минут двенадцатого. Боли начались часа через два, продолжались около трех часов. После операции реакция на свет была правильной, а так он не увидел ничего. Но нас успокоили, что это ничего не значит, что некоторые начинают видеть позднее. Посмотрим, подождем, что будет. Неужели так предаст нас судьба? Ночью у Симона остались Элисо и Ника. Во время операции там было много народу. И сюда много звонили. Вечером звонил какой-то студент, извинился, спрашивал о результатах операции.

Вечером звонила Элисо, сообщила, что Симон пообедал, сейчас Ника читает ему, он сравнительно спокоен. Недавно был у Симона Берадзе, сам сделал ему перевязку.

16/V-64 г.

Пришла из больницы Элисо. Сообщила, что ночь ^{Симон} провел беспокойно, плохо спал. Боли несильные, но его раздражало, что нельзя двигать головой. Он, оказывается, сказал: «Марика не знает, как я мучаюсь.» В шесть часов утра ему стало плохо, потом полегчало. Сегодня у него Саша.

Сейчас звонил Ираклий Абашидзе, интересовался результатами операции, сказал, что Микола в Москве — сегодня заседание идеологической комиссии, его вызвали туда. Ираклий был в Киеве, они с Бажаном все говорили о нас. Сколько доброжелателей у моего Симона! Неужели ничего не поможет? Элисо и Ника у него. Вечером перевязку сделал вновь Коля Берадзе. Кажется, он снова не видит. Коля не спрашивал его, видит он или нет, так как боится, чтобы тот не отчаялся. Говорит, зрение может вернуться позднее. Все не в духе, ждем, волнуемся. Ника, сынок, ушел из больницы в два часа, а к пяти Симон попросил вызвать его снова. Уже не может без него обходиться.

17/V-64 г.

Жду звонка из больницы. Приблизительно в одиннадцать часов позвонил Ника. Только что сделали перевязку. Симон смутно различил руку профессора, различил пальцы. Сам был рад этому. А моя реакция — слезы, никак не могла успокоиться. Нунна звонит близким, друзьям (телефоны Элисо и Сусанны не работают), от радости все плачут, не только я. С нетерпением жду возвращения Ники. Он пришел к трем часам. Рассказал то же самое, что и по телефону: руку профессора видит хорошо, остальное — смутно. Сам признался, что не надеялся больше увидеть. Господи, помоги, только бы Симон стал видеть, я больше ничего не хочу. Во время спектакля узнал об этом Серго Закариадзе — он и Мануил Апхандзе позвонили в антракте, они расплакались на сцене. Вечером пришло много народу.

18/V — 25/V-64 г.

Симон в больнице. Надежда на выздоровление у него то появляется, то вновь исчезает. Первые пять дней мы старались, насколько это было возможно, чтобы его никто не беспокоил. А сейчас вновь впускаем посетителей. Сама я очень плохо себя чувствую, не могу даже вести этот дневник. В эти дни ничего особенного не произошло. Я почти без денег, одалживаю. Книгу (2-й том) с помощью Лизико сделали и сдали, пока о ней ничего не слышно. Симон встал на пятый день операции.

Говорил со мной по телефону, пожаловался, что выздоровление идет очень медленно. Он получил очень хорошее письмо от Туркова. Тот пишет, что третьего июня по московскому телевидению у него передача о Симоне. Симон получил приглашение от Шевченковского юбилейного комитета на пленум в Киев. Милый, как ему хотелось туда поехать. Получил он и письмо с нотами от какого-то украинского композитора, который написал песню на его стихотворение (оно было опубликовано в Правде) о Ленине. Пришло письмо Лили Брик. Зрение как будто постепенно улучшается, одним словом, надежда еще есть. Коля Чилава почти ежедневно ходит к Симону. Приходят Гогла, Бесо, Серго Закариадзе, Гия. Навестили его Кутатели, Чилая, Демид Шенгелая, Мамия Асатиани, Григол Цецхладзе, Нина — супруга Резо Маргиани — работает там же и уделяет Симону большое внимание. 25-го позвонил Коля Берадзе и сказал, что положение обнадеживающее, нужно лишь терпение и лечение, завтра Симона можно уже выписывать. Дома ему, конечно, лучше — с нами он больше отвлекается от своей болезни.

25—28/V—64 г.

В двенадцать часов дня Ника, Элисо и Саша привезли Симона, глаза у него перевязаны. Он очень похудел, чувствует себя слабо. Ужасно взволнован. Постепенно успокоился, приходят люди, он отвлекается. Большею частью лежит. Я закапываю ему в глаза лекарства. Сахара в крови все же много. Отказывается от посещений посторонних людей, вероятно, боится первого момента встречи, хотя потом самому обычно бывает приятно. Позвонили из Москвы Антокольские, Андрониковы. У меня температура 39,3, ничего не могу делать, даже этот дневник не могу вести.

29/V—64 г.

Сегодня День поэзии. Рано, как только я подняла Симона, пришла Малико Мревлишвили с розами поздравить его с Днем поэзии. Потом пришли с цветами Гогуца, Бабуля Цкитишвили, Нина Жгенти, наш Зурико. Позже, в шесть часов вечера, неожиданно нагрянули Женя Евтушенко с женой, Манана и Гурам Асатиани. Женя расцеловал его и, расплакавшись, выбежал в коридор... Потом успокоился. Сидели они час, другой. Женя ласкал Симона, как маленького ребенка. Он прочел отрывки из поэмы «В Симбирске ярмарка». Удивительная, сильная поэма. Симону было очень приятно, много беседовали, были и Ника с Зурико. Я угостила их фруктами и черным кофе. Потом они с Никой отправились в рес-

торан, из молодых были Георгий Шенгелая, Софиго Цианурели, еще кто-то. И там несколько раз пили за здоровье Симона. «Я шел к больному старику, а он вселил в меня бодрость и любовь к жизни», — сказал, оказывается, Женья. И еще что-то в этом роде. Оттуда ребята проводили их в Сухуми. Ника вернулся домой очень довольным и немного подвыпившим.

Поздно вечером, после вечера поэзии были Гриша Абашидзе, Гогуца и Серго Клдиашвили. Сидели до двенадцати часов. Разговор шел о вечере поэзии, о Мухране Мачавариани и вообще о стихах. Сегодняшний день был днем поэзии в нашем доме. Симон устал, но, по-видимому, остался доволен.

30/V — 10/VI—64 г.

Утром пришли Маргиани, Резо принес «День поэзии» (Резо и Нина всегда очень внимательны). Были у нас долго, много говорили. Зрение Симона как будто улучшается, смотрел на свою книжную полку, больше стал различать цветов, постепенно начинает различать и темное. Как увидит что-нибудь, сразу видно по лицу, весь начинает светиться.

Третьего июня вернулся с Украины Бесо, четвертого вечером был у нас. Рассказывал новости, передал нам много приветов и добрых пожеланий от друзей и знакомых. 5-го или 6-го Симон получил телеграмму с Украины от Президиума международного форума, в которой выражают благодарность за переводы и популяризацию Шевченко и желают здоровья и т. д. Симон был рад такому вниманию. 7-го был Коля Берадзе. Очень обрадовался, осмотрев Симона. Сказал, что дело продвинулось далеко вперед по сравнению с тем, что было в больнице, и очень нас обнадежил. Сделал новые назначения и сказал, что осмотрит Симона через две недели. С каждым днем Симону все лучше и лучше, но у него болит зуб, и это беспокоит его. Вероятно, придется удалить. Приходят люди, читаем ему газеты, слушает радио. Серго Клдиашвили принес свою новую книгу «Когда гляжу с Зедзени», читаем с удовольствием. Нодар Рухадзе принес переведенную им книгу Бёлля «И не сказал ни единого слова», Симон попросил меня почитать немного, затем сказал: «Молодец, хорошо переводит». Нодар Какабадзе прислал ему свою книгу «Очерки немецкой литературы XX века», ее мы еще не читали, просто просмотрели, интересно. 9-го Ника уехал в Баку, там на научной конференции у него доклад. У меня все это время держалась температура, а 8-го упала,

16 025940
012-1110333

и только тогда он сказал, что должен уехать. Он не звонил, интересно, как выступил. Наш дом без него пустой и ужасный. Милый, не позвонил, не знаю почему. Симон все считает дни до его приезда, скучает по нему, беспокоится, почему не звонит. Симону удалили зуб, все прошло хорошо, но это его все же обеспокоило.

Хотел написать небольшую статью о Паоло, но не смог. Я плохо чувствовала себя и не смогла помочь ему в этом. В эти дни разговор идет все о Паоло, Симон всем рассказывает о его последнем дне и др. Передачу о Паоло он слушал и по радио. Получил несколько пригласительных билетов.

12/VI—64 г.

Была Тасо Рамишвили — Коля попросил ее навестить Симона, и мы очень хотели этого. Она внимательно осмотрела его и сказала, что Симон непременно будет видеть. Она не считает, что кровоизлияние в глазе диабетического характера, очень обнадежила нас. Симон сегодня увидел гвоздики и отличил более темные от более светлых, различил и цвет моего платья. Из своей комнаты увидел окно в моей комнате. Когда видит какой-то новый предмет, лицо его сияет — он безмерно радуется этому. Вывожу его на воздух — на балкон. Вообще уже жарко, не знаю, что делать летом. Сегодня в Академии вечер Паоло. Моя дорогая Сусанна заболела, лежит у меня.

13/VI—64 г.

Утром позвонила Манана Кикодзе. Рассказала о вечере Паоло в Академии и отметила, что Гогла очень тепло говорил о Симоне, о том, что он временно не с ними, и пожелал ему доброго здоровья. Публика долго аплодировала. Я все рассказала Симону, он расплакался, с ним такого не случилось ни разу во время болезни и операции, а это так действовало. Он был растроган этим вниманием и любовью. А я пожалела, что сказала об этом. Немного погодя я позвонила Гогле и поблагодарила его за благородство и внимание. Сегодня Симон исправил три строфы в «Раздумьях на берегу Нуры». Я записывала. Потом пришли Саша Межиров и Гия. Сидели долго. Саша прочел замечательные стихи: «Дети», «Серпухов», «Гая Шапошникова», «Вильнюс», «Памяти Пастернака» и другие. Это совсем новые стихи. Видно, в этом году много поработал. Вечером были Бесо, Серго и женщины.

14/VI—64 г.

Все уехали в деревню Паоло. Весь день мы были одни. Вечером собралось много народу: Нина Табидзе, Бидиана Ам-вледiani со всем семейством, Тина со своим внуком, Ляля Квдиашвили, Элисо, Зураб, Цуца. У Сусанны не было температуры, и она с утра улизнула.

15/VI—64 г.

С утра ждем Нику. Симон волнуется — заставил меня позвонить к нему на работу, не пошел ли он сразу туда. Ника приехал в одиннадцать часов утра. Заскочил на минуту домой и побежал на работу, кажется, он доволен.

Днем были Саша Межиров, Гия и Серго Квдиашвили. Серго рассказывал нам об Аргвети. Саша снова читал стихи, сказал, что Винокуров очень увлечен стихами Симона и много написал под его влиянием. Подоспел Ника. Потом они ушли, и Ника рассказал нам о поездке. Доклад прошел удачно. Ему понравился Баку.

Вечером были Резо Маргиани, Амиран Габескирия, Серго Закариадзе, супруга Бериташвили, Нунна, Тина Асатиани, Зурико. Начали читать книгу Стравинского.

29/III—65 г.

Симон диктовал мне стихи. Позвонила Гогуца, потом Сигуа. Ушанги Чхеидзе читает «Гурамишвили». Мы включили радио. Когда он читал «Грузинскую песню», у Симона выступили слезы на глазах. Слушая стихи, он тихо вторил им... очень расчувствовался и говорил об Ушанги: «Бедный мой, бедный!»

Много чего произошло за то время, как я ничего не записывала. Снова повторяю ошибку и не пишу систематически.

31/III—65 г.

Симон получил от Микола письмо и украинскую газету, где помещена его статья о Рыльском.

2/IV—65 г.

Сегодня почти окончил цикл стихов «На берегу моря». Писал и исправлял названия стихов. После обеда рассказывал мне и Нике: «Впервые я приехал из деревни в Кутаиси в двенадцать часов дня, а в два часа мать Коли Чачава повела нас посмотреть на полет Кебурия. Это произвело на меня огромное впечатление».

Одно стихотворение он взял из второй части цикла о Бараташвили, исправляет его, хочет опубликовать в сборнике «День поэзии». Его попросили об этом.

4/IV—65 г.

«Прощание» Симон закончил, перепечатала. Завтра зайдут.

5/IV—65 г.

Симон сдал для сборника «Прощание». Навестил его Поцхишвили. Несколько раз просил прочесть это стихотворение. Кажется, понравилось.

9/IV—65 г.

Симон получил из Ирпени от какого-то незнакомца — педагога Котляревского книгу с «Завещанием» Шевченко на всех языках. В ней — перевод Симона. Просит книгу Симона с надписью.

10/IV—65 г.

Я не делала записей об украинских гостях, приехавших на декаду украинской литературы в октябре. Утром, в десять часов, вся делегация, возглавляемая Миколой и Гончаром, пришла с подарками. Мы устроили небольшой завтрак. Симону говорили очень теплые и добрые слова. Микола все плакал, не мог сдержать себя. Читали собственные стихи и стихи Симона на украинском языке. Пробыли около часа, уезжали в Кахети. С ними были Бесо, Чилая, Ираклий Абашидзе и Нонешвили, Тина Асатиани и другие. Симон остался очень доволен.

За это время был еще какой-то польский профессор, с которым Симон не был знаком. Сразу же по приезде он пожелал увидеть Симона. С ним пришел сопровождающий из Москвы и Нонешвили. Был у нас и Гия Маргвелашвили. Мы угостили их кофе. Симон сказал, что гость был очень образованным и интересным человеком.

12/IV—65 г.

Симон очень интересно работает над циклом об Аджарии, все исправляет и исправляет. Газеты читаем меньше. Он один в комнате, то лежит, то сидит, думает, бормочет. Потом, бывает, позовет меня, попросит исправить какую-нибудь строку. Как-то, войдя к нему, я спросила, не почитать ли что-нибудь, ответил: «Погоди, не видишь, как зверски я работаю» и засмеялся.

13/IV-65 г.

Симон позвонил в «Лит. Сакартвело», сказал, что у него есть стихи. Сразу же перезвонил Нонешвили и сказал, что эту же минуту прилетит кого-нибудь, и попросил отправить со сти-

хамн и снимок. Целый день пять исправлял. К вечеру попросил зайти Арчила Сулакаури, дал ему прочесть стихи, поправились.

961935940
3024010033

14/IV-65 г.

Утром пришел сотрудник редакции (по-моему, Берикашвили) и унес стихи со снимком. Целый день он ничего не делает, много читали, он в хорошем настроении, часто начинает тихо петь, такое впечатление, будто у него с плеч свалился тяжелый груз и он свободно вздохнул.

15/IV-65 г.

Джангулашвили принес корректуру. Прочли вместе. Перед уходом Джангулашвили сказал мне, что постеснялся похвалить стихи Симону, а стихи замечательные. Он вновь отдыхает, много читаем. Получили телеграмму от Миколы. Сообщает, что 18-го или 19-го числа приедет из Киева профессор по глазным заболеваниям. Это, кажется, последняя надежда. Я очень волнуюсь, места себе не нахожу. А сам Симон с надеждой ждет его приезда: «Главное, чтоб не увеличился сахар, а с глазами все будет в порядке». Начала собирать материалы для московской книги.

16/IV-65 г.

Утром мы получили газету со стихотворениями Симона. Симон остался доволен. Сразу же зазвонил телефон. Звонит огромное количество людей, все выражают Симону свою радость и одобрение. Первой позвонила Мзия Эристави, потом Кето Джапаридзе, Мариджан, Чилая, Серго Клдиашвили, Шалва Сирадзе. Вечером—Бесо, потом Гогла Леонидзе, сказал, что в последнее время ни здесь, ни в России не читал таких стихов.

17/IV-65 г.

Позвонили Манана Асатиани, Русико Дзидзигури, Арчил Сулакаури, Гия Маргвелашвили, Шалва Деметрадзе, Кале Бобохидзе, Серго Закариадзе, несколько незнакомых читателей, Валя Пипия от имени своей семьи, Асатиани и другие. Сегодня под его диктовку записала схему воспоминаний о Пастернаке и несколько строф из цикла о Бараташвили. Просил меня почитать газеты. В каждой газете заставляет читать футбольные репортажи.

18/IV-65 г.

Утром позвонили из Москвы Нелли и Ираклий Абашидзе.

Ираклий рассказал о московских новостях, говорили о премиях и др. Разговаривали долго.

Позвонила Тео Абашмадзе, от имени редакции поздравила со стихотворениями и попросила материал для журнала. Клавдия Девдариани поздравила от имени своего отдела. Приходит много друзей, они в восторге, удивительно, что многие из них знают наизусть отрывки и даже целые стихи. Вчера Симон позвонил Иосифу Нонешвили и поблагодарил за публикацию. А тот со своей стороны выразил благодарность и восхищение.

20/IV-65 г.

Позвонила Марика Бараташвили, поздравила. Ночью из Москвы звонили Андрониковы, спрашивали, как мы, сообщили, что у Павла Антокольского инфаркт, он в тяжелом состоянии лежит в больнице. Мы очень расстроились. Вообще страшный день. Этой же ночью узнали, что скончался Георгий Шатберашвили. Симон тяжело переживает это, и я тоже, конечно. Несчастный, он был еще молодой.

21/IV-65 г.

Позвонила Анна Каландадзе. Говорила с Симоном о его стихах, передала от своих сослуживцев слова приветия и восхищения. Немного поработали. Ночью узнали о новом несчастье — умерла Нина Табидзе. Симон много плакал, ее смерть нас очень расстроила и опечалила.

22, 23, 24/IV-65 г.

Симон ничего не делает. Очень опечален. Сегодня мы похоронили Нину. Все было так красиво (если в такое время что-то может быть красивым), с такой любовью, почтением и скорбью, как она того заслужила. Гогла произнес теплую речь. Я ходила на все панихиды. Во время моего рассказа о похоронах Симон плакал. В ту ночь ему было плохо с сердцем. Вечером, после поминок, к нам пришли Гия, Гиви Долидзе, Гиви Чанишвили и Татули Цулукидзе с вином и снадью. Сказали, что не хотели этот день скорби по Нине завершить без нас. Симону было приятно видеть их. Потом пришли Тамаз Чиладзе и Гурам Асатиани.

25, 26/IV-65 г.

Был Серго Закариадзе. Много беседовали. Симон работает над стихотворением о войне — хочет сдать его в «Мнато-би». У него было вчерне написано одно стихотворение, он со-

вершенно изменил его, почти написал заново. Сказал, что давно хотел его написать. Начал работать над ним 19-го, потом был расстроен печальными событиями и не работал. Ника получил путевку — едет в Грецию. Он не хотел уезжать, не мог нас оставить, но Симон умолял его, и Ника согласился.

27, 28/IV-65 г.

Работал над стихотворением «Плач ребенка». Закончил. Ника вылетел 27-го и ночью позвонил из Москвы, попрощался. Мы рады, что он поехал, развлечется немного. Симон передал стихотворение в редакцию, отнесла Гогуца.

Сегодня получил письмо от Шуры Тоидзе и Вовы Мачавариани, где они выражают огромное восхищение по поводу стихов. Мы в ожидании врача, его все нет. Получили телеграмму от Нины Бажан, пишет, что врач приедет после праздников.

29/IV — 2/V-65 г.

Симон совсем не работал. Все время читает, много набралось газет и журналов. В «Известиях» прочли об операции врача Федорова. Симон страшно обрадовался — вновь появилась надежда. Вообще надежды он не теряет. Настроение хорошее, признался, что сейчас успокоился. Запланировали: продадим машину этим летом, и Симон, я и Ника поедem к Федорову в Архангельск лечиться. Господи, может это поможет. Но сначала надо написать этому врачу и найти некоего М. Х. Тихомирова, которому Федоров сделал операцию (живет в Тбилиси).

На праздниках нас посетило много друзей: Гриша и Ламара Абашидзе, Лелико Хотивари, Бидзина Ахвледиани, ваши женщины, Элисо со своей семьей, Кето Чхендзе и другие.

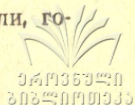
Первого числа Элисо спросила у Тасо Рамишвили о Федорове. Та ничего обнадеживающего не сказала, добавила, что Симону это не поможет. Я вконец упала духом, как мы надеялись! Симону, естественно, мы не скажем ничего. Сейчас опять с нетерпением ждем проф. Шевелева из Киева — может, он поможет.

Получили поздравления от Тихоновых, Кулиева, Степанова, из святих редакций, от какого-то украинского педагога, военных, из каной-то украинской школы и т. д.

3/V-65 г.

Сегодня с утра начал работать над стихами о Бараташвили. Начал новое стихотворение. Эти две недели просил меня

читать из книги Шалвы Чхетия материалы о Бараташвили, говорит, что это ему много дает.

15/V-65 г.

Ника вернулся из Греции. Целый день рассказывает Симону о поездке, очень доволен. Был Отар Чиладзе — принес Симону свою книгу стихов.

19/V-65 г.

Сегодня приезжает проф. Шевелев из Киева. В 5 часов вечера сообщили, что самолет прилетает в 7 ч. 30 мин. Разволновались, начали суетиться, готовиться к встрече. Симон удивительно волнуется.

Ника, Марика Бибилишвили и Натела Цхомелидзе встретили его на аэродроме, приехали. Он такой симпатичный и обаятельный человек, Симон сразу же успокоился. Завязалась беседа. Он настоящий интеллигент. Знает литературу, живопись, музыку, обо всем может беседовать. Знает стихи грузинских поэтов и стихи Симона. Пришли Бесо Жгенти, Серго Закариадзе, Серго Квдиашвили, Коля Берадзе. Вечер провели хорошо. Потом его повезли в гостиницу и устроили (у нас не осталось: «Вас будут беспокоить больные»).

20/V-65 г.

Симона повезли в клинику к Шевелеву и Коле Берадзе. Он был там с 10 ч. до 2 часов. Я очень волновалась. Это последняя надежда, может, еще что-нибудь поможет. Профессор решил, что сделает операцию. Значит, он немного обнадежен. Симон пришел с Никой и Нателой Цхомелидзе. Он очень устал.

21/V-65 г.

Сегодня Симона повезли на осмотр в глазную клинику на улице Шерозия. И там задержали надолго. Оттуда он вернулся в хорошем настроении. И профессор, и в этой клинике врачи говорят, что нерв здоров и частично сетчатка. Есть надежда, что он будет видеть предметы и сможет ходить. А в нашем положении и это очень много. Господи, помоги чем-нибудь. Победили у нас: Шевелев, Коля Берадзе, Бесо, Гриша Абашидзе, Серго Закариадзе, Леван Готуа, Натела Цхомелидзе и наши. Натела окружила нас чрезвычайной заботой. И вообще, кто только ни звонил, все волнуются, приходят. После обеда я поговорила с Шевелевым, тот сказал, что в конце июня он

вновь придет и сделает операцию. Предложил приехать в Киев нам. Одним словом, надо что-то решать.

22/V-65 г.

Утром Ника, Натела и Элисо поехали проводить профессора. За эти три дня мы очень устали. Целый день ничего не делали. Отдыхали. Позвонил Гамсахурдиа. Он узнал, что дело продвигается к лучшему, поздравлял. Симон ответил, что еще рано.

23/V-65 г.

Сегодня целый день Ника ухаживал за Симоном, дал мне «выходной». Читает ему, пишет, беседует с ним. А я целый день лежала — вероятно, это реакция после стольких волнений.

26/V-65 г.

Вчера, 25-го, были Серго Закариадзе и Фатма Твалтвадзе. Разговор шел о шекспировских постановках. Серго хочет играть Лира. 24-го были Георгий Натрошвили и Вахтанг Горганели. Принесли ему журнал «Дроша», где целая страница предоставлена Симону. Симон сам увидел, что напечатаны на ней снимки. Сидели долго, пообедали с нами, много смеялись. После отъезда врача Симон не работал — чувствует себя очень слабо. Утром 25-го позвонил Микола, рад, что операцию делает Шевелев, ждет нас в Киеве, сказал: «Мой дом — тот же ваш дом». Оказывается, Антокольскому лучше. Это известие нас очень обрадовало. Симону понравилось в «Дроша» стихотворение Джавахадзе «Война всегда кончается поздно». Недавно были напечатаны стихи Полю Абрамья. Одно ему понравилось, он был очень рад. Он так радуется, прочитав хорошее стихотворение, будто сам его написал. Заставляет читать стихи Отара Чиладзе и слушает с удовольствием, считает, что он — талантливейший поэт. После работы до позднего вечера читает ему Ника. Когда Ника был в отъезде, Симон скучал, говорил, что он такой тихий, кажется, что его нет дома, но при нем все наполнено жизнью, без него же пустота в доме. Позвонили Резо Джапаридзе, Васо Кикнадзе и другие. Они где-то кутили, видно, захмелели, вспомнили Симона, ему было приятно.

3/VI-65 г.

Были Миша Лунонин, Резо Маргиани и Гриша Абашидзе. Рассказывали о вечере Миши. Потом Миша читал переводы из Симона и других. Некоторые понравились. Случилось так, что меня не было дома. Я так редко выхожу из дому, надо же бы-

ло выйти именно тогда. Симон встретил меня оживленным и в хорошем настроении, а то все эти дни был не в духе. Да, в середине мая был здесь Саша Межиров, сперва один, во второй раз — с женой. Очень обрадовался встрече с ними. Вообще, когда приходят писатели и посетители, он обо всем забывает, оживляется, разговаривает с увлечением. Завтра вечер памяти Левана Асатиани. Сегодня был Гурам, и для телевидения записали несколько слов о Леване. Передадут завтра. Его очень интересует этот вечер, спрашивает, как и что будет, кто выступит. Вспоминает эпизоды из жизни Левана с большой любовью и печалью. И вечером было много людей. День выдался очень утомительным, он устал.

4/V-65 г.

Сегодня Симон немного работал. Просматривал подстрочники для Москвы. Написали письмо Арсению Тарковскому. Прочли в «Лит. Сакартвело» записи из дневника Левана. Ему чрезвычайно понравилась запись о Цицамури. Всё восклицает, как, мол, это ему удалось, ведь это, говорит, стоит одного хорошего стихотворения! Это видение, удивительная находка, откровение! Все наши на вечере Левана. Мы дома одни. Чтоб не затосковал, я ему читаю. После 10 часов просит меня позвонить по телефону, узнать, кончился ли вечер. С нетерпением ждет Нику. Он вернулся и в подробностях рассказал ему о вечере: народу было много, вечер был теплым и хорошим. Симон остался доволен, его вопросам не было конца.

5/V-65 г.

Все эти дни свелись к разговорам о Леване. Симон доволен, что устроили этот вечер, хотя Левана и помнят, но вечер еще больше оживит память о нем. У всех, кто приходит, спрашивает мнение о дневнике Левана и выражает свое восхищение. По телефону позвонил Георгию Натрошвили и Гие: прочтите! Потом они позвонили и сказали, что и им понравилось. Вечером все званы на обед к Тине Асатиани. Мы одни. Поздно вечером пришел Гия, просмотрел и окончательно исправил подстрочники, завтра пошлем в Москву. Днем Симон работал. Потом почему-то засомневался и сказал мне: «А может, Шевелев только успокаивал меня, говоря, что это мне поможет». Я убеждала его в обратном. У нас была доктор Мальцева. Она успокаивала его, дала нам несколько советов, внимательный и хороший врач. Вечером Ника возвратился поздно. Симон проснулся, усадил его и заставил рассказать. Он всегда так — когда бы ни пришел Ника, он дожидается его, а если и

уснет, то обязательно проснется, и они беседуют. Ника рассказывает ему все в подробностях, с юмором, милый мой мальчик. Гия вернул нам письма Пастернака, он готовит для «Вопросов литературы» выборку из писем Пастернака к грузинским писателям. Вечером Симон слушал по телевизору передачу о Леване. Свой голос ему очень не понравился — показался старым. Передача была хорошая. Гия передал, что Гарик Бебутов предложил установить у Симона дежурство, читать ему газеты, развлекать его. Симона очень тронула такая чуткость. Вообще армяне умеют дружить. Мы это испытали на себе. Никогда не забудем внимание и заботу И. В. Агаджанова во время неприятностей, выпавших на нашу долю. Такое забыть нельзя, тем более со стороны почти незнакомого человека.

6/V-65 г.

В эти дни я должна была отобрать для Гии письма Пастернака. Перечла я вновь 34-36 писем, написанных им Симону. Какие удивительные письма он писал! 2-3 письма адресованы мне.

16/V-65 г.

Был норвежский писатель и профессор Мартин Наг с женой. 15-го ночью позвонил Нонешвили и попросил принять приехавшего норвежского писателя, желающего встретиться с Симоном. Утром мы не хотели было принимать его. Но потом заметили, что Симон сожалеет об этом, и приняли гостей в час дня. Были они до 4-х часов. Он знает поэзию Симона. Прочел отрывки из стихотворения Беллы, посвященного Симону. Я не вышла к ним — плохо себя чувствовала. Очень образованный человек, как отметил Симон. Он хочет написать о Нордам Григе, которого Симон знал, и о грузинской литературе. Грузия ему очень понравилась. Симон очень доволен этой встречей. Они обменялись своими книгами.

17/V-65 г.

Сегодня нас посетила редактор «Библиотеки поэта» Цурикова, с ней пришли Нита Табидзе и Гия Маргвелашвили.

24/II-67 г. (со дня смерти Симона прошло одиннадцать месяцев).

За несколько дней до смерти он вспоминал какое-то место из «Волшебной горы» Томаса Манна и сказал с уверенностью: «Ведь помнишь?» Я не помнила. Он рассердился: «Как можно не помнить такое место! Достань книгу и перечти».

Книгу-то я достала, но прочесть не смогла. Симону было очень плохо. Прошло несколько месяцев после смерти Симона. Я начала вновь читать этот роман. Поразительно, я чуть не сошла с ума! Там удивительно описана смерть Иоахима, будто описана смерть самого Симона... «жил ускоренными темпами, словно раскручиваемая пружина от часов, он галопом пронесся через возрасты, которых ему не было суждено достигнуть в условиях обычного времени, и за последние сутки превратился в старика... Ослабление сердца вызвало отечность лица, придававшую ему изнуренный вид настолько, что... возникло впечатление, будто умирание — это мучительный труд... потом он начал делать какие-то странные движения рукой... Взор... словно надломился, сведенные бессознательным напряжением черты разгладились... затихшее лицо стало опять прекрасным: так это свершилось». Все было почти так же. Мой любимый, как он похоронен и помолодел. Мой милый, я видела все это и осталась жива, как страшно!..

* * *

Марика скончалась 20 августа 1968 года. Как она и завещала, тело ее кремирова-

ли, а пепел смешали с землей на могиле Симона.

Перевела Кетеван ХУНДАДЗЕ

ИНТЕРЕСНОЕ ИЗДАНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «Мерани» выпустило в свет книгу профессора И. Богомолова «Тропою дружбы».

Вошедшие в нее литературные очерки посвящены многовековым русско-грузинским литературным взаимосвязям, начиная с XVIII века и кончая советским периодом. На фоне таких выдающихся личностей, как А. Грибоедов, С. Есенин, Н. Тихонов, А. Чавчавадзе, Г. Эристави, Н. Бараташвили, А. Церетели, автор раскрывает историю развития русско-грузинских литературных взаимоотношений, укрепления дружбы и братства

двух наших народов. Вместе с тем в книге рассматриваются малоизвестные или вовсе неизвестные факты, показаны связи с Грузией таких писателей, как В. Соллогуб, Е. Вердеревский, М. Гамазов и другие.

Интересны страницы, где дан анализ русско-грузинских взаимосвязей, получивших отражение на страницах русской периодики в Грузии в первой половине XIX века.

Книга снабжена предисловием члена-корреспондента Академии наук Грузинской ССР, секретаря правления Союза писателей Грузии Г. Цицшвили.

КНИГА, ИЗДАННАЯ В ВЕНЕЦИИ

В КНИГЕ «Авангардизм в Тбилиси», изданной в Венеции в 1982 году, собраны очерки, статьи и недавно обнаруженные неопубликованные материалы по истории, теории и практике модернистских, а точнее авангардистских школ и течений, существовавших в Грузии в десятих-двадцатых годах нашего века («Голубые роги», «Сорок один градус», «Цех поэтов», дадаизм, футуризм и др.), а также материалы о жизни и творчестве важнейших представителей этих течений.

Редакторами сборника, вышедшего под эгидой семинара Венецианского университета, занимающегося проблемами иранистики, урало-алтаистики и кавказологии, являются Луиджи Магаротто, Марцио Марцадури и Джиованна Пагани Кеза.

В предисловии, автором которого является Марцио Марцадури, с благодарностью упоминаются лица, способствовавшие составлению этого замечательного сборника. Среди них — живущие в различных уголках земного шара грузинские, русские, итальянские ученые, общественные деятели, вдовы и наследники поэтов-авангардистов.

Книга открывается статьей Джона Э. Боулта (Техас) «Ладо Гудиашвили», написанной на английском языке (7—15 стр.). В ней рассматривается парижский период творчества выдающегося грузинского художника (1920—1925), а также последующий его этап.

Особо отмечает автор сотрудничество Ладо Гудиашвили с голубороговцами, его знакомство с Пиросмани, глубочайший интерес художника к грузинским фрескам, взаимоотношения с целым рядом грузинских и зарубежных мастеров. Особенное внимание уделяется факту дружбы Ладо Гудиашвили и Давида Какабадзе.

Возвратившись из Парижа в ноябре 1925 года, Ладо Гудиашвили активно включается в творческую жизнь Тбилиси. Джон Э. Боулт пишет о восстановлении его дружбы с Тицианом Табидзе, оформлении интерьера отеля «Ориант», создании декораций к марджанишвилевскому спектаклю «Ламара», о его работе в Тбилисской академии художеств.

«Почему мы должны помнить Гудиашвили? Он не был абстракционистом, и когда мы сравниваем его с Кандинским, Лисицким, Малевичем и Татлиным, Гудиашвили предстает перед нами более консервативным художником» (стр. 7). Вся статья Джона Э. Боулта — поиски достоверного ответа на этот вопрос.

Гудиашвилевский стиль представляется автору статьи комбинацией грузинской художественной традиции с европейским модернизмом.

Он акцентирует внимание на пластике художника: «В отличие от своего коллеги Какабадзе, Гудиашвили не увлекался ни кубизмом, ни вообще абстрактным искусством, и его «экспрессионистская» деформация имеет совершенно иные истоки» (стр. 10).

Таким истоком автору статьи представляется творчество Модильяни. Это положение нам кажется недостаточно обоснованным и принципиально спорным, как, впрочем, и некоторые другие его соображения, с которыми специалисту по истории грузинского искусства или исследователю общеавангардистской типологии подчас трудно согласиться. Таковы сами по себе не лишённые интереса параллели с творчеством Александра Яковлева, Тохугору Фуджиты, Льва Бакста и других или увязывание стиля иллюстраций к «Мудрости вымысла» со стилем Бердели.

Большое внимание уделяет Джон Э. Боулт тематике картин Гудиашвили. Отмечает «основную» тему раннего периода его творчества — «тему кинто», затем символистский уклон к «идеалу прекрасного» — своего рода отклик на блоковскую «Прекрасную даму» (стр. 13), стремление художника к изображению типов возвышенных, воздушных, прекрасных женщин, слитых с космической гармонией; его своеобразия — пессимизм и меланхолию, вызванные различными субъективными и объективными причинами.

К чести автора статьи следует сказать, что, как пра-

вило, он даёт безошибочную оценку творчеству Гудиашвили, называет его «глубоко профессиональным художником» (стр. 7).

О высоком вкусе Джона Э. Боулта несомненно свидетельствует и тот факт, что в своих сравнительно кратких экскурсах он всегда выделяет наиболее значительные полотна мастера.

Автор пишет: «Картины «Грешная семья» и «Обездоленная» изображают не сцены из жизни «пришедшего в упадок» капиталистического Запада..., а из жизни тбилисских трущоб» (стр. 14). И далее отмечает, что «архитектура «Обездоленной» на заднем плане явно тбилисская» (стр. 15).

Это несомненно так, но, говоря об этих шедеврах Ладо Гудиашвили, следует помнить, что «старый Тбилиси» в грузинском искусстве — понятие особенное, надвременное, и было бы наивно произведения, отражающие жизнь старого Тбилиси, непосредственно связывать с реальностью, в которой они созданы. (Вспомним хотя бы творчество Елены Ахвледиани последних лет).

Следующая статья в сборнике принадлежит перу нашего соотечественника Гастона Буачидзе (стр. 17—31). Она написана на французском языке и посвящена Давиду Какабадзе. Статья носит дескриптивный характер и ставит своей целью ознакомить европейского читателя с теоретическими положениями гениального грузинского авангардиста. Гастон Буачидзе с большой добросовестностью выполняет поставленную перед собой за-

дачу. Его статья представляет собой краткое изложение книг и статей Давида Какабадзе, изданных в Париже или опубликованных в Грузии, снабженное соответствующими биографическими справками и необходимыми **пояснениями.**

Статья Джеральда Янечека (Кентукки) — «Аслабличье» Ильи Зданевича («Аслабличье» и «Перенос зауми в драму») (стр. 33—42) — весьма своевременное и профессиональное исследование о проблеме «зауми» в драматургии Ильи Зданевича. «Аслабличье» Ильи Зданевича (1894—1975) — цикл из пяти драматических поэм; первые четыре написаны и опубликованы в Тбилиси.

Драмы Ильи Зданевича — сложные и глубоко осмысленные произведения, трудные для восприятия благодаря своему авангардистскому характеру, а также резко ироническо-пародийному духу (выявленному подчеркнутым эксцентрически), и, что главное, благодаря «зауми», или бессознательному языку (восприятие поэм осложняется и множеством шрифтов, используемых со скрытой закономерностью, неравномерностью и этажностью строки).

В статье Янечека дается серьезный лингвистический анализ фонетических процессов, происходящих в языке пьес Зданевича.

Он объясняет специфику языка драм Зданевича, который называет гранью «между русским и заумью», наряду с другими фонетическими процессами и графическим изображением речевых знаков, дифференцирующих «окающий» и «акающий»

диалекты русского языка. Предложенная им схема фонетических процессов «зауми» Ильи Зданевича вызывает бесспорный интерес.

Мы добавили бы к ней одно: «исправление» Ильей Зданевичем русской орфографии согласно произношению в определенной степени обязано «золотому правилу» грузинского языка — пиши как произносишь.

Значительную часть сборника (стр. 45—98) занимает статья «История и теория грузинского авангардизма», принадлежащая перу известного итальянского карвелолога, профессора Венецианского университета, одного из составителей сборника и его редактора Луиджи Магаротто.

Это компетентное исследование, свидетельствующее о редкой эрудиции автора, состоит из трех частей.

В первой части Л. Магаротто говорит о том, что установление Советской власти в Грузии явилось значительным историческим событием, в корне изменившим все сферы жизни грузинского народа: его культуру, экономику, политику. Эти кардинальные преобразования сказались прежде всего на столице Грузии. Навсегда канули в прошлое все элементы быта старого города. Бард дореволюционного Тбилиси Иосиф Гришавили своими печальными стихами и в высшей степени колоритной книгой «Литературная богема старого Тбилиси» погрузился с почившим миром кинто и карачохели, каравансараев и духанов.

Затем автор коротко знакомит итальянского читателя с судьбой Грузии после ее

присоединения к России. Насколько тяжело было ярмо национального гнета, насколько беспощадно попиралось царской плутократией все грузинское, настолько крепок был братский союз двух культур — грузинской и русской (с одной стороны Грибоедов, Пушкин, Лермонтов, Толстой и Грузия, а с другой — «испившие воды Терека» и Россия).

В начале XX века сотрудничество двух культур продолжается с прежней интенсивностью (Бальмонт, Есенин, Маяковский, Пастернак, Мандельштам — П. Яшвили, Т. Табидзе, В. Гаприндашвили и другие «голубороговцы»).

Вторая часть статьи в основном посвящена литературной жизни Кутанси. «Тбилиси, — пишет автор, — покорял иностранцев прежде всего своим гибридным аспектом: он был местом смешения наций и религий, местопребыванием администрации царской бюрократии и крупным торговым и финансовым центром на пересечении дорог Запада и Востока. Однако местная интеллигенция с отвращением смотрела на подобную гетерогенность и предпочитала столице менее «компромиссный» культурный центр, более прочно хранивший национальные традиции, — Кутанси, главный город Западной Грузии, где зародился грузинский литературный авангардизм».

Скупыми, но выразительными штрихами рисует Луиджи Магаротто кутаисскую жизнь начала XX века, ее неповторимый колорит (он приводит слова Виктора Шкловского: кутаисские до-

ма были бы реалистичны для театра, но для города они более чем театральны; и т. д.) тату из Колау Надирадзе том, как город начал освещаться газовыми фонарями и др.).

Здесь в Кутаисской гимназии и духовной семинарии одновременно учились будущие основатели грузинского авангардизма П. Яшвили, Т. Табидзе, Г. Табидзе, В. Гаприндашвили и другие. В 1915 году они основали новую литературную группу — «Голубые роги». Автор перечисляет членов группы, дает краткие биографические сведения о каждом из них и, опираясь на воспоминания и статьи современников, ярко и лаконично характеризует их, проявляя вкус и довольно высокую культуру эссеистского мышления. Далее Л. Магаротто приводит полностью литературный манифест «голубороговцев», со скрупулезной точностью переведенный им на итальянский язык, с глубоким знанием дела анализирует его, знакомя своих соотечественников с литературно-эстетическими убеждениями грузинских авангардистов и выявляя внутреннюю близость этих убеждений с теоретическими воззрениями западноевропейских и русских представителей этого течения.

До выхода «Голубых рогов», органа грузинских авангардистов, и после их закрытия (вышло всего два номера), — пишет Магаротто, — «голубороговцы» активно сотрудничали в таких периодических изданиях, как «Друг», «Колхида», «Имерети», «Община», «Свирель», «Народная газета», «Народ», «Грузия», «Театр и

жизнь», «Паскунджи», «Золотое руно», «Скала» и др. Они и сами издавали газеты и журналы — «Баррикада» (Т. Табидзе), «Бахтриони» (Г. Леонидзе), «Мечтающие газели» (В. Гаприндашвили), «Стрелки» (С. Цирекидзе). Наиболее значительным из этих изданий, пропагандирующих авангардизм, Л. Магаротто представляются «Мечтающие газели», которые выходили в Кутаиси и Тбилиси в 1919—1924 годах (всего вышло 11 номеров), и «Стрелки», вышедшие в Кутаиси в 1920 году в трех номерах. «Голубороговцы», — пишет Магаротто, — более всего обязаны французским символистам. Это влияние наглядно проявилось в их бесконечных поисках совершенной формы, в ритмическом многообразии музыкальности фразы, в стремлении установить и утвердить эстетическое достоинство слова, а также в исполненных ими переводах произведений французских символистов».

В третьей части статьи отмечается, что в начале 20-х годов центр грузинского авангардизма перемещается в Тбилиси. В России в это время бушует гражданская война. В Тбилиси съезжается множество русских писателей, художников, музыкантов, актеров. «Голубороговцы» принимают активное участие во всех начинаниях русских авангардистов. Статьи и стихи Т. Табидзе, П. Яшвили, В. Гаприндашвили и других то и дело появляются на страницах русских периодических изданий: «Курантов», редактором которых был молодой поэт Борис Корнеев, «Феник-

са», идейным инспиратором которого являлся акмеист Юрий Деген, «Агс», во главе которого стоял другой поэт-акмеист С. Гордодзидзе. «Голубороговцы» — постоянные участники дискуссий, разгорающихся после публичных выступлений И. Зданевича, А. Крученых, И. Терентьева. Несмотря на полное различие между грузинскими авангардистами и русскими футуристами и постфутуристами, они, по мысли Л. Магаротто, оказывали плодотворное влияние друг на друга.

Далее автор подробно останавливается на деятельности грузинских футуристов (С. Чиковани, А. Белиашвили, Б. Жгенти, Н. Чачава и др.), основавших собственный литературный орган «Н₂SO₄» и провозгласивших собственный манифест. Он отмечает близость их творческой практики и теоретико-эстетических убеждений к поэтическим достижениям и теоретическим доктринам русских и западноевропейских футуристов.

Вслед за статьей Л. Магаротто напечатано капитальное исследование Марцио Марцадури о тбилисском футуризме 1917—1921 годов, состоящее из четырех частей (стр. 99—179).

В начале первой части рассматривается историко-политическая ситуация, обусловившая сосредоточение значительных сил тогдашней русской литературы и искусства в Грузии и в частности Тбилиси, столице новорожденной республики.

Далее автор последовательно знакомит итальянского читателя с прибывшими

в Тбилиси русскими литераторами, зачастую представляемыми противоположных литературных течений, с книгами, журналами, альманахами, издававшимися ими здесь, с историей основания их корпораций. Он весьма достоверно воссоздает жизнь русских поэтов в нашем городе.

Марцио Марцадурі коротко говорит о тбилисском периоде деятельности известного русского акмеиста Сергея Городецкого — об учреждении им «Тбилисского Цеха поэтов», открытии «Артистериума» и издании журнала «Агс».

Затем автор рассказывает о создании поэтом Юрием Дегеным (которого он называет «автором элегантных стихов в стиле Кузмина» (стр. 105) «Цеха поэтов кольчуг», в который входили Татьяна Вечорка, Борис Корнеев, Игорь Терентьев, Александр Чачиков (Чачикашвили) и другие; о печатных органах «Цеха...» — «Фениксе», «Курантах», «Кавказском слове»; о «Студии художественной прозы», основанной ими (Т. Вечорка), об «Академии искусства» (Б. Корнеев и С. Рафалович) и «Фантастическом кабачке».

Далее он подробно останавливается на истории создания «41⁰» и дает биографические справки о его членах — Илье Зданевиче, Кирилле Зданевиче, Алексее Крученых, рассказывает об их взаимоотношениях с грузинскими («голубороговцы») и армянскими (Кара-Дарвиш) авангардистами.

Обозревая историю литературных течений в Тбилиси того времени, Марцио

Марцадурі проявляет достаточную компетентность; он говорит об их взаимоотношениях и взаимосвязях, подробно останавливается на деятельности «голубороговцев» и «Фантастического кабачка».

Вторая часть почти целиком посвящена «41⁰» и важнейшим проблемам всего русского футуризма — художественной коммуникации и нового языка. Автор исследования ищет корни «41⁰» в творчестве А. Крученых дотбилисского периода (т. е. до 1919 года).

О высоком профессионализме Марцио Марцадурі свидетельствует тот факт, что, рассматривая эту проблему, он не ограничивается только поэзией (Хлебников, Маяковский, Крученых, Зданевич, Терентьев и др.), но учитывает контекст всего современного авангардистского искусства (Малевич, Ларионов, Гончарова, Матюшин).

Между прочим, Михаила Ларионова, который, по словам М. Марцадурі, являлся «одной из важнейших фигур европейского художественного авангардизма» (стр. 107), грузинская общественность знает как друга Ильи Зданевича и популяризатора Пиросмани.

Автор подробно анализирует теорию «зауми» (бессознательного языка) Крученых, а также Хлебникова.

Третья часть посвящена проблеме художественной реализации теорий «зауми» и «сдвига» Алексея Крученых в творческой практике «41⁰» и прежде всего в поэтических сборниках самого Крученых, изданных в Тби-

лиси. (Алексей Крученых известен также как создатель новой дисциплины «Сдвигологии», изучающей изменение содержания стихотворения в результате получения нового слова путем слияния соседствующих слов в строке, вызванного метрическим ударением).

В четвертой части труда Марцио Марцадури исследуется важная проблема в истории авангардизма — проблема взаимосвязи «41⁰» и даданизма.

Еще современники (Т. Табидзе, С. Чиковани) отмечали, что «41⁰» гораздо ближе французскому дадаизму, нежели русскому футуризму. Андре Жермен уже в 1923 году охарактеризовал «41⁰» как «русский сюрдадаизм».

Илья Зданевич отличительным от «дада» признаком «41⁰» считал «заумь», которой придавалось особое значение. Однако мы уже знаем, что «заумь» в качестве дифференцирующего признака не подходит, поскольку, как справедливо указывает Марцио Марцадури, она не была чужда и «дада» (Хьюго Балл, Тристан Цара и др.). От себя мы отметим, что только «заумью» «41⁰» не может отмежеваться ни от собственно русского футуризма (Хлебников, Каменский, ранний Крученых), ни от итальянского (Альда Палацески, Маринетти, Луиджи Русоло).

Интересно, что, сравнивая «дада» и «41⁰», Марцио Марцадури исходит главным образом из поэзии Алексея Крученых; творчество Игоря

Терентьева и Ильи Зданевича отходит на второй план, в то время как при учете зданевичевского варианта «зауми» окончательные выводы исследования могли быть еще более значительными.

Без преувеличения можно сказать, что Луиджи Маргаротто и Марцио Марцадури своими работами внесли значительный вклад в исследование истории не только грузинского и русского, но и мирового авангардизма.

В сборнике напечатана статья вдовы Ильи Зданевича Елены Зданевич «Илья Зданевич в Париже: 1921—1923» (стр. 181—188), написанная на французском языке.

Эта небольшая по объему статья содержит немало интересных и неизвестных ранее сведений о начале парижского периода деятельности вождя русского дадаизма, о его творческих и дружеских контактах с корифеями французского и европейского авангардизма.

Нельзя здесь не выразить сожаление по поводу того, что уникальный, международного значения архив Зданевича, один из богатейших среди архивов известных авангардистов, в течение ряда лет хранившийся в Тбилиси в семье Кирилла Зданевича, не достался ни одному из наших музеев из-за непонятного и неоправданного равнодушия, проявленного ими.

Немало интересных материалов и достойных внимания соображений предлага-

ет статья Татьяны Никольской (Ленинград) «Игорь Терентьев в Тбилиси» (стр. 189—210). Игорь Терентьев как футурист сложился в Тбилиси и именно здесь стал одним из активнейших членов группы «41⁰». Он был широко одаренным человеком. Писал стихи и критические статьи, рисовал, был тесно связан с театром. Он преклонялся перед Крученых, в подражание ему щедро используя так называемый «заумный» язык, но тем не менее чувствовал, что «заумь» и бесконечное комбинирование различных языков приведет стих в тупик.

Интересно, что в своих «заумных» стихах Терентьев часто прибегал к видоизмененным грузинским словам, которые остроумно расшифровывает автор статьи.

Т. Никольская особо останавливается на одном из положений Терентьева, которое он считал «основным законом» поэтического языка: «Слова, похожие по звуку, имеют в поэзии похожий смысл».

Это положение часто реализовывалось в стихах футуристов (и не только футуристов), что подчас придавало их строчкам звучание каламбура, однако в истинной поэзии нередки случаи, противоречащие этому «основному закону», когда однородные по звуковому составу слова радикально отличались друг от друга по смыслу (наглядный пример этого — хотя бы ритмические пары).

Стремясь превратить «закон поэтической речи» в руководящий принцип, Терен-

тьев отыскал в творчестве Пушкина характерные соот- ветствия и провозгласил его «заумным» поэтом.

Такому виртуозу формы, как Пушкин, были доступны почти все тайны стиха, естественно, и в сфере звукописи не осталось ничего такого, что было бы упущено или не сделано им.

Никольская рассказывает далее, что в 1928 году Терентьев осуществил в Ленинграде постановку «Шинели» Гоголя, которая привела в восторг В. Мейерхольда. Безусловно, и этот факт свидетельствует о необычайно многостороннем таланте И. Терентьева.

О статье И. Терентьева, опубликованной во втором номере журнала «ЛЕФ» (1923, апрель-май), издававшегося Маяковским, Т. Никольская пишет: «В одном из номеров журнала он напечатал статью «ЛЕФ Закавказья», в которой обращается к молодым грузинским футуристам с призывом комбинировать языки на заумной основе» (стр. 205).

Эта фраза требует уточнения. Никакого призыва к грузинским футуристам в статье И. Терентьева нет, а есть следующее: «Только в этом году появились грузинские футуристы, сразу 25 человек. Обратились ко мне как к старожилу. Спрашивают: «Наши задачи? Кого бить? Чем ругаться? Что делать?» Ответил: «Ничего, кроме поэтического интернационала. Комбинируйте языки на заумной основе. Это самое нужное и самое опасное дело». «В Грузии это невозможно, нас убь-

ют...» («ЛЕФ», № 2, 1923, стр. 117).

Как видим, здесь отмечается факт и нет никакого призыва.

Эта небольшая статья Игоря Терентьева вызвала резкий отклик в Грузии. В газете «Рубикон» (№ 11, 17 июня 1923 г.) был опубликован ответ Тициана Табидзе «Директору 41 градуса Терентьеву» (стр. 3), в котором Тициан Табидзе оценивает статью Терентьева как «воровское и трусливое нападение» и «сказки Нациркекия».

Мы также считаем, что ссылаться на упомянутую статью Терентьева без комментариев не следует.

Немало интересных сведений содержит статья Александра Парниса (Москва) «Заметки к пребыванию Мандельштама в Грузии в 1921 году» (стр. 211—220).

Замечательный русский поэт Осип Мандельштам, как известно, неоднократно бывал в Грузии, что оставило неизгладимый след в его творчестве.

Велика заслуга О. Мандельштама в деле перевода на русский язык грузинских поэтов, его современников. Он одним из первых познакомил русского читателя с Иосифом Гришашвили, Георгием Леонидзе, Тицианом Табидзе, Валерианом Гаприндашвили, Николо Мичишвили, тем самым способствуя пробуждению интереса к грузинской поэзии. Он блестяще перевел на русский язык один из шедевров Важа Пшавела «Гоготур и Апшина».

Пребывание в Грузии оказало благотворное влияние

на самого Мандельштама, в творчестве которого наступил переломный момент. Поэзия его претерпела своеобразное преобразование, что, между прочим, отмечала и его супруга Надежда Мандельштам.

Сам Мандельштам неоднократно подчеркивал, какую неоценимую услугу оказал русской музе «начиная с Пушкина и Лермонтова» Кавказ и, в частности, Грузия.

Парнис отмечает и большую любовь поэта к Армении, в результате которой возник известный цикл его стихов.

Особо следует отметить заслугу Парниса в уточнении биографии известного армянского поэта-футуриста Кара-Дарвиша (Якова Минасовича Генджяна (1872—1930)).

Однако некоторые положения статьи А. Парниса требуют уточнения. Он пишет: «Переводы двух стихотворений из Гришашвили перекликаются во многом с его переводами из старофранцузского эпоса и сонетов Петrarки, а также откровенно связаны с его оригинальной лирикой. В частности это подтверждается сравнением текстов не «по сходству», а «по различию». Характерные для Мандельштама образы бинокля и палатки, отсутствующие в грузинском подлиннике «Перчаток» (ср. с переводом этого стихотворения, принадлежащим В. Звягинцевой), являются скорее «заимствованиями» из собственной лирики...» (стр. 218).

Александр Парнис имеет здесь в виду строки ман-

ний день список лекций и докладов А. Крученых, прочтенных им в течение 1917—1919 годов.

Вторая часть — «Уровень звука в поэтике Крученых периода «41^о» — наиболее обширна и значительна.

Роземару Циглеру прекрасно удалось показать связь иерархических уровней художественного текста с традицией в творчестве Крученых, его поэтические новации и разобрать все это в свете как предшествующих, так и современных модернистских и авангардистских учений.

Третья часть представляет собой «Библиографию А. Е. Крученых кавказского периода».

Во второй части сборника «Авангардизм в Тбилиси» собраны документы и материалы по истории тбилисского авангардизма.

Интерес представляет отрывок из воспоминаний Василия Катаняна (стр. 259—266) о жизни и деятельности Василия Каменского в Тбилиси. Несколькоми штрихами автор воссоздает живой портрет поэта, его речь, манеру письма. Воспоминания Катаняна ярки и образны.

На 277—280 страницах сборника напечатано письмо Игоря Терентьева (от 5/XII-24) к Илье Зданевичу, которое предваряет глубоко содержательное, предисловие, принадлежащее перу одного из редакторов сборника Джиганнаны Пагани Чеза (стр. 269—276).

Далее следует текст доклада, прочитанного Ильей Зданевичем 22 февраля

1922 года в Медицинской академии с пристыженным предисловием Марио Марцадури (стр. 281—308).

Интересно также стихотворение Алексея Крученых «Любовь тбилисского повара» с комментариями Марио Марцадури (стр. 267) и четыре стихотворения о «Фантастическом кабачке» — публикация и комментарий М. Марцадури, Т. Никольской и А. Парниса. Сюда вошли «Фантастический кабачок» Нины Васильевой (стр. 310—314), «В красной таверне» Александра Канчели (стр. 317), «Фантастический кабачок» Александра Порошина (стр. 318—320) и стих без заглавия Паоло Яшвили, написанный на русском языке, — «Бродячих и худых собак...» (стр. 321).

Стихотворения о «Фантастическом кабачке» предваряет вступительная статья Т. Никольской (стр. 309) и «Биографические сведения о Н. Н. Васильевой», собранные Е. Буренковой (стр. 322—333).

Трудно переоценить роль этой серьезной, богато иллюстрированной монографии в деле изучения как тбилисского, так и мирового авангардизма.

А нам остается только сожалеть о том, что университет Венеции опередил Тбилисский государственный университет и Институт истории грузинской литературы в издании этого замечательного сборника.

Акакий ГАЦЕРЕЛИА,
Бачана БРЕГВАДЗЕ,
Эмзар КВИТАИШВИЛИ,
Михаил КУРДИАНИ.

ФЕНОМЕН ВОЗНЕСЕНСКОГО

Начну с напоминания о первой заповеди Петербургской академии художеств (в речи о Вознесенском она очень кстати): «Не смей хвалить учителей!»

Я не нарушу священную заповедь, но дерзну объяснить на примере новой поэтической книги Вознесенского «Иверский свет», выпущенной издательством «Мерани», по-своему объяснить, в чем же заключается секрет читательского интереса к имени Вознесенского, в чем феномен его поэзии?

Почему русский поэт обращается к Грузии? Во-первых, потому, что такова судьба русской классической традиции. Во-вторых, потому, что в книгу включены переводы-интерпретации стихов из грузинских поэтов Р. Маргиани, И. Нонешвили, Ш. Нишнианидзе, Г. Абашидзе, О. Чиладзе... В-третьих, потому, что автор поместил в ней поэму «Андрей Полисадов» о своем грузинском предке, привезенном в качестве грузинского заложника в русский провинциальный город, где был усыновлен и получил новое имя — Андрей. В «Автоархивных заметках к поэме» А. Вознесенский пишет:

Ты прости мне, Грузия,
что я твой подкидыш,
Я всю жизнь по глупости
промолчал. Как примешь?
Бьется струйка горная
в мою кровь равнинную.
Но о крови вспомним мы,

только в грудь ранимые.
Вот зачем отец меня
брал на ГЭС Ингури,
где гора молитвенна,
как игумен.
...Это наши пропасти,
где мосты мизинцами,
Это наши прописи
рыцарства грузинского.

(стр. 81)

Раскрыв грузинское «Избранное», чем по существу является новая книга Андрея Вознесенского, попадаешь в мир, присущий одному ему — в мир авторского гипноза и читательского доверия.

Поэт дает пищу интеллекту читателя, и читатель начинает трудиться над загадками бытия, загаданными поэтом.

В данный сборник вошло все лучшее, написанное Вознесенским, словно это отчет поэта перед своей прародиной. Здесь мы встречаем знаменитую «Озу» и «Мастера», автобиографическую прозу с рассказом о Пастернаке, переводы с грузинского и из Микеланджело...

Живописность произведений, условность его мазков, нарочитая небрежность изображения, избегание банальностей и литературных штампов даже путем создания порой шокирующих образов или метафор (нравится нам это или нет), использование в качестве изобразительных средств часто лишь приблизительных ассоциаций, — вот что волнует в творчестве Вознесенского, восхищает или возмущает. (И последнее — тоже, не будем бояться правды, тем более, что это одна из целей Вознесенского, таким путем он борется с обыденностью, косностью, мещанством). Поэт

А. Вознесенский «Иверский свет», «Мерани», Тб., 1984.

манит читателя, увлекает и раздражает одновременно, таким образом используя все приемы психологического воздействия, чтобы читатель не мог пройти мимо, чтобы новая книга была для него неожиданностью!

Вот в чем, на мой взгляд, один из секретов феномена поэзии Вознесенского.

Он будоражит, он отыскивает родство со всем миром, со всеми нами, он подбрасывает ключ к человеческой душе. Мы знали вчера с его клятвенных слов, что он до мозга костей русский:

...Россия!
Я твой капиллярный
сосудик.
Мне больно,
Когда тебе больно,
Россия!

Сегодня он почти грузин (опять же: нравится нам это или нет) со своим предком Андреем Полисадовым; а вчера и сегодня в сумме — он житель Земли вообще (такова свобода его поэтической воли). Но, по крайней мере, он пока ограничился одной планетой, покамест ему хватает для жизни Земли.

Не в нас ли самих также заключен секрет феномена Вознесенского? Из нас он творит образ Эпохи. Здесь в ней необходимы и его учитель Пастернак, и грузинский предок Андрей (тезка поэта), и Высоцкий, и Микеланджело... Широта мышления необыкновенна. Глубина, правда, не всегда соответствует широте. Но можно ли требовать объять необъятное?

Столь оскорбительное для слуха эстетов какофоническое звучание его поэтических строк иной раз вызывает у

них вполне обоснованный гнев, не просто раздражение. Но и этот гнев входит в задачу Вознесенского. В ряде случаев эстетский гнев вполне справедлив — тут они апеллируют к классическим канонам, классической гармонии. Вознесенский расшатывает их, наши эстетические устои, но почему же, отбросив его книгу, по истечении времени те же эстеты штурмуют книжные магазины, где продается новый том Вознесенского? Потому что Вознесенский воплотил в одном своем лирическом герое всех нас с нашими проблемами, потому что материализовал в своей поэзии Время. Да, конечно, не всегда его материализование времени было безупречным по исполнению, что же — как мог, как умел. Но кто в русской современной поэзии сделал это лучше?

Издательство «Мерани», предоставив трибуну Вознесенскому, внесло еще один вклад в дело укрепления нашей общей поэтической традиции.

К достоинствам данной книги относится работа Вознесенского в жанре перевода с грузинского. Удивительна здесь стилистическая аккуратность в работе с переводным материалом, несвойственная его собственным произведениям. При переводе с грузинского поэт учитывает особенности восприятия и настрои СВОЕГО читателя и преподносит ему грузинские стихи в присущей ему экстравагантной манере. Вот, например, как Вознесенский сохраняет желание И. Абашидзе «вращать вал», так что мы физически ощущаем вращение:

Неужто колесо цивилиза-
ции земной завертится

обратно?

Акрополь рухнет? И нахлынет
убийственная божия

гроза?

Неужто сумасшедшие гала-
ктики сорвут свои орбиты?

Народы сгинут? Снова необита-
ема планета станет и гола?

Но где же притаится бог
бессмерт-

ной Жизни? Ей немислимы
потери...

(«Стихотворение,
вращающее вал»).

Для переводов Вознесен-
ский избирает мало — толь-
ко созвучное себе. И поэто-
му он наполняет грузинские
стихи своим дыханием, без

чего они были бы чужды и
мертвы для русскоязычного
читателя. Грузинские стихи в
переводах Вознесенского на-
чинают жить на равных пра-
вах с «родными», собствен-
ными стихами.

Обращаясь к теме Грузии
своим творчеством, поэт тя-
нется к родной праистории,
истине, ищет в себе нацио-
нальное, связь с грузинским
народом, как и с русским.
Отсюда и «Андрей Полиса-
дов», и чисто русская грусть
по уходящей старине.

Вот еще один секрет не-
повторимости его поэзии, вот
в чем удача грузинского
«Избранного» Андрея Возне-
сенского.

Лада ОДИНЦОВА

Эраст КУЗНЕЦОВ

ФОРМУЛА РОДНОГО КРАЯ

СЕРИЯ, над которой на протяжении многих лет трудится Мирзашвили, не вполне обычна. Она никак не названа, в ней не ощущаются какой бы то ни было план, порядок следования, хотя бы самый расплывчатый сценарий, определяющий узловые моменты и их взаимоотношения.

Границы ее зыбки. Каждый сюжет рождается спонтанно, и сам художник затруднился бы сказать, что будет делать дальше, какие сюжеты возникнут хотя бы в ближайшем будущем. Ее объем не был загадан в начале работы, но и сейчас он не определился и даже не зафиксирован. Труд большой: многие десятки работ, частью хранящихся у автора, частью рассеянных по друзьям и знакомым, — и автор сам давно потерял им счет. Это конгломерат живописных работ, каждая из которых способна жить и самостоятельной жизнью, но в сообществе собратьев приобретает какие-то новые черты, открывает ценности более широкие, а значит все-таки связана с ними неким единством.

Всю серию составляют изображения, написанные темперой (вообще излюбленной техникой Мирзашвили) на

кусках картона, разного, большей частью горизонтального формата и небольшого размера, в среднем не превышающих 30×40. Посвящена серия Грузии: пейзажные мотивы, сто с фигурами людей, или иначе — фигуры людей, вписанные в пейзажный мотив, то распахнутый широко, то сжатый до небольшой площадки, воспринимаемой уже не как пейзаж, а как живописная среда.

Выбор мотивов выдает привязанности автора. Это либо горные районы со специфическим рельефом и специфическим образом жизни (Тушет, Хевсурети), либо предгорья, холмистые местности, которые одинаково характерны для разных частей Грузии: скупые холмы и невысокие горные отроги с отчетливой лепкой рельефа, изредка оживляемые отдельными деревьями или группами деревьев. Это ландшафты, чья выраженная скульптурность импонирует индивидуальности художника: то есть, с одной стороны, не равнинные, а с другой — лишённые пышной «живописной» растительности. Поэтому в его работах не угадываются ни Гурья, ни Имерети, ни Самегрело, ни Адазанская долина, но скорее Месхет-Джавахети, часть Картли, внешняя Кахети.

Незатейливость сюжетов может показаться однообразным. Они основаны на варьировании нескольких постоянных мотивов. Холмы, иногда с одним, двумя или несколькими деревьями или со стогами, иногда — с домами или со старой церковью. Люди, собравшиеся группками — два, три, четыре человека, время от времени рядом с ними возникают обычные спутники деревенской жизни — корова, собака, овцы, лошади.

Впрочем, «деревенской жизни» в точном смысле — сцен труда, отдыха, домашнего обихода и прочего здесь практически нет. Персонажи — не конкретные люди, обрисованные с той мерой индивидуальности, на которую обычно способен Мирзашвили, но, с другой стороны, и не безлико-безразличный стаффаж. Это выразители главной пластической темы художника: человек в природной среде. Они ничем не заняты и никак не общаются друг с другом. Они просто существуют в своей среде, погруженные в спокойную созерцательность, не маскируемую ни «беседой», ни «встречей», ни каким-нибудь иным сходным мотивом, неизбежно вносящим в изображение сиюминутность, преходящесть, частность.

Художник не впадает в пассаизм, милую романтизацию деревенской старины, которая нынче так модна, он создает ощущение сегодняшнего дня, увиденного только что, но и это

ощущение не склонен подчеркивать. Новое, современное ^{всегда} находится в известном конфликте со старым — это диалектика развития, и их конфликт может стать предметом эстетического освоения. Мирзашвили более увлекает ^{другая} сторона течения времени и процесса развития — постоянство, непрерывность, нерасчлененность. Деревня у него существует в гармоническом единстве старого, прежнего, переходящего в новое, современное, и нового, современного как продолжения этого прежнего.

Оттого так сильно в его работах ощущение недвижности, протяженности, длительности — так явно предпочтение сущности перед состоянием.

Обрисовывая сущность, он отбирает острохарактеристическое и устойчивое. Излюбленные мотивы — и одинокие фигуры или стада овец на крупных массивах склонов, и церкви на холмах — не пряная экзотика, а наираспространеннейшее, своего рода знаки грузинского пейзажа, каким он сложился в результате многовековых совместных усилий природы и человека.

Обрисовывая же состояние, он склоняется к характеристикам нейтральным, отвлеченным. Он обычно чуждается даже конкретных состояний природы — времени года и суток, погоды, охотнее всего воссоздавая некие усредненные вневременные состояния: скорее всего это ранняя осень или лето (ни лето, ни зима); безусловно, день, но день неотчетливый, с неярким рассеянным светом (ни утро, ни вечер, ни дождь, ни солнце).

Лучшие из работ серии по чистоте выражения в них типического, по сведению изображаемого к наиболее простым соотношениям приближаются к неким живописно-поэтическим формулам Грузии. Вместе с тем к формулам, обладающим действенностью подлинного жизненного впечатления. В этом единстве — художественная ценность и неповторимость серии и смысл своеобразия ее живописной формы, балансирующей между отвлеченностью и непосредственностью.

Система обобщения здесь носит отпечаток так называемого «дальнего видения»; точность отбора и синтеза позволяет как бы увидеть больше, чем на самом деле изображено. В домах, подобно кубикам разбросанных по склонам, в сущности, намечен только объем, но и этого достаточно, чтобы безошибочно отличить специфические тушинские постройки от домов предгорья: иной силуэт, иная компоновка на местности. Детали же обозначены далеко не всегда, да и то край-

не суммарно; балконы, окна, двери — чаще всего и они не столько видны, сколько подразумеваются. Те же простые объемы у церкви: куб, увенчанный характерным куполом либо параллелепипед с колоколенкой — заурядные деревенские церкви в квинтэссенции их традиционных форм. Люди и животные трактованы так же общо, порой сведены к силуэту, очень уверенно и точно намеченному соотношению основных масс.

Пространство обычно не глубоко, а уплощенно — либо барельефностью, сильно выдвигающей вперед дальние планы, либо опрокидыванием его на зрителя. Последний прием получает здесь своеобразное реальное обоснование, потому что горный рельеф позволяет располагать фигуры на склоне, идущем под углом к картинной плоскости и сокращающем реальное расстояние до дальних планов. В ряде случаев небо срезано верхним краем картины — здесь живописная поверхность, обозначающая почву, приобретает некоторую нейтральность в пространственной ориентации, и компоновка предметов на ней становится особенно очищенной, почти до формульной обнаженности.

Колорит — черные, белые, красные (реже бурые) пятна фигур на фоне богато разработанных охристых, коричневых, розовых, красноватых, золотисто-серых, рыжих и бурых тонов — вообще характерен для Мирзашвили. И он содержит богатство двойственности, неоднозначности. В его тяготении к неяркой, но насыщенной теплоте и плотности отчетливо видна отобранность, заданность, то есть в известной мере условность, однако это условность, производная от реального. Если справедливо суждение о том, что такая гамма «является излюбленным цветом классической живописи Грузии»¹, то оно нуждается и в расширении: это гамма цветов земли, той глины, из которой художник лепит свой мир по подобию существующего, это в точном смысле слова «землистые» краски, и они родственны землистым (минеральным) краскам старой фресковой живописи — тяжеловесности и строгости ее строя.

Стилистически серия не вполне однородна: устойчивость и здесь борется с подвижностью. Все работы объединяет быстрая кисть, дорожающая выразительностью четко положенного незаглаженного мазка, чуждая тонким протиркам краски,

¹ Софья Ерлашова. Тенгиз Мирзашвили. М., «Сов. художник», 1973, с. 12.

лессировкам, эффектам просвечивания и взаимодействия различных слоев и разнообразия фактур — письмо неизменно крупное и темпераментное, несмотря на небольшие размеры вещей.

В некоторых работах эта темпераментность проявляет себя более открыто — в легкости образуемой поверхности, плоскостности предметов, во всем характере «эскизности» или «этюдности» письма; в некоторых же (чаще в пейзажах) она служит лепке плотной и массивной формы сезаннистского толка — будь то тяжелые складки холмов или каменные кубы зданий. Сущность и здесь художнику дороже, чем мимолетность состояния — и рельеф создается употреблением чисто условной «тени», не зависящей от освещения настолько, что Мирзашвили позволяет явную парадоксальность ее размещения: на холмах — с одной стороны, на зданиях — с другой. Прием этот не вызывает ощущения диссонанса, потому что он естественно укладывается в отстранение от визуальной достоверности, проводимое художником.

Конечно, серия — плоть от плоти создание Мирзашвили: тот же интерес к деревне, то же равнодушие ко всякой фактурности, к, так сказать, драматургической живописи, та же созерцательность, недвижимое спокойствие, «тишина», располагающая к сосредоточенности, то же приподнято-монументальное восприятие явлений заурядных и выведение их из категории мимолетного, суетного, случайного, те же качества формы.

Отличия все-таки есть. При всей силе производимого впечатления оно не так насыщено, не так многозначительно: оттенок этюдной беглости присущ им. Однако, с другой стороны, здесь нет и отпечатка непосредственного контакта с натурой и неизбежно связанного с этим острого ощущения индивидуальности места и времени.

Это в самом деле не натурные этюды, как можно было бы предположить, но и не сочиненные композиции, а нечто промежуточное — работа по воображению. Именно по воображению, а не по памяти, и ни у одного из мотивов нет реального прототипа. Это фантазии художника по поводу многократно виденного, отложившегося в сознании, соединившегося с другими впечатлениями и знаниями и приобретенного качества типического, отобранного, синтезированного.

Поэтому мир, являющийся нам, необычен: он реален, убедителен, временами даже создает впечатление буквально виденного где-то и когда-то и заботливо перенесенного ху-

дожником на загрунтованный картон. Но впечатление обманчиво — это Грузия, не подсмотренная Мирзашвили, а как бы заново им созданная, не тождественная реально существующей, но производная от нее и явно окрашенная личными эстетическими пристрастиями автора.

Мирзашвили ищет и отыскивает поэзию и красоту в мотивах обыденных, заурядных, аскетически простых, в известной мере противостоя сложившейся в грузинской живописи традиции красочного — насыщенного и звучного — изображения родной природы. Картины Пиросманашвили, содержащие в себе такие же воображаемые пейзажи — несомненно, тот высокий образец, к которому прислушивался художник — и шел своим путем, не унижая себя подражанием.

Ощущением свежести и непосредственности — столь далеких как будто от выстраивания синтетического пейзажа и потому столь обогащающих его — художник обязан своеобразному, чисто импровизационному характеру труда. Начиная очередной сюжет, он лишь приблизительно, смутно представляет себе композицию, охотно подчиняется стихии процесса и меняет замысел на ходу. Работа идет свободно, не регламентируемая ничем, кроме потребности как можно конкретнее воплотить маячащий перед автором и постепенно уточняющийся образ.

Еще при своем возникновении чуждая любой априорности, любой заданности, серия сохраняет раскованность и сейчас, когда очертания ее как будто давно определились. Существование ее подвижно. Ко многим вещам Мирзашвили возвращается — и к тем, которые «не дозрели», были оставлены заведомо недоконченными (такие есть), и к тем, которые были вполне завершены, но вдруг потребовали продолжения и перестройки с точки зрения художника, его ощущения целостности. Серия живет: что-то отмирает, что-то меняется, что-то вырастает. Ранние вещи еще подражали невольно приемам натурального этюда, в поздних это ощущение пропадает; отсеивается случайное, становится все более неинтересным эффектное и экзотическое и даже то, что отдаленно может показаться эффектным и экзотическим. Все больше преобладает строгая скупость синтеза, словно бы все яснее становится художнику та неуловимая поэтическая формула родного края, к постижению которой он неутомимо стремится.

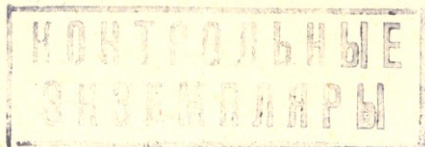
ИОСЕЛИАНИ Отиа Шалвович (род. в 1930 г.), грузинский писатель - прозаик, драматург. Ему принадлежит множество сборников човелл, рассказов, повестей, романы «Жила-была женщина», «Черная и Голубая река», пьесы — «Когда арба перевернется» и др.

ИРЕМАДЗЕ Акакий Константинович (род. в 1921 г.) — доктор исторических наук, профессор. Автор документальных романов и повестей «Живая легенда», «Борьбу направлял Ленин» и др. Чита-

ет лекции в Тбилисском государственном университете.

МАЧАВАРИАНИ Мухран Иванович (род. в 1929 г.) — грузинский поэт, автор более 25 стихотворных сборников. Главный редактор альманаха всемирной литературы «Саундже».

КУХИАНИДЗЕ Зураб Виссарионович (род. в 1930 г.) — грузинский поэт, автор множества стихотворных сборников. Директор кутаисского филиала издательства «Сабчота Сакартвело».

Сдано в набор 28.XI.84 г. Подписано к печати 18.I.85 г. Формат 84×108¹/₃₂. Высокая печать. Печ. л. 7,0—усл. печ. л. 11,97, Уч. изд. л. 14,0. УЭ 07712. Тираж 5.100 экз. Заказ 2700. Адрес редакции: 380008, Тбилиси, ул. Ленина, 5. Телефон 99-06-59.

Главный редактор Т. П. БУАЧИДЗЕ

Редакционная коллегия:

Ч. И. АМИРЭДЖИБИ, Э. Г. АНАНИАШВИЛИ, Р. Н. АСАЕВ, А. Н. БЕСТАВАШВИЛИ, Х. Л. ГАГУА, А. Н. ГОГУА, Э. В. ЕЛИГУЛАШВИЛИ, М. И. ЗЛАТКИН, Н. Г. КАРАШВИЛИ (ответственный секретарь), Г. Г. МАРГВЕЛАШВИЛИ, В. Г. МАЧАВАРИАНИ, Л. Ш. СТУРУА, Э. А. ФЕЙГИН, Г. В. ХАРАИДЗЕ (заместитель главного редактора), Г. Ш. ЦИЦИШВИЛИ.

ТЕЛЕФОНЫ:

Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного редактора — 93-13-57, ответственный секретарь — 93-31-28, приемная — 99-06 59, отделы — 93 31-43 и 93-65-19.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

При перепечатке ссылка на «Литературную Грузию» обязательна.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ
Тбилиси, ул. Ленина, 14.

65 к.

85-39

ИНДЕКС 76117

УДК 62-85
ББК 62.010.03

26-85

